

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

МЕСТЬ ЗА ОБМАН

*Москва
Издательство «БПП»
2010*

МЕСТЬ ЗА ОБМАН

Эскиз киноповести

Или

ЗЕМНОЕ ТЯГОТЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Шесть месяцев назад. Бытиё и сознание

Глава первая.

Ивана арестовали на четвёртом уроке. Он вышел из просторного тамбура, в котором утром стоят дежурные с красными повязками. Мужчина оказался рядом, начал застёгивать пуговицы нового тёмно-свинцового пальто с курчавым воротником. Вот резко потянул концы шарфа. Расправились мелкие зелёно-сине-белые клеточки. Обычно Иван, если не видит мама, бегает в школу без пальто, без шапки, но в тот день надел новую «москвичку» с множеством карманов.

Редкая снежная крупа бестолково сеялась на чистые бетонные ступени школьного крыльца, похожего на часть недостроенной минипирамиды. «За что арестован? — Припомнил события последних месяцев. — Не крал, не

разбивал окон, сделал пистолет, но его никто не видел. И не дрался давно». Неопределённость давила. Был спокоен, не задавал вопросов, не закатывал истерик, что называется, не оказал сопротивления при задержании.

За дорогой, сворачивающей налево, к стройке стадиона, тонул в снегу высокий дощатый забор, не успевший «загореть» летом. За этим забором жалобно скрипят на тросах гирлянды жестяных абажуров. Доносятся нестройные голоса, отдельные выкрики, звуки ударов и щелчков. На хоккейной коробке тренировка. Видна часть поля, нервный в маске вратарь перед воротами, мечущиеся за шайбой игроки в цветастой форме. Рано утром сыпал густой короткий буран, а к обеду потеплело. Иван в фиолетовом утреннем сумраке брёл в школу, а к хоккейной коробке протискивался трактор-бульдозер.

У незнакомца невыразительные, усталые, вдавненные в череп, серые глаза. Лицо не вызывало отчуждения, но почему-то не хотелось дерзить и сопротивляться. Если бы завтра увидел его, не узнал. Мужчина удивлён. Подросток не испугался, не просит отпустить, ничего не спрашивает, словно ждал его приезда. Это насторожило следователя...

По расчищенной дороге к стройке, переваливаясь, как утка, полз, ревя двигателем, заляпанный самосвал. Из кузова выплескивал тягучими лентами раствор. Он протаивал ямки в дорожном снегу. Об ажурную верхушку тельвышки рвались дымные лохматые тучи. У колёс черно-коричневой «Волги» намело снежные барханчики. «Приехал давно, — подумал Иван. — Но зачем? Неужели директор поделился с органами тем, что сказал ученик? Из-за

этого пустяка? ...Тогда из-за чего? Возможно, хотят завербовать в агенты, дать задание. Нет. Ошибка. Разберутся. Всегда ли разбираются? ...Сажать не за что. Ему пятнадцать лет. Правонарушений не совершал. Но за ним приехала не милиция. Тут что-то другое».

Иван несколько раз проанализировал все проступки. Их было немного. Пришлось дать разок нахалу, которому не понравились его валенки. Из-за этого привлекать по линии КГБ? Проступками нельзя назвать. Эти люди не занимаются пустяками. Может, кто-то из класса рассказал родителям, что случилось на уроке истории. ...При чём тут история? ...Тогда что?

Глава вторая.

Страх не было, но в душе свился холодный уж горького недоумения и чувств — незащищённости, досады и обиды. Не виноват, что живёт в сырой и затхлой раздевалке, что мама получает крохотную зарплату, хотя числится на двух работах. Каждый вечер, как только на стройке стихают стуки молотков и топоров, она отправляется в старой шубе с ружьём оберегать от воров государственную собственность. Она обходит объект, замечает, где валяются привезённые материалы, просит молодого мастера навести порядок. Мастер нехотя отрывается от больших сиреневых чертежей, приказывает плотникам подобрать разбросанный пиломатериал.

В сторожке-конторке — большая железная печь на кирпичках, столик с телефоном, грязные скамейки.

Рвут ночь прожекторы. Высвечивают высокую кирпичную стену в лесах. Это будут трибуны для футбольных болельщиков. Каждый вечер Иван наспех делает уроки. По проходу мимо дощатого бортика спешит к маме на объект, мимо разгорячённых болельщиков, тяжело дышащих запасных игроков. Кувалдой ломает на дрова старую опалубку, горбыли. Топором трудно перерубать толстые с гвоздями, с налипшими кусками бетона, доски. Сначала кувалда была очень тяжёлой, но через месяц с одного удара ломал горбыли и срезку.

Два месяца дощатая сторожка отапливалась электрическим нагревателем. Новый прораб запретил самодельный прибор, приказал установить печь. Засыпанные опилками тонкие стены избушки промерзают. Хотя Иван соорудил вокруг стен высокий снежный вал, печку нужно топить непрерывно. На совмещённой наклонной кровле настелен лишь рубероид. Бабкина просила несколько раз привезти опилки, чтобы утеплить крышу, но прораб и мастер забывают просьбу охранницы.

Дров нужно на ночь много. Иван бродит по объекту, собирает строительный мусор. Однажды привезли сосновые чурки. Их хватило на неделю. Строители в обеденные перерывы уносили по несколько чурбаков домой. Привозят сырую срезку. Она трудно разгорается, но потом даёт много жара. Иван выбирает толстые палки.

Иногда работала ночная смена. Каменщики час-другой вырабатывали привезённый раствор, потом дружно выбрасывали его из ёмкости. Набивались в тесную конторку. Сушили рукавицы и валенки, одновременно курили. В такие минуты Бабкина забирала ружьё и отправ-

лялась в комнатку. Бригадир нарезал колбасу и открывал бутылки с водкой. ...Выходя, из конторки с двумя большими окнами, каменщики громко переговаривались. Под светом прожектора, яростно засыпали остывший раствор снегом и уходили под звуки ударов по шайбе, под свист болельщиков.

На хоккейной коробке, как на базаре, каждый день шумно. Утром чистят лёд мальчишки. Гремят спортивные марши. Вытаскивают из раздевалки змеящиеся шланги, начинают поливать лёд. К вечеру включают все яркие лампы в жестяных скрипящих абажурах. Пар осаживается на них изморозью. Значит, завтра матч. На освобождённых от снега трибунах встанут болельщики, будут орать, свистеть, пить вино и водку.

Глава третья.

В конторке после ухода ночной смены слоились стойкие запахи водки, чебуреков, подгорелых мокрых рукавиц и дыма папирос. Ароматные большие куски дорогой копчёной колбасы лежали на расстеленной газете, а в бутылке за телефоном немного прозрачной жидкости. Иван понимает, что это символ платы за то, чтобы сторож не рассказала утром мастеру о том, как выбрасывался в снег раствор. «Мастер не глупый, — думает Иван, — подсчитает выработку — объём кладки, естественно, знает, сколько уходит раствора на кубометр».

Иван стесняется, есть оставленную колбасу. Ему стыдно брать чужое. Если бы предложили, отказался. Глотает обжигающую жидкость. Даёт себе слово никогда не

притрагиваться к подачкам. В такие минуты думает о своей жизни, считая, что она могла быть иной, если был в семье жил мужчина-отец. Приходилось с мамой таскать мешки с пшеницей для прокорма кур и гусей, сажать в степи картошку. ...Но лучше бы с отцом. У них мог быть свой дом и большой огород. В сарае жили корова и телята, овцы и козы. С отцом Иван пилил бы дрова, а летом они срубили баню. Таковую, как у Дергуновых. Иван не нянчился с соседским ребёнком. ...За рубанок. Ножовку мама купила, а вот стамесок и долот в магазине нет. Они ему нужны. В школе на трудах он сделал табуретку. Хочет соорудить книжный шкаф. Книг много. Этажерка мала.

...После матчей Иван выбирает из снега «урожай». Пустые бутылки. На полученные деньги купил набор стамесок. В городских хозяйственных магазинах много разного инструмента. Ему нужна дрель.

Иван знает, что отцы не всегда бывают пьяными, а только по праздникам. Он бы катался с отцом на тракторе или на автомобиле на бригаду или в город на элеватор. Как Колька Майшев. ...Мечтает Иван. У них обязательно был тяжёлый мотоцикл с коляской. Он его мыл и научился водить. Всей семьёй ездили в бор по грибы, по ягоды и, конечно, на рыбалку. У него подрастал бы брат или сестра. Иван о них заботился, и защищал от наглых детей, которые умеют подлизываться, а потом дразнятся. Но отца не было. Мама не хотела выходить замуж. Отец остался на фотокарточках.

Если кто-то давно, в детстве говорил об отце нехорошее, то Иван бросался на обидчика, колотя сильными кулачками. Теперь не защищает его. На одной фотокарточке

нарисовал незнакомому лётчику усы. Мама обиделась. Иван больше не портит снимков. Что теперь? Пусть лежат, как открытки с видами природы.

Отец бы мог прислать ко дню рождения письмо и немного денег на покупку велосипеда. Почти у всех мальчишек и у некоторых девчонок были в то лето лёгкие дамские велосипеды с разноцветными сетками на задних колёсах. И хотя Ваня никогда ничего ни у кого не просил, ему разрешали друзья прокатиться, но не дальше «двух столбов».

В пятом классе Ваня и его приятель Гена Попцов прочитали интересные книги — «Кондуит и Швамбрания», «Тимур и его команда», «Комендант снежной крепости» и решили организовать отряд «неуловимых разведчиков». Они соорудили из старых досок штаб за сараем. Отряд начал увеличиваться. Пришлось строить штаб побольше.

Иван не знал чем занять разведчиков. Помогать старикам, как делала команда Тимура, дети не хотели. Раскапывать курган им пришлось втроём. Курган был большим, солнце палило жутко, а работа двигалась медленно. Бросили раскопки. Хотели жить на берегу озера настоящими робинзонами. Сделали землянку, начали собирать заячью капусту, ловить рыбу. Рыба не желала ловиться. Ели корни камыша. Когда кончился хлеб и сахар, неуловимые разведчики исчезли в лесу, и к вечернему костру не пришли. Иван сидел у огня и ждал, когда остынет уха. Верный друг Гена сказал, что не стоит никого ждать, никто не придёт, потому что все ушли домой. В тот день они сплели из прутьев шелюги три больших мордушки и поймали

много карасей. Ночью у землянки остановился жёлтый, как жуланчик, милицейский мотоцикл.

Их предали. Знакомый милиционер дядя Ваня Видин попробовал уху, крикнул и приказал собираться домой, так как родители беспокоятся. В стороне стоял Генка Маркин и карябал цыпки на ноге. «Нас отпустили, — говорили друзья. — На пять дней. Мы должны сами добывать еду, — горячился Иван. — Построили землянку. Не протекает».

Давно это было. Он забывал товарищей по отряду. Отвечал на редкие письма неохотно и лениво. А что писать? О жизни на чужой квартире, об учёбе в новой школе. Будет ли им это интересно? Иван допил водку, и начал выгребать золу из печи. Настроение изменилось. Школьные неурядицы уменьшились. Тесная сторожка стала больше и светлей. Дрова, облитые бензином, разгорались быстро. Теперь пора уйти в сторону груды кирпичей, чтобы не встретиться с матерью.

Иван научился снаряжать, пахнущие горелым порохом, гильзы, так как покупка пачки патронов стоила не дёшево. Сделал приспособление для выколачивания старых пробитых капсулей, изготовил мерку для пороха. Иногда за ночь приходилось делать пять-шесть выстрелов. Часто готовил уроки в конторке и дремал на лавке за печкой, беспокоясь за маму. Утром шёл на уроки невыспавшийся, усталый. Отвечал невпопад, не усваивал новый материал.

Дымный порох делал, используя калийную селитру, серу и берёзовый уголь. Уроки химии. Сера принёс Сергей, а удобрение, которое растворяли и поливали фут-

больное поле, чтобы лучше росла трава, оказалась тем самым недостающим компонентом пороха. Колонистам из книги «Таинственный остров» было намного труднее.

Заводской бездымный порох экономичней и эффективней. Банки пороха «Сокол» хватало на четыре месяца. Отдельно Иван заряжал патроны рисом и солью, но несколько патронов были наполнены свинцовыми шариками. Иван и Сергей на электрической плитке переплавляли свинец из аккумуляторных банок, которые находили на свалке. Выливали расплавленный свинец в металлическую форму, потом рубили пластину на кусочки и сковородкой раскатывали картечь.

Глава четвёртая.

Бабкин остановился, когда сошли с крыльца. Заглянул в, утопленные под редкими кустистыми бровями, глаза. Волнение и трусливый холодок в животе притуплялись, но не проходили.

— Я не рассмотрел удостоверение. Как вас звать? ...Анатолий Дмитриевич, я могу задать вопросы? ...Вы меня увезёте, но нужно сообщить маме. Как бы забрать учебники. Я тут рядом в раздевалке живу. — Иван указал в сторону забора хоккейной коробки, за которым заснеженным кораблём возвышалась строящаяся трибуна стадиона.

— Учебники ваши возьмёт Крохин. Маму не стоит беспокоить, надолго не задержу? ...Доберёшься трамваем, — ответил следователь. «Знают всё. Собрали сведения.

Выходит, я совершил опасный проступок, если серьёзный человек приехал, чтобы арестовать меня».

— Я читал, что при допросе несовершеннолетних должен присутствовать учитель или родители. Пригласите пионервожатую.

— Допроса не будет. Просто напишите всё, как было...

— Как было, вам уже сообщили. Хотя я не понимаю что же «было»? О чём писать объяснение? могу здесь, в школе, чтобы не отвлекать вас. ...Откуда знаю. Мама работала в системе МГБ, потом МВД. Читал журналы «Советская милиция» и «Пограничник».

— Такой порядок, — недовольно сказал Анатолий Дмитриевич, открывая дверцу автомобиля толстыми короткими пальцами с плоскими жёлтыми ногтями. Иван хотел сказать, что происходит нарушение закона, но решил помолчать. Зачем дразнить гусей? Так говорила бабушка. Нужно понять, зачем понадобился.

— ...Я представляю большой интерес? И вы думаете, через меня, как считает, вероятно, директор школы, выйдете на кого-то ещё, кто ведёт подрывную работу. Он ошибся. Сразу скажу, что я не состою ни в каких подпольных кружках или группах. Это легко проверить вам. Если по такому пустяку вас посылают разбираться, значит, в городе есть и другие «нарушители», похожие на меня. Я — сказал то, что думаю. Обосновал. Все так думают. Разве это подрыв устоев государства? Законов я не нарушал. К свержению строя не призывал. ...Мне нужно делать уроки, заготовить дрова для мамы. Она каждую ночь охраняет этот объект. Вы это тоже, знаете? ...Вы отрабо-

тываете пустую версию. Проверять нужно, но не тратьте время. Некогда мне играть в подпольщиков, поймите, — следователь резко прикрыл дверцу, зло смотрел перед собой. Ивану показалось, что хочет его ударить. Бабкин сделал шаг в сторону от машины, из выхлопной трубы закручивался поросячьим хвостиком, серый дымок. — Честное слово. Директор с первых дней возненавидел меня за то, что я пришёл на линейку в шароварах. А потом история с наконечником...

— Вы начитались плохих книг. Поехали, — зазвенел звонок с урока. Мужчина передёрнул покатыми плечами.

— Плохих книг государство не может выпускать. Агитацией не занимался. Моё бытие определило моё сознание. Отпустите, мама будет волноваться. Если вам нужен образец почерка, возьмите тетрадку. Я принесу сейчас. Может быть, вам нужна моя фотокарточка? ...Вам поступил сигнал и вы должны отреагировать. Только не могу понять в чём моя вина?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Восьмой «Б» едет на природу.

Глава первая.

Трамвайный краснобокий вагон раскачивался на неровных рельсах. Мягко погромыхивая, медленно подкатывал к конечной остановке. Большой город кончился занавоженной деревней. Можно предположить, что узкоуличная, невзрачная деревушка и родила его — огромно-

го, статного красавца с широкими, сверкающими проспектами и зелёными от обрубывшей-тополей бульварами. Этот трамвай, — посланец города. Он кажется инородным телом, пугающим стуком колёс жителей, которые не могут привыкнуть к его появлению. Он важно проходит мимо домиков, отражается в волнистых зеленоватых стёклах маленьких окон. Трамвай — это одолжение, это подарок, доставляемый на праздник бедному родственнику от богатого.

Группа подростков в яркоцветных куртках, столпившись у выхода, тревожно загомонила.

— Где Петров? Кто видел Петрова? Ничего нельзя поручить!

— Я видел Генку, — привлёк к себе внимание одноклассников степенный подросток в туристской штормовке защитного цвета.

— Говори, — протиснулся к широколицему курносому Юрику Волкову физорг восьмого «Б» Стасик Дуднев. — Он обещал взять волейбол...

— На спортплощадке Петров с какими-то типами шушукался, — сказала симпатичная и не по возрасту крупная девушка Анна Овечкина.

— Ничего поручить нельзя. Безответственность, — строго выговаривал староста и отличник, чистюля и аккуратист Валька Рудин. Он был принципиален и строг, но никогда не отказывал в помощи ближнему, выделяя тетрадки для списывания домашнего задания.

— Давайте я домой съезжу за мячом, — затараторила смугленькая кареглазая Танюшка Мурашкина и, схватив-

шись за поручень сиденья, посмотрела в конец вагона — Скажите, где будете. Я вас найду...

— Митинг окончен, — шагнул к Дудневу высокий паренёк. — Я поеду за мячом. — Все обрадовано посмотрели на светловолосого и голубоглазого Валентина Поморцева, активного рыбака и неутомимого баскетболиста.

— Успокойтесь, мальчики. Весь трамвайчик на уши поставили своими криками. У Нельки есть волейбол. Она сказала. Чего ещё надо? Никто не будет возвращаться. ...Всегда его берёт. И сегодня взяла. Не боится испачкать. Не то, что некоторые, — прикартавливая, поясняла кругленькая малышка Инна Колесникова. — Хотя чего там пачкать.

— Правда, Нелли? — обрадовался физорг. — Ты просто молоток, Орлова. Чтобы мы без тебя тут делали, — восьмиклассники с некоторой радостью затормошили невысокую девушку в оранжевой болоньевой курточке. Староста класса, он же председатель совета отряда, Рудин важно протянул ей солнцезащитные очки с зеркальными стёклами. Это предмет зависти классных модниц. По слухам очки Вальке привёз из Англии отец, занимающий какой-то пост в не то в обкоме, не то в горисполкоме. Нелька неторопливо закрыла очками свои поросычьи глазки, надела на короткую причёску белый мальчишеский берет, повернулась к Татьяне Мурашкиной, с которой сидела на третьей парте в третьем последнем ряду. Таня, сдерживая восхищение, одобрительно замотала, как пони из зоосада, аккуратной чёлкой на смуглой головке. Зато мальчики заговорили, перебивая друг друга:

— Ты просто певица...Как её?

— Сказанул. Софи Лорен. Копия.

— Говорю тебе — Монро. Вылитая Мерелин.

Орлова склонила голову к плечу, сняла очки, посмотрела на своё искажённое отражение и протянула их старосте. Понимала, что мальчишки делают ей глупые и фальшивые комплименты. Она не могла не знать, что красавица она лишь для мамы. И только тогда, когда вымоет пол в квартире, вытряхнет половики и палас, сходит в детский сад за младшей сестрой. Многие девушки не поняли её жест. Раз староста предложил своё сокровище, то она может защищать свои сощуренные глазки, которые не являлись особым украшением лица девушки, а даже портили его своим грубым разрезом и необычной формой.

— Можно я примерю, — попросила подвижная рыженькая хохотушка Женя Живкова. Рудин протянул ей очки. Хотя девушки по несколько раз водружали на свои личики заграничный подарок, нетерпелось вновь посмотреть на мир в розовато-оранжевом цвете. Кое-кто приносил даже деньги, пытаясь купить роскошный предмет. Рудин спокойно отклонял предложения, говоря, что подарки не продаются и не передариваются.

— Если бы все были такими звеньевые, как Орлова, мы давно обогнали класс «А». — Строго и серьёзно говорил тщедушный Валька, предлагая соклассницам, стоявшим около него, импортные леденцы на палочках. — Учится хорошо. За сборную школы выступает. Её звено первое по сбору металлолома. Так вот. Я ей рекомендацию дам в комсомол. Она достойна, быть в наших рядах.

— ...Мячик у неё старый. Вот она таскает его за собой, — надменно сказала Аня Овечкина, сооротив грима-

ску пренебрежения. — Мой волейбол в прошлый раз про-
ткнули, и никто не помог заклеить. Я не дура, чтобы опять
прорвали. Нельке волейбол зашивают некоторые. Не ста-
нем пальцами показывать...

— Не брюзжи, как старуха, — отозвался весело Дуд-
нев. — Заклею. Забыл. Честное слово. Приноси.

— И с металлоломом туфта, дечки, — иронично го-
ворила Инна Колесникова — подруга Ани Овечкиной. —
Кто не знает? Иван Бабкин пахал за семерых. Если бы не
он, не видать им первого места. Своё звено предал, а им
помог. Он вожатый. Его все шестые слушаются. Натащи-
ли со стройки арматуру. Конечно, другу помогал. Ага.
...Не будем пояснять.

— Они Спаянные, — улыбнулась кареглазая Наташа
Ерёменко; — С детского сада дружат. Сергей нашему зве-
ну помогал. Что тут плохого? Я бы тоже помогала. Их
нужно в одно звено записать. Не хочет Нелька Бабкина
принимать, хотя у них выбыл Леня Ковтун. Если в наше
звено Крохина записать, то нужно кого-то выписывать. У
них вообще мальчиков мало. Вот Иван и помогает.

— Ага, — тряхнула детским рюкзачком Аня Овечки-
на. — Ты бы тоже помогала? ...За тебя старшеклассники
чертежи рисуют, а ты им на вечерах играешь на фоно
твист и чарльстон. И эти — фуги-буги. Директор не знает
о стилижных танцах.

— Не ссорьтесь, — бесцеремонно расталкивая, одно-
классников, пошёл к выходу болезненного вида Рудин. —
Подумаешь какие-то чертежи. И тебе Мерзляков чертил.
Ничего не случилось, а должна была сама потрудиться.
Пионеры ведь, — сердился бледным лицом староста. —

Никто вас не исключал, а галстуки не носите. Нужно в комсомол вступать, тогда галстук не обязательно надевать на занятия.

Глава вторая.

Трамвай разъявил, хрюкнувшие дверцы. Школьники, подхватив сумки и рюкзаки, с возгласами, подталкивая друг друга, быстро покидали тесное помещение. Иван Бабкин и Сергей Крохин выскочили последними. Сергей оглянулся, чтобы убедиться — не уронил ли кто на пол шарф, не забыл ли пакет с продуктами.

— Мы пиво не посеяли? — усмехнулся дробненький с редкими крохотными веснушками мальчуган в вельветовой курточке. Такая куртка была и на Иване, но, естественно, больше. Ведь Бабкин на голову выше товарища. Они не знали друг друга ни в детском садике, ни в первом классе. Иван учился в школе № 15. Сергей ездил в старую школу № 29 на окраине города. Случайно оказались в новой трёхэтажной школе, которую, по слухам, будут делать образцовой. Поэтому отпетых хулиганов и двоечников не принимали. Иван и Сергей учились необыкновенно слабо. Они не любили зубрить глупости вроде той, что параллельные прямые не пересекаются. Дураку понятно, как они могут пересекаться, если между ними одинаковое расстояние. Тут и доказывать нечего.

— Я сейчас подумал, что зря поехал. Лучше бы я почитал те журналы, что ты принёс. «Вторжение с Альдебарана» не прочитал ещё. Когда мы обещали книги вернуть Дудневу?

— Пиво могли бы и у тебя выпить на стройке. Я Стругацких дочитал. – проговорил Сергей. – Стасик не обидится...

— ...Мы не одни. На эти книги у него очередь. Зря поехали...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Двадцать месяцев назад.

Глава первая.

В конце солнечного сентября мать и сын Бабкины приехали на окраину нашего города.

Иван начал учиться в седьмом классе, а у мамы вырос конфликт с начальством, и она приняла резкое решение: оставить работу и уехать. Но куда? Можно было списаться с сестрами и братьями, они бы посоветовали, помогли. Анна Петровна не захотела обременять родных своими печальями. Бабкина решила уехать в Белокаменск, где когда-то училась в школе, где живут дальние родственники.

Знакомые посоветовали независимой женщине на первых порах пожить у ихних родственников. Удалённые от деревни родственники знакомых строили типовой дом на улице Бакинских комиссаров, а сами жили в домике, называемом, времянкой. Предполагали, что дом достроили, времянка должна пустовать. Ошиблись. До окончания строительства было близко, но, не очень. Предстояло ус-

тановить перегородки, оштукатурить стены и потолки, утеплить перекрытия и так далее.

Дядя Вася Бурцев возводил объект в одиночестве. Самую трудную работу ему помогли сделать друзья из гаража. После рейсов, по выходным, во время отпусков хозяин, строгал, колотил, навешивал двери, вставлял стёкла в рамы. Он умел бетонировать, штукатурить, выкладывать кирпичные стены, любил столярничать, как говорится, рубанок из рук не ронял, а ещё больше ему нравилось «разговеться» с друзьями.

Месяц Бабкины ютились во времянке вместе с добрыми хозяевами. Анна Петровна сразу бросилась по организациям искать работу, Иван немедленно пошёл в школу. У него была привычка уходить из дома и сидеть в классе за партой, слушая и записывая в тетради примеры и упражнения.

Уроки приходилось выполнять на небольшом столике, если был свободен. Девочка Светочка не мешала Ивану, но иногда нечаянно брызги от супа или чая оставляли следы и следочки на тетрадных страницах. Маленькая Люба ещё училась ходить, а Света умела рисовать. Найдёт кусочек бумаги и рисует, рисует. Светочкины рисунки не всем учительницам нравились. Они никак не расценивали «картины» юной художницы. А это не волновало Светланку. Иван спал на полу у печки в крохотной кухне-прихожей. Рано утром подскакивал и убирал матрац. Аккуратно выгребал горячий шлак. Набивал печку рубленой смоляной срезкой.

Глава вторая.

Несделанной работы в городе у нас много, но почему-то всегда требовали большие и маленькие начальники у Бабкиной паспорт. Удивлялись, не обнаружив в нём штампа о прописке. Во времянке не прописывали. Она очень мала, и разрешалось только жить на законных правах семье строителя. Не прописывали и в строящемся доме. Не прописывали нигде, потому что не было справки с места работы. Работу не давали, так как не было прописки. Разорвать странный круг женщина не могла.

Бабкина ходила по улицам симпатичного посёлка, спрашивала, кто может её прописать на некоторое время. Приютили недалёкие соседи Бурцевых, которые дом свой почти достроили. Бабкиных не прописали бы и там, потому что у неё не было работы, но хозяйка, знавшая нравы нашего города и окружающих его посёлков, посоветовала, положить в паспорт немного бумажных денег. «Скажешь, что забыла, если спросят — почему в паспорте деньги?». Деньги исчезли, но оставили после себя чернильный оттиск резинового штампа.

Это было достижение. Бабкины принялись жить на вполне законном основании. Сначала женщина хотела работать в библиотеке. Она показывала трудовую книжку, где были записи о том, что она была учительницей, выдавала книги в избе-читальне, была заведующей районным архивом МВД. Ей предлагали принести документ об окончании учебного заведения. Документ она не успела получить, так как, не закончив педагогического училища, добровольно ушла на фронт. Как комсорг, показала при-

мер патриотизма и глубокой любви к родине. После войны не было времени учиться, так родился у неё сын Иван, а на работу её приняли. Не хватало учителей начальных классов. Ей бы опять положить в трудовую книжку чего-нибудь, но бывшая комсомолка вдруг посчитала это за правонарушение.

Бабкиным выделили комнату. Иван на санках перевёз книги и постели. Перенесли кровати. Через месяц начались трения и недопонимания. Хозяйский мальчик учился в первом классе, ему очень нравилось командовать. Он требовал, чтобы Иван принёс дров, надолбил угля из смёрзшейся на улице кучи, отбросил снег с тротуара, сбегал в магазин, так как он захотел пряников и конфет. Иван знал свои обязанности, выполнял их, когда было свободное время. Мальчик бился об пол, требуя пряников, ещё двух ведер угля и очищенного от снега большого двора.

Перед Новым годом Анна Петровна Бабкина смогла определиться на постоянную работу. До этого она продавала на улицах мороженое, пончики, книги, выдавала новую верхнюю одежду работникам обкома партии, помогала всем техничкам сжигать мусор из урн, а по ночам была вахтёром. Она приносила Ивану множество почтовых марок и картинок от конвертов, чтобы его коллекция могла быстрее увеличиваться.

...Надо обязательно повторить, что когда-то она училась в железнодорожной школе вместе с братьями и сёстрами. Её мама — Пелагея Васильевна Харченко работала на стройке железной дороги Барнаул-Риддер. Она возила на телеге разные грузы. У неё была своя лошадь. Из-

за этой лошади ей не давали инвалидность, хотя пальцы на правой руке были скрючены острым ревматизмом, не оплачивали время по болезни. Таков был профсоюзный закон, стоявший на охране труда россиян.

Глава третья.

Бабкина свозила сына в Белобусовку, что расположена недалеко от города. Там жил её дядя Леон — мамин брат — с сыновьями и внуками. У Бабкиной появлялись знакомые, которые знали родственников. Они помнили Пелагею, её большую семью. Шестеро детей остались на её худеньких плечах, так как муж умер, выпив холодной воды, после жаркой работы. Он работал бригадиром коновозчиков. Оказался на строительстве по той причине, что, как единоличник, не хотел записаться в сельский колхоз. И его братья ему говорили, чтобы записался, и братья жены — Николай и Леонтий убеждали, что нельзя идти против указаний партии и товарища Сталина. Он всех слушал, соглашался, а в колхоз не шёл. Был батраком несколько лет. Знал с детства почём фунт хлеба. Не хотел опять идти в батраки к односельчанам, занявшим места у руля, руководя колхозом и селом.

Тимофей Стефанович считал, что, отдав лошадей, коров и овец в колхоз, не заработает достаточно продуктов и средств, чтобы содержать семью, а значит, ему придётся воровать. Красть не умел и не хотел, считая это большим грехом. Поэтому раскорчёвывал в горах наделы земли, получал хороший урожай.

...Земельный надел колхоз отнимал, загоняя строптивного белоруса-батрака дальше в горы. И опять он трудился, получал отменный урожай. Купил сруб дома на горе, довёл до ума. Обзавёлся пчёлами и швейной машиной. Белорус умел всё. Он даже вязал носки, шил сапоги и тулупы, выделывал кожи и катал валенцы в бане.

Последний надел не отняли у строптивного, так как в тот распадок невозможно проехать на телеге, а свой урожай Тимоша вывез на спинах лошадей. Тогда непокорного вместе с другими единоличниками отправили из села Сударушка на стройку пятилетки. Железная дорога из Барнаула до городка Риддера, а теперь это Лениногорск, была очень важна. Строили ветку крестьяне из ближних сёл и заключённые СибЛага, которых звали «сибулонцами».

А жене белоруса в то лето преподнесли один за другим три налога. Она попробовала найти справедливость в сельском совете. Ей объяснили, что коллективизация должна быть стопроцентная. Посоветовали убираться из села подобру и поздорову, так имеют права, чтобы отнимать имущество у единоличников и спроваживать их туда, где известный Макар не пас маленьких телят.

Бабушка Ивана не знала этого Макара, а поэтому уехала к деду на стройку железной дороги. Нажитое растолкала по родне, что продала, что подарила. Посадила детей, которые окончили учебный год, на телегу среди перин и подушек и повезла из большого дома, из родного села в неизвестность. Она не одна была такая. Из сёл люди бежали в города, на стройки фабрик и заводов, только бы избежать ссылки. Кто думал, что землю дали навсегда, согласно Декрета, тот ошибался. Недальновидных крестьян,

не желавших идти в колхозы, агитировали, объясняя, что работать вместе – выгодно. Кулаки объясняли, что одни будут трудиться, как и раньше трудились, а другие, как и раньше, будут с похмелья маяться во время посевной или уборочной. Единоличников, воевавших с белыми, поверивших в справедливость нового строя, раскулачили — отняли всё, что они имели — сослали на поселение в дикую томскую тайгу. Иногда Ивану кажется, что если бы деда раскулачили, то он бы остался живым и они могли встретиться. Дедушка научил бы его ухаживать за пчёлами и мастерить лыжи.

Дед Ивана был унтер-офицером, служил в армии, но не стал ни белым, ни красным. Скрывался в горах и от тех и от этих. Хотя некоторое время ходил на заседания партячейки. Пелагея подумала, что муж посещает нуждающуюся вдовушку. Выследила его, и очень испугалась. Деду сказала, что его могут убить или покалечить в боях за какую-нибудь власть, а как ей одной выращивать детей? Указала деду жизненный путь: пахать, но не воевать.

Бабкина из работника архива переквалифицировалась в охранники, строящегося спортивного сооружения, которое должно было стать копией стадиона «Лужники». А вполне могла обратиться к властям, которые ведают кадрами. Получила бы распределение в ближнее село или посёлок, где ей могли дать и жильё и работу привычную но вот что ей понадобилось в нашем городе? Сама не понимала. Театрами не очень интересовалась, в кино ходила не часто. Билась мать Ивана, как рыба об лёд. Загнала и себя и сына в суровые условия жизни. Для чего? Можно произнести сакраментальное слово — «судьба». Но ведь

свой жизненный путь прокладываем сами. Жил Ваня в деревне, ну и жил бы, а вот стал горожанином, не замечая разницы. Мама хотела, как лучше, полагала, что в городе сынок будет жить высокой духовной жизнью. Что он увидел в нашем городе? Помог ли ему город стать лучше и счастливее? Не знаю. Нужно присмотреться повнимательнее.

Руководство объектом разрешило занять для временного проживания одну из раздевалок на хоккейной коробке, где встречались в доспехах на турнирах рыцари шайбы и клюшки. Женщина сложила печь, выбросив маленькую железную «буржуйку».

Ей предложили охранять ещё и хоккейную коробку. Некоторое время работала посменно. Руководство заметило, что в дежурство Бабкиной со стройки не пропадают ни доски, ни кирпичи, не сливается горючее из баков автомобилей и тракторов.

— Будешь одна работать ночью. Если не хочешь, то придётся покинуть раздевалку, — женщина согласилась. Устраивала и зарплата — полторы тысячи рублей. В деревне получала в три раза меньше. Дядя Вася перевёз пожитки Бабкиных. Так они стали жить на краю просторного пустыря в конце улицы имени Юрия Гагарина. Город наступал, подминая крохотные деревеньки своими пятиэтажными домами и широкими улицами.

Глава четвёртая.

В школу Иван ездил на автобусе. Путь был не близким. Вставал в шесть часов, пешком топал по улице Гого-

ля. Если не было дождя — радовался, а если шёл снег, то не особо огорчался. Ждал переполненный автобус. Успевал к первому уроку, если в пути не было длительной остановки у переезда. Сейчас автотранспорт ходит по мосту через железнодорожные пути, а тогда длинные очереди из автомобилей загибались по улице Баумана в разные стороны и стояли много времени. Последние месяцы Иван ездил в автобусах, которые следовали до аэропорта. Об этом маршруте узнал весной. Не было в салонах тесноты и толчеи. Пассажиры в шляпах и дорогих шапках, с чемоданчиками, но без узлов и сундуков. Он выходил на остановке «Кирзавод». Шёл по скрипящим доскам виадука к станции, а потом бежал в школу.

Дорога обходилась недорого. Мама давала полтинник на обед, но Иван редко тратил его полностью. Покупал булочку и торопился в тир у вокзала. Стрелял каждый день. «Тирщик» сначала радовался успехам паренька, с которым постоянно приходило пять или шесть подростков. Но то, что он получал от друзей стрелка, уходило на призы. Условия были такими: три раза попал в «самолёт», получи пупсика. Попасты в крохотную точку было не просто. Иван попадал, раздавал девочкам куколок, продолжая стрелять.

На нос самолёта нужно было работнику тира прилеплять патронный капсюль. «Сбитый» самолёт съезжал вниз по тросу, ударялся о стойку и капсюль взрывался. Иван «сбивал» самолёт, тирщик вновь его устанавливал на место, прилеплял капсюль, только делал шаг к посетителю, как Иван опять его «сбивал». Однажды он взмолился, увидев школьника с полтинником:

— Дружище, мы с тобой давно знакомы. Я потратил пару коробок капсулей, а сколько призов ты получил?

— Вы мне пульки за деньги давали или бесплатно?

— За деньги.

— За семь месяцев вы получили от меня мамину зарплату. Я бы мог есть мороженое или пончики с повидлом... Я больше не буду стрелять здесь. Друзья мои не придут к вам, не станут соревноваться. Поеду в город. В парке есть отличный тир, хотя мне и не по пути, но там не такие призы, там интересные цели и электрические мишени...

— Ладно. Попадёшь в спичку, получишь пять пулек бесплатно. ...Я даю слово, — сказал начальник тира, а школьники и, собравшиеся пострелять пассажиры, одобрительно загудели, готова деньги.

Иван взял свою пристреленную винтовку, к которой привык. Через некоторое время, раздал приятелям призовые пульки. Он сбивал спички одну за одной. Тирщик понял, что проиграл, но крепился.

За стрельбой наблюдали и взрослые парни, которые «паслись» на вокзале, «пропальвая» чужие карманы. Они симпатизировали широкоплечему подростку, ставили на него пари. Тирщику казалось, что стрелок в бригаде щипачей играет роль приманки. Пассажиры вынимают кошельки, показывая, сколько у них денег. Начальник пневматических винтовок и свинцовых пулек решил не бузить, могут и сжечь его заведение.

Глава пятая.

В начале весны возникла предвиденная ситуация с появлением очередного ребёнка у дяди Васи и тёти Нины Бурцевых. Они отправили детей на поселение к бабушке. Иван стал жить с дядей Васей. Ему не нужно было ездить на автобусе в школу, но предстояло готовить еду. Он умел поджарить глазунью, сварить картошку, но дальнейшие кулинарные навыки у него не были развиты.

Дядя учил Ваньку варить пшённый или рисовый кулеш. Рассказывал и показывал, как крошить помытую картошку, сыпать перебранный рис, солить понемножку и пробовать.

— В финальной части можно добавить обжаренный лук с морковкой и забросить пару лавровых листьев, которые, Ванюша, необходимо перед подачей удалить в угольное ведро, — ласково напутствовал стажёра-кашевара.

Случалось, что дядя приползал, образно говоря, на бровях. Кулеш интересовал мало, совсем не интересовал, если точно говорить. С трудом добывал из карманов подарки, остатки от левого заработка, именуемого в нашем городе — «калымом». Это не то, что вы подумали. Невеста и жених не фигурировали в делах дяди Василия. Он возил вещи и контейнеры тем, кто отъезжал домой, на свою горно-солнечную родину. Семьи получили разрешение покинуть место ссылки или высылки. На радостях, как говорится, угощали помощников от щедрой кавказской души. Не раздеваясь, хозяин попадал всем телом в кровать и счастливо храпел до утра.

По воскресениям нужно обязательно «отмечаться»; отправлялись в большую, наполненную паром и гудением голосов, баню. Это была традиция, ритуал. Дядя Вася его не менял. Брал с собой Ванюшку, выводил, так сказать, в свет, в пар. У соседей была баня, немного поменьше, но очень горячая. Бурцев не жаловал чужие парилки. Старался в них не задерживаться.

Кроме парной, скелетообразный дядя, любил банный буфет, в котором не пахло запаренными вениками, а пахло морсом, вяленой рыбой и пустыми прокисшими бочками из-под пива. Там всегда оказывались его знакомые. Ванюшке казалось, что они не моются, а стоят и ждут их. Баня, понял потом Иван, место воскресных встреч. Своеобразный клуб. Дядя Вася брал две кружки пива. Когда не было пива, то обходились брагой. Иван отказывался. Дядя степенно и с достоинством знакомил его с друзьями. Те удивлялись, дескать, как это быстро у него вырос сын. Иван брал тяжёлую кружку, и с трудом глотал резкую, но противную жидкость. Он не мог подвести хорошего человека. Не хотел Иван выглядеть малолетним ребёнком в глазах дядивасиных друзей.

Бурцев и его коллеги по бане никогда почему-то не пили морс, а он намного вкусней и приятней браги. Это может подтвердить каждый, кто хоть раз попробовал его. Нынче, смею заметить, подобного продукта не выпускают. Иван решил не спорить о вкусах. Предлагал дядя сходиться в буфетную очередь, пока тот делает очередной заход в парилку. Одно смущало Ивана: выходя из гулкового зала, нужно было просить женщину с папиросой в крашеном

рту открыть кабинку, номер которой был оттиснут на ручке таза.

Раскалённые до красна мужчины сидели, переводя дыхание, на скамейках у кабинок и медленно отходили от горячего пара. Отдельные паруны и парильцы пили чего-нибудь — вероятно квас, а может быть, и пиво. Женщина уверенно шла мимо мужиков и парней, на телах которых, кроме татуировок, ничего тогда не было. Позже, намного позже на шеях мужчин появились крестики и цепки. А тогда мужские тела украшали репродукции с известных картин и прочая символика того времени. Некоторые клали на колени мочалку или полотенца, но застенчивых, как Иван, было мало. Понимал паренёк, что такого не должно быть. Тут обязан работать какой-нибудь старичок, но не молодая симпатичная тётка, хотя и с папироской в кроваво-красных губах.

В буфете Ванюшку знали, и не спешили забывать дядивасины приятели. Они молча ставили его впереди себя, хотя он и пытался постоять в хвосте очереди. Иван брал кружку пива и кружку кваса. По цвету они не отличались. Когда не было кваса, покупал клюквенный морс, чем вызывал у окружающих странное уважение. Встречались пацаны, которые страстно и со счастливыми глазами пили пиво и не морщились. Иван тоже не очень квасил губы, когда глотал горькую жидкость. Иногда Бурцев добывал из кармана морской тужурки с якорями на пуговицах «мерзавчик» и всем присутствующим «капал» для вкуса». Никто не отказывался. Даже незнакомые мужчины и парни не противились.

Дядя Вася научил печь пироги из поджаренной ливерной колбасы и мясного фарша. Тёти Нины не было долго. Поэтому дядя Вася, чтобы не забыть вкус ватрушек и пончиков, взялся за воспитывание дежурного по камбузу. Тесто они покупали в магазине. Сначала пекли на сковороде, а потом использовали духовку. Этого оказалось мало, и шофёр-строитель показал, как пирожки можно печь в разогретом говяжьем жире, в который обязательно нужно добавлять маргарин и растительное масло. Пироги получались на удивление вкусные, как у бабушки. А ещё через пару недель Иван умел жарить отбивные котлеты, варить плов, запекать рыбу в духовке. Он был прилежным учеником. Мог бы стать шеф-поваром в дальнейшей жизни, но эта самая судьба распорядилась иначе. Большую роль тут сыграла неразделённая любовь, жизненная ситуация и чувство гордыни, а может быть, и честолюбие. Город испортил паренька, нанеся ему душевные травмы. На то он и город. Он рвёт в клочья слабые характеры и мягкие души. Иван оказался не таким, каким я его представлял, увидев впервые. Он оказался настырным, упорным, изобретательным. Вылитый дед. Того власти меняли и ломали, но ничего не могли с ним сделать, пока он сам не умер, оставив любимую жену с шестерыми подростками. У Ивана детей, как вы понимаете не было.

Однажды дядя Вася учил варить холодец. Процесс оказался длительным и не из приятных. Пока варились изрубленные коровьи ноги, доставленные в мешке с мясокомбината, дядя Вася показал, как нужно настилать полы, как тесать клинья, чтобы с их помощью стягивать запашистые доски, именуемые половой рейкой. Какого пола они

были — непонятно, но попадались такие «пропеллеры», что дядя Вася шёпотом, но яростно матерился. Жутко кривые половые рейки-пропеллеры, дядя Вася перепиливал, замачивал в баке, заставлял выпрямиться, посредством винтового домкрата. Иван впитывал уроки столярного мастерства, как промокашка. Он тянулся к этому молодому мужчине. Старался походить на него. Учился точить топор и долото, править пилу-ножовку и пользоваться уровнем. И даже пытался курить.

Случалось, дядю привозили с тяжкой работы в очень усталом и невменяемом виде. Утром он ничего не ел, но пил свёкольный квас, маялся, тяжело дыша, убегая в углярку. Иван сколачивал из обрезков досок перегородки. Он сделал длинную переноску, повесил лампочку в одной из будущих комнат. Работа увлекла. Услышав стук молотка, возник больной дядя Вася в дверном проёме; протирая глаза, восхищённо говорил:

— Из тебя выйдет настоящий шофёр. Ты правильно делаешь перегородку.

— Как вы говорили. И в книжке так. ...Взял в библиотеке. Вас не было три дня.

Дядя Вася ездил на озеро Гайсан. Привёз три мешка рыбы.

— Мешок судаков в снег закопай. Остальные продавай. Другу своему Вовке Гриваневу отнеси. Матери увези, когда поедешь. ...Купи себе ботинки. Меряй. Хорошие ботинки бери, не туфту. Не экономь деньги. Что у нас кончилось? Сахар есть, рис есть, гречка есть. Ладно, если будет печень, то и тесто купи дрожжевого. Колбасы ливерной и копчёной. Не забудь бутылку белого, бутылку

красного. Кагору. Тебе нравится церковное вино? Пива бутылки три. Нинка родила парня. Я пить бросил. Так и скажешь, что дядя Вася отдался полностью дому, пьёт только свёкольный квас. Норму наверно выпил. Голова плохо себя чувствует. Желудок бунтует. А давай компот сварим. Поищи сухофрукты, у Нинки были. Или купи на базаре.

Дядя Вася не любил продавать рыбу. Торговлей должен был заниматься Иван. Он никогда за свою жизнь ничего не продал, хотя и покупал. Соседи быстро уносили больших замёрзших судаков, которых Иван с большим напряжением и трудом взвешивал на старинном безмене. «Деньги спрячь. Мне, если стану просить, не давай. Нинку привезём из роддома, ей отдашь. Себе бери на мороженое».

Иван и его друг Вова Гриванев энергично готовились к экзаменам. У Вовы была тоже одна мама, но очень старая. Вовина сестра имела своего тихого мужа и настырного ребёнка, умеющего боком ходить. Парень был ещё очень молод, Вова надеялся, что племянник к трём годам научится не только нормально передвигаться, но и бегать между грядок.

Иван заходил за приятелем. Гриваневы жили через дорогу. Как-то так получилось, что старая мама приказала Вове отрубить курёнку головку, чтобы его можно приготовить в супе. Друзья ходили по строящемуся дому, но орудия обезглавливания птицы не находили. Топор куда-то сплыл, молоток не годился для этой цели. Время шло, а пойманный петушок наслаждался жизнью.

Школьный сигнальный звонок должен был зазвенеть через десять минут. Не то, чтобы очень хотелось в школу Ивану Бабкину, но он не любил опаздывать. ...Тогда потребовал что-нибудь режущее. Вова принёс тонкий столовый ножик, который хлеб резал с напряжением. Бабкин накинуд на себя дамский передник и приказал Вова держать петуха за клювастую голову. Вова плохо умел держать пернатых, почему-то даже отвернулся, вероятно, заметил, как идёт тонкими нервными ногами в школу Раечка Здоренко. Была она, в самом деле, несколько вздорненькой и острой на язык, но умела быть и внимательной, подсказывая шёпотом на уроке, незнакомые Ивану английские слова.

Он очень жалел чужого петушка. Своих кур мама перерубила перед отъездом. Красавца петуха, который побеждал соседских соперников, варили долго. Мышцы у бойца были если не железными, то деревянными — это точно, а поэтому варился он весь вечер, ночь и утро. Бабкин поточил нож о кусок разломанного серого наждака. Ударил петушка по головке этим «точилой», чтобы ему не было очень больно. Под этим общим наркозом с трудом перерезал тонкую шейку. Красно-бурая кровь поструилась на стружки недолго. Вовина мама забрала пернатое тело, а они пошли в школу. Но Раю не догнали.

Девочка училась старательно, и всегда получала хорошие отметки. Иван удивлялся — как это можно учить уроки каждый день. Это скучно и надоедает. Бабкину не надоедало смотреть, как идёт Рая из школы, как размахивает портфелем, как закладываются и расправляются складки на её зелёном пальто. Она жила в конце улицы. В

школу Рая ходила всегда в одно и тоже время. Он старался выходить из дома, чтобы идти вместе.

В городской школе учительницы преподавали совсем не так, как в деревне. Учиться было почему-то интересно. Иван перестал бояться вызова к доске. Учителя не пытались подловить ученика, который явно был не готов отвечать по новому материалу. Они старались научить школьников учиться. Некоторых преподавателей Иван просто ждал с нетерпением, как хороших друзей.

Понравилось переводить тексты; урок иностранного языка был только на английском. Это забавляло и дисциплинировало. Постепенно Бабкин с помощью Вовы Гриванева и Раи втянулся в учебный процесс, и, как говорят, ликвидировал пробелы в багаже своих знаниях. Алгебра и геометрия у него, как ни странно, не вызывали панического страха. Пожилая учительница приглашала его и ещё несколько мальчиков и девочек позаниматься. Было неловко не прийти. Приглашались не только отстающие, но и ударники, которые в скором времени становились отличниками. Иван понял, что он тоже может учиться на «отлично», мог бы вполне войти в число ударников, но делал уроки наспех, так как звала улица. С друзьями катался на лыжах, с Башни — так называли мальчишки небольшую сопку, в которой стояли вкопанные ёмкости с питьевой водой. С Башней возвышалась Большая гора. Не каждый мальчишка съезжал даже с покатого склона. Старались скатываться с середины. Скорость была такая, что глаза выстёгивало встречным холодным потоком воздуха. Иван боялся сломать лыжи, так как ветром сдирало снег, и на

обнажившихся камнях ломались лыжи, но чаще — ноги. Несколько раз падал, но всегда удачно.

Лыжи у Ивана новые. Мама купила с первой зарплаты. А первые лыжи ему сделал дядя Григорий — мамин брат.

Однажды к бабушке пришли плачущие женщины и сказали, что умер Сталин. Бабушка не плакала. Женщины удивлялись, спрашивали, почему она не плачет, ведь он такой хороший человек. Иван не знал хороший человек Сталин или не очень. Дядя Григорий - хороший. Он сплёл ему леску, вырезав клочок из хвоста Серка, согнул иголку, награв на свече. Иван ходил на пруд и ловил окуней. Бабушка их жарила на сковороде. Иван понимал, что должен помогать бабушке. Какая от него польза? Ваня не мог быть обузой. Старался, чтобы от него было побольше пользы. Он носил ведром воду из пруда и поливал огурцы и помидоры. Помогал пропалывать грядки. Научился орудовать тяпкой, отпилив длинный конец у деревянной ручки.

У гусынь вылупились жёлтые птенцы. Иван пас их на большом пруду и там познакомился с Колей Пичугиным. Лето прошло, и птенчики стали большими и степенными птицами. Осенью они с Колей начали учиться. Иван умел читать, но учительница не ставила ему пятёрок. Тогда он понял, что хоть как учи уроки, а отличные отметки будут ставить хорошенькой девочки, которая и читать не умела сначала.

Однажды Иван пришёл из школы и не увидел своего любимого гуся. Он обиделся на бабушку, и не стал есть лапшу, потому что понял всё, и слёзы у него закапали

в тарелку. А горло сдавила мохнатая сильная невидимая лапа. Этот умный гусь был товарищем. Он никогда не лазил в огород, как другие птицы. Не прятался в густых зарослях полыни. Всегда спешил на его голос. Гусь тоже любил Ивана, защищал, нападая на чужих собак. Кто может есть своего надёжного друга? Мальчик расстроился. Как бабушка могла убить чудесную птицу. Он хотел уйти в сопки и замерзнуть до самой смерти. Она знала, что они любят друг друга. Такая хорошая бабушка, а обидела его на всю жизнь.

...Когда-то он был слаб, не мог стоять. Его мать-гусыня не стала греть своих детей, а убежала на улицу к гусаку, который стучал клювом в окна, расхаживая по заваulinке. Семеро обсохших пискунов грелись на русской печи в сите. Когда они с бабушкой кормили их рубленным яйцом, заметили, что у одного гусёнка жёлто-красные лапки разъезжались и он опрокидывался на спину, тревожно попискивая. «Не жилец, — сказала озабоченно бабушка, связывая ножки гусёнку, — Будет маяться». Ночью мальчик просыпался от призывного писка. Он звал его. Если бы гусыня-мать, как другие птицы, грела детей, то он бы спал спокойно. Иван залезал на печь, брал в руки птенца и согревал подмышкой. Он жевал ему горох и поил из ложки, приносил крапиву и крошил, обжигая пальцы. Гусь стал расти понемногу.

Всегда встречал Ивана, ласково попискивая. Когда тот плакал от обид, хотя обиды были для всех маленькими, но не для Ивана, для него были большими. Их накапливалось много. Гусь взбирался к Ивану на колени и, вытянув шейку, умолял мальчика не плакать. Когда у гуся

отрасли крылья, он размахивал ими, поднимая ветер, и летел навстречу, увидев Ваню. Радостно гогоча, шёл с мальчиком к бабушкиному домику. Иван вынимал из кармана припасённый кусок калача или пирога.

Глава шестая.

Третью гору называли мальчики «Ермакова». В первое утро на новом месте Иван проснулся, разбуженный взрывами. Не испугался, но подумал, что началась бомбёжка. А это взрывали гору. Взрывали постоянно в одно и то же время. Требовалось много строительного материала для фундаментов растущего города. Ермакова гора уменьшалась с каждым годом. Теперь её нет. Она отдала себя, легла в фундаменты домов нашего города.

Друзья часто уходили в старые песчаные и глиняные карьеры, рыли в снегу пещеры, жарили на огне костра мясо, а свежую селёдку иногда ели сырой, макая в соль, представляя себя при этом путешественниками, исследователями Арктики или Антарктиды.

Экзамены друзья сдали легко. Преподаватели волновались за них больше, чем они. Родительский комитет постановил, чтобы подростки ходили в столовую интерната. Иван отказался. Гриванев поддержал товарища. Им приказали придти в столовую и получить сухой паёк.

— Это милостыня — сказал Иван. — Не пойду.

— Это от государства. Мама моя на пенсии. Работала в колхозе, получает копейки. Твоя мама тоже не высокие заработки имеет. Мы не нищие. Это государственная помощь. Нужно получить, что дают.

Иван понимал, что пособие назначает родительский комитет тем, кто живёт плохо, чьи родители не в состоянии обеспечить своего ребёнка сносными условиями жизни. Ему было стыдно нести по улице сетку с банками тушёнки и сгущенного молока. Казалось, все проходящие смотрят на него, догадываясь, какие чувства рвут его сердце.

Он решил, что его дети никогда не будут получать ни от кого подачек. Ни от государства, ни от родительского комитета. Он должен вырасти, и получить диплом об окончании института или техникума, чтобы не жить в раздевалке, не ругаться с начальством, которое не уважает тебя, как оно не уважает мать. ...Он должен получить это проклятое образование. Не смотря ни на что, добьётся своего. Будет упорно работать, пойдёт к своей цели сегодня...

Вова копал погреб, натаскивал на потолок шлак, помогал печнику монтировать печи. Гриваневы спешили достроить дом из двух половин. В одной — будут жить Вова и его мама, а в другой — сестра с мужем. Иван помогал приятелю. Его учил сосед, как делать дом, как работать топором и долотом, запиливая «косую лапу», чтобы связывать между собой шпалы. Он помогал сверлить отверстия под шкранты. Вова ничего этого не умел и не знал, но он учился, ведь помогать ему вполне мог муж сестры, но он был на работе, он пёк хлеб на заводе.

...Жизнь в сырой раздевалке, пахнувшей спортивным потом и глиной новой печи, не всегда была интересной. Она была неприятной. На стройплощадку стайками шли дети и взрослые. Они привыкли брать всё, что лежит

на улице, так как прежние сторожа не утруждали себя заботами приходить на работу в воскресенье. Случалось, приторговывали пиломатериалом. Доски, брусья, цемент, уголь, бензин — тащили нагло днём. На крики нового охранника не обращали внимания.

...Бабкиной дали новые деньги, и она купила новое одноствольное ружьё. «Это психологическое оружие». — Сказал мастер. ...Его никто не боялся, и на глазах сторожа, схватив доску, дети бежали через пустырь, к посёлку Октябрьский. Угнаться за проказниками невозможно. Дети частенько отбегали, снимали брючки и, хлопая себя по разным голым местам, кривлялись, самозабвенно пели оскорбительные частушки. Кто так их воспитал, почему дети не уважают женщину-сторожа?

Дядьки, живущие по соседству, смеялись в лицо сторожу и твердили, что сынок может сломать себе ногу или руку, идя из магазина; на него могут напасть пьяные хулиганы и сделать инвалидом. ...Обещали поджечь, если не перестанет гонять детей со стройки, не давая досок и обрезков на топку. Бывшему старшему краснофлотцу военно-морских сил Тихоокеанского флота, — это не нравилось. Анна попросила денег на покупку патронов. Ей отказали. «Нельзя!» Пришлось идти на нарушение и покупать папковые патроны на свои деньги.

Люди не понимали сторожиху. Они хотели, чтобы всё было, как раньше. Пришёл на стройку, увидел нужный брус, понёс домой. А это странная тётка пытается их усовестить, не разрешает брать и не продаёт пиломатериал. Другие сторожа продавали, разрешали. С ними было легко договориться. Огромный завод не беднел, потеряв

несколько брусков или плах. А новенькая сторожиха беспокоилась за большой завод, как за свой. Глупая баба...

После первых выстрелов на стройку стали ходить только ночью. Иван стрелял вверх, заведя крадущиеся фигуры. Понемногу любители лёгкой поживы успокоились, поняв, что не стоит отправляться за досками, где стреляют при первом появлении на территории объекта.

Приехала бабушка. Вздохнув, предложила вскопать пустые углы хоккейной коробки и посадить огурцы и помидоры, морковь и картофель. Выбирал Иван обломки кирпичей, куски бетона, бросал через забор. Неподалёку стояла на пустыре огромная школа. Три этажа. Большие раскрытые окна сверкали на солнце, пускали не зайчиков; потоки отражённого радостного света били в стены домиков улицы, которую должны были вот-вот снести. За школой влево образовались, как воронки от взрывов, большие котлованы, из которых вырастут будущие здания.

Иван знал, что квартиру им не дадут. Маму даже не поставили в очередь. Ей сказали, что семейным не хватает жилья. А она только приехала. Какая семья? Если у женщины один ребёнок. Кто она? Сторож. Был бы у неё хоть один орден. Какие-то ученые степени или звания. Много таких. Многие рабочие с женами и ребятишками всё ещё ютятся в коммуналках. Комбинат и другие большие заводы имели строительные цеха. Строится быстро наш город. Сметаются старые домики, как метёлкой. Круглые сутки ведётся монтаж панельных домов. Ночами всполохи электросварки рвут на куски густую темноту, прожекторы надвигающихся стрелах башенных кранов без перерывов

двигаются до утра по замысловатым траекториям. Днём устанавливаются панели друг на друга, а квартир не хватает. Иван помнит, как уговаривал маму учиться в вечерней школе. Она послушала его. Даже училась в десятом классе, но не долго. Ей было скучно читать учебники, а потом вечером идти в школу. «Мама, учись, — уговаривал — буду всё делать дома, но не бросай школу». У мамы тогда начались трения с местными властями. Требовали, чтобы нарушила закон, выдала фальшивую справку о трудовом стаже начальнику, уходящему на пенсию, добавив несуществующие трудовые месяцы. Она не посмела этого сделать. Документов и свидетелей, подтверждающих стаж, не было. Её вызывали, воспитывали и приказали уволиться. «Что ты упорствуешь? Приписать три месяца — это пустяк. Другие напишут и десять. Что ты из себя представляешь?»

Она уволилась. Не могла кривить совестью, не могла врать. Упорно сопротивлялась. Так воспитали родители, так жила с детства. Думала, проверяют. Не проверяли. Заступиться было некому.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.

Девочка-принцесса. Без адреса. Скандал

Глава первая.

Иван два раза приходил в школу, узнавал, когда можно сдать документы. Ему отвечали, что через день, ко-

гда установят мебель. Он пришёл, и увидел огромную очередь. Оказалось — это последний день приёма документов. Он никогда бы не попал в эту чудесную школу, если бы ни девочка с волнистыми соломенными волосами. Она стояла у двери учительской и призывно махала. Иван пришибленно стоял посередине вестибюля и не знал, что делать. Кафельный пол был уже без полос извести.

Никогда не видел такую симпатичную принцессу-девочку. Она не могла его знать. Но сказочная фея в белом передничке приглашала его, именно его. Она ошиблась? Скорей всего... Зачем тогда машет своей доброй рукой?

Светловолосая принцесса стояла среди взрослых тёток, которые держали папки с документами, а у некоторых были в руках ладошки больших и малых детей, которые обязательно должны поступить в эту школу-дворец.

— Где ты ходишь? — громко накинулась она. — Очередь подходит. Купил контурные карты? — девушка так была заботлива, что он, ошалеv от отчаянного её напора, безропотно встал впереди. Ощущая запах духов и её дыхание, замер от трепетного предчувствия какого-то радостного события. За стёклами очков были грустные не серые, но и не синие глаза. Иван был так ей благодарен, что ничего не мог сказать подходящего по поводу этого события. Слова раскатились, как круглые конфеты драже по полу. Иван представил её губы, аккуратный носик. Оглянулся. Да. Девушка мила и даже очень привлекательна. Она ему нравится. Будет думать о ней, и радостно рассматривать при встречах милую, строгую фигурку.

...Это очень просто полюбить человека. Нужно только понять, как он дорог тебе. Важно, захотеть, и тогда

придёт день, когда сердце будет падать и сладко кувыряться при виде принцессы. Захочется видеть, обрамлённое бело-жёлтыми волосами, удивительное и желанное лицо, видеть постоянно, каждый час, слышать музыку её голоса, так как в мире не будет ничего и никого прекраснее её —необыкновенной девочки, которая стала великим чудом на этой планете. Из глубины веков двигались две ниточки навстречу друг другу. Ихние родственники воевали, жили, оставляя потомство, чтобы они могли встретиться и, возможно, соединившись, продолжить веточку древа жизни.

Пройдут тысячи дней и много лет, а её образ, придуманный и дорисованный воображением, не сотрётся из памяти, не потеряется по дороге жизни. Она будет всегда юна, обаятельно-желанна. Ведь достаточно прикоснуться к её руке, чтобы стать счастливым на день, на месяц, на всю чудесную жизнь. ...И ничего, что вдруг полюбит другого мальчика, другого мужчину, выйдет, может быть, за него замуж, потому что так распорядится судьба. Тогда захочется, чтобы она была счастлива с ним, потому что он, как подумается, достойней тебя, лучше и нужней. Всю короткую быструю жизнь будешь только желать одного, чтобы ей было уютно в этом городе, радостно и счастливо жить в этой жизни.

...Ожидая нового дня, как праздника, а он будет таким расчудесным, когда беловолосая девушка войдёт в класс, и сядет на своё место, и тогда глаза, как компасная стрелка, повернутся в её сторону.

Приняли у Ивана документы. С ним разговаривали быстро. Молодая особа спросила, чем увлекается, а вторая

— постарше спросила, что читал. Иван ответил, что увлекается фотографией, рисованием, нравится переводить рассказы с английского.

— Что читаю? — Бабкин принялся перечислять авторов книг — Аркадий Гайдар, Короленко, Гоголь, Юрий Сотник, Лев Кассиль, Джек Лондон, Майн Рид, Марк Твен, Герберт Уэльс, Ефремов, Мартынов, Борис Полевой, Вальтер Скотт, Стивенсон, Жюль Верн. — Его остановили.

— А конкретнее. Что написал... Джек Лондон?

— «Белый клык». Рассказы о Смоке Белью, о золотой лихорадке, романы — «Джерри островитянин». «Майкл — брат Джерри». «Мартин Идеен».

— Все эти книги у вас дома? — удивилась учительница.

— Не все. В библиотеке беру. ...И летом. Когда сюда собрались ехать...

— Такой учащийся подходит. Скажи свой адрес, назови имя, отчество родителей, номер телефона.

— ...У нас нет адреса.

— Совсем? — удивилась молодая учительница, оттопырив алую нижнюю губку.

— Да. Почту приносят. Адреса нет.

— Как можно жить без адреса?

— Есть, —сообразил Иван. Хоккейная коробка находится в конце улицы. — Будет... — Хотел сказать, что живёт в раздевалке хоккейной коробки, но промолчал — Я — уточню.

Иван вышел из учительской. Беловолосая девушка улыбнулась, а он вдруг сказал:

— Ни пуха, ни пера.

Он, учащийся восьмого класса «Б», классный руководитель — Нона Павловна Белова. Линейка, первого сентября. Хотел увидеть Беловласку, и спросить, как у неё принимали собеседование. Бабкин заметил на спортивной площадке рослых парней. Они вкапывали футбольные ворота. «Посмотри, — попросил рыжий в спортивном трико. — Или подержи, сам стрельну». Иван взялся за столб, подравнял его. Два парня держали вторую штангу. Рыжий отбежал в сторону. Махнул рукой. Начали закапывать. Иван отошёл, подыскивая палку или кусок трубы, которым можно трамбовать землю.

— Молодец, — выговорил нараспев парень в бутсах. — Мы не сообразили, что нужно трамбовать. Дай мне.

Бабкин протянул большой кусок трубы. Парень несколько раз ударил, и с удивлением посмотрел на Ивана, который только что легко орудовал импровизированной трамбовкой.

— В десятом будешь? — спросил рыжий. — Яков Груль. ...В восьмом? Сидел? ...А в футбол, как?

— Играл в защите. На улице была команда. Наш тренер говорил: «Умри, а не пусти к воротам».

— Умирал? — усмехнулся парень в бутсах.

— Правильно. Такие должны быть защитники, — сказал Яков.

— Приду на тренировку. — Иван посмотрел на свои ботинки. Какой футбол? Нужны кеды. Кед у него нет. Ботинки нужно поберечь. Он взглянул в сторону многоступенчатого школьного крыльца. Беловолосая девушка-

принцесса сбегала по ступеням. Иван взмахнул рукой, но она не заметила его жеста.

Глава вторая.

Иван и Сергей познакомятся в кабинете у нашего завуча. Их пригласят к ласковой тетке после общешкольной линейки. Но окажется, что ими займётся и сам директор. Невысокий симпатичный мужчина с каштановыми волнистыми волосами. Голова несколько великовата, а плечи узки. На круглом бледном лице возлежал большой нос, на узком подбородке тонкие продолговатые губы, концы которых едва приподняты кверху. А карие блестящие широкорасставленные глаза под сросшимися чёрными бровями круглы и выпуклы. Иван рассматривал это странное лицо, которое всё время чему-то удивляется, пытался понять, как он ведёт себя со своими ребятами. Помогает ли делать уроки, водит ли в зоосад...

Классная руководительница — миленькая, зеленоглазая Нона Павловна — станет их заталкивать во второй ряд, чтобы гости-строители и молчаливый директор не увидели двух бравых «запорожцев» в широченных голубых шароварах. Они несколько комичны, так как один — высокий, широкоплечий, а второй — маленький, невзрачный. Они могли выступать в цирке клоунами, а вот пришли на торжественную линейку. Все умненькие мальчики восьмого «Б» в аккуратных пиджачках, в новых курточках, в белых рубашках и при галстуках. У большинства — в руках букеты. А эти двое, похоже, сговорившись, вырядятся, как на бал-маскарад. «Трудные, — подумает, огор-

чаясь, Нона Павловна Белова. — Но они не хулиганы. Это ещё хуже. Они максималисты. В этом возрасте все бунтари. И помочь им нечем. Не станут слушать. У них свои характеры, собственные взгляды на эту суетливую жизнь. А помочь я должна. Я — педагог».

— Против чего протест, юные флибустьеры? — станет заботливо расспрашивать молодой симпатичный директор нашей, пахнущей краской, школы. — Тебе, что носить нечего? — обратится ласково с трогательным сочувствием Николай Николаевич Пшёнкин к Сергею Крохину и пригладит зачёсанные назад волнистые каштановые волосы. Его карие глаза будут источать такой поток любви и желания помочь детям, что Крохин вмиг почувствует расположение к этому милому человеку, который не возьмёт в толк, отчего мальчишки пришли на праздничную линейку в шароварах.

— Есть, — ответит тихо Сергей, не понимая, что он натворил такого, отчего оказался приглашённым для воспитательной беседы в первый день открытия школы и учебного года. В той прежней школе можно было ходить даже в трико, никто не возражал. В этой школе не подходит простая одежда; изволь выглядеть, как все.

А где взять праздничные костюмы девочке и трём мальчишкам, если работает плотником лишь глава семьи Крохиных. Мама сшила старшим парням пиджаки и брюки, а дочке — девятикласснице купила форменное платье с белым передником.

— Насколько я понимаю, такие шаровары носили когда-то грузчики в портах. Биндюжники. Пиндосы. Контрабандисты. В шароварах прятали оружие, ворованное.

Вот и у тебя, сколько карманов нашито? Ты и в той школе так на торжественные линейки ходил?

— Шаровары у них новые. Парадные, так сказать, — улыбалась завуч. — Кто идею подал? Покрой разный. Значит, сговора нет. Стечение обстоятельств. Мальчики впервые встретились... — похоже, — завуч — старенькая Вера Ильинична Мышлова продолжала беседу, которую они начали с директором до прихода странных учеников.

— А я думаю, что это неспроста, — отчеканил директор, линейкой постукивая по коричневому сукну на крышке большого нового письменного стола. — В других классах подобного нет. Во всей школе таких выходок нет. Будем считать — это пустое совпадение и недоразумение. На следующей линейке, полагаем, не случится ничего подобного. Расскажи, как это вышло?

— Мама в отпуске, тётя мне сшила брюки по моим эскизам, — говорил Иван директору и завучу, которым было очень интересно узнать, отчего это два ученика оказались не похожими на других детей, они отличались от учащихся всей школы. — Старые брюки стали малы.

Он передумал, а хотел рассказать о том, что живут в раздевалке хоккейной коробки у строящегося стадиона, недалеко от школы, а раньше жили во времянке у знакомых; ...мама училась в педучилище, добровольно ушла на фронт; она была в морской авиации, получила травму; несколько лет работала учительницей, в библиотеке, была заведующей паспортным столом в милиции, заведовала архивом; здесь не может найти свою прежнюю работу. Нас не прописывали, так как у неё не было работы; работу не давали, так как не было прописки; она продавала мо-

роженое; её приняли временно сторожем и гардеробщиком в обком партии; в прошлом году дальние родственники подсказали ей, что нужен сторож на стройку; она работала через день; ей дали раздевалку, где мы могли бы жить; она сама сложила большую печь; но в одной комнате сделали склад; мы живём в маленькой комнате; временно; приедет бабушка, поможет с жильём, но промолчал. Зачем им знать, как он живёт и в каких условиях.

...Мальчики обиженно вышли из кабинета завуча, посмотрели внимательно друг на друга и отправились по лестнице на второй этаж, где у них места за партами в большой комнате, среди сорока празднично одетых мальчиков и девочек.

Так познакомились.

Только они пришли на праздник в шароварах, только они не имели возможности носить пиджачок и брюки со стрелками. Весь мир встал против них. Они должны были объединиться. Они не как все, они другие.

Придёт время и докажут этому миру парадных костюмчиков и белых рубашек, что они самые умные и самые... Мир ещё будет восторгаться и рукоплескать им, потому что они не как все. Каких бы усилий это им не стоило, но они добьются своего. Иначе нельзя жить. Они ещё не знали этого, не понимали, что встали на свой особый путь.

Навстречу важно шагали четыре больших паренька. Они скривили побритые к линейке юношеские лица, рассматривая идущих снизу, но вверх.

— Выступили, нигилисты? — с осуждением и насмешливо сказал белоголовый крепыш-спортсмен, с которым Иван ставил футбольные ворота.

— Молодцы. Бой стилигам? Так? Получили от заучавтык? — радушно улыбался Яков Груль. — бойтесь директора. Мы его знаем.

— Теперь вы в чёрном списке. Вытурит с треском, и ни в какую школу не возьмут? — сказал озабоченно вихрастый юноша с глобусом в руке. — У него связи. Даже в тридцать вторую не попадёте. Сочувствуем... Ничего никому не докажете. Тут лучше не высываться...

Иван понял, что ходить в шароварах в этой школе считается неприличным. С одной стороны он этого добивался, хотел, чтобы его заметили, поняли маленький протест. Один пошёл против всех. Мама предлагала купить костюм, но отказался. За чтобы она его купила? Все деньги тратит на питание. Он не будет, как все. ...Поэтому наденет шаровары. Пусть это не нравится директору и завучу.

Ванюшка давно мечтал носить настоящие шаровары. На вокзале увидел в прошлом году невысокого парня в жилетке бархатной, в чёрной рубашке со множеством белых пуговиц. Воротничок стоячий, как у гимнастёрки. Карманчики отделаны белыми тонкими полосками. У шаровар широкий пояс, на нём карманчик на замочке-молнии, из которого парень доставал большие блестящие с крышкой часы на цепочке.

В то время у нас в городе уже носили узкие брюки; стилиги одевались крикливо, ярко. Этот парень имел уверенный и независимый вид. Он был не как все. К нему

подходили подозрительные личности, что-то говорили, смеялись, садились курить. Но молодой человек не курил.

Ивану показалось, что если у него будут такие брючищи с карманами на молниях, тоже обретёт твёрдость характера и независимый вид. Иван никогда не видел подобных роскошных брюк серо-стального цвета. При каждом шаге они переливались, вызывая у него восхищение. Вот он человек, чихающий на стильную моду. Он ходит в том, в чём ему хочется. До начала учебного года был месяц. Мама уехала к сестре занять денег на домик.

Он присмотрел материал на брюки. На шёлк не хватило денег. Пришлось покупать сатин. Деньги у него были. Он с Вовкой Гриваневым работал летом в бригаде разбитных женщин. Копали длинную траншею; к детскому саду подводили воду. Им отмерили участок — двадцать метров. Они рыли. С утра и до темна. Женщины часто перекуривали, ходили за пирожками. Иногда посылали их. Женщины уходили домой, а мальчишки продолжали работать.

Дядина жена получила ткань, замочки и рисунок брюк.

— На физкультуру? — удивилась она. — Очень широкие шаровары получатся. ...Как хочешь.

Брюки она сшила, хотя за чем-то нервничала по поводу широкого пояса с карманчиком. Часов у Ивана не было. В карманчике у него, складной нож и ключ от двери. Чёрную рубашку с длинными обшлагами на пятью пуговицах и со стоячим воротом тётя не то чтобы не успела сшить, а просто тянула время, говоря, что не успеет к первому сентября. Обыкновенная рубаха, только с карманами

на груди, как у «вельветки». Он объяснял, а она не понимала, зачем белые кантики на воротничке, на обшлагах. Пришлось Ивану идти в школу в жёлтой спортивной рубашке. Он надел её в последнюю минуту. Если бы тётя не прожгла утюгом накануне белую. Он решился. Пусть говорят. Пусть дразнят. Красный шёлковый галстук постарался не забыть.

Рубашку, в которой отправился в школу на занятия во второй день, подарила бабушкой. Она была расшита синими узорами на груди и на рукавах. Когда утром вошёл в класс, ожидал услышать насмешки, но его просто не заметили. Иван видел только глаза. Одни смотрели с восхищением, другие сочувственно-иронично, были такие глаза, которые его жалели. Беловолосая знакомая одна сидела за первой партой. Большинство подростков не знали друг друга. Но были и такие, которые сразу сблизились, объединились, как они с Сергеем. У них были общие знакомые. Они угощали друг друга какими-то таблетками.

Классная руководительница сделала переключку. Принялась записывать адреса, имена и отчества родителей. Только у него не было адреса. Иван забыл уточнить его. Но мамы не было дома. Никто не смеялся, не шептался. Подросткам было неинтересно даже слышать о каком-то ученике, который припёрся на занятия непонятно в чём — в синих шароварах, в белой, расшитой голубым орнаментом, рубашке, а теперь выяснилось, что у него и адреса нет. Он – ученик ниоткуда.

Но она не могла понять, как его приняли в новую школу, если у мамы нет нормального адреса, к тому же, учиться неважно. Думала, что после беседы с директором маль-

чки придут в школу, как все, но ошиблась. Дети не хотели быть, как все. Это плохо.

Глава третья.

Директор Пшёнкин артистично вёл урок истории. Он закрывал лицо руками, быстро ходил по классу, вскрикивал. Дёргал себя за галстук. Это удивляло. Необычность поведения преподавателя ученики воспринимали по-разному. Одних это отталкивало, других привлекало.

Древний мир снабжал себя инструментами и оружием. Другьям это мир понравился, они представили себя в нём, поэтому попытались изготовить рубило, каменный топор. На одном из уроков Сергей поднял руку. Показал каменный наконечник для стрелы. Преподаватель изумился, стал расспрашивать, где нашёл. Крохин ответил, что сделал. Научился.

— Не может быть. Невозможно так точно воспроизвести орудие.

— Правда, — утверждал Сергей, но учитель лучше знал истории древнего мира. Не хотел верить в мастерство подростка.

— Люди веками добивались высокой квалификации, чтобы из камня сделать скребок, топор. Скажи, где нашёл это сокровище. Не мог ты его сделать. Не мог!

Лица одноклассников смотрели на Крохина с любопытством и завистью. Это был странный миг победы. Худенький мальчик сотворил чудо. В короткое время научился обрабатывать камни. Бабкин показал учителю большой наконечник для дротика. Тот его осмотрел.

— А это откуда? ...Сделали? Сами? Это невозможно сделать. Что вы мне тут голову морочите. Где откопали?

Не знал он Сергея. Крохин мог сделать такое и так, что не каждый взрослый может похвастается подобным мастерством. Класс одобрительно гудел.

Через две недели Крохина и Бабкина пригласят к директору. Ерохин пойдёт один. Приятель побежит домой за тетрадкой.

Сергей расскажет Ивану, что дядя директор всё перевернёт с ног на голову.

— Чего, говорит, голову морочишь. Зачем обманул? Я говорил, что сам сделал, а вы спрашивали, где нашёл. Обвинил он нас в фальшивке и обмане. Памяти нет?

— Тогда на уроке мы говорили, что сами сделали. Не мог он забыть. Специально бочку катит. Но зачем? Обвиняет в том, чего мы не делали. Парни сказали, что он мстительный.

Сергей расскажет классу продолжение истории с наконечниками.

— Хватит врать! — воскликнул Пшёнкин, не желая слушать ученика. — Не передёргивай мне факты. Не помню что ли. Хвастались, будто нашли. Хотели ввести в заблуждение. В лаборатории проверили. Это самоделка.

Преподаватель потребует, чтобы Крохин замолчал и пришёл с родителем. Тогда староста Рудин попытается выяснить, в чём же соль инцидента.

— Крохин принёс каменный наконечник и сказал, что сделал его сам. Вы не поверили. Он утверждал, что не нашёл, а сделал... Бабкин вам тоже подал наконечник для дротика. Также сказал, что сделали сами. Теперь вы их об-

виняете... Называете обманщиками. Это не так было. — класс загудел от негодования.

— Обман! Подделку всучить захотели! Это ложь. Обманщики! — Директор хлопнул журналом по столу и вышел из класса под трели звонка. Никто тогда не знал и не мог предположить, что история с наконечниками найдёт продолжение. Друзей мы прозвали «спаянными, неразлучными». Они всегда были вместе. Если я видел Ивана, то рядом был Сергей. Они и в армию ушли вместе. Только вернулся — Иван. Сергей погиб в Кандагаре, сопровождая колонну грузовиков с «гуманитаркой». Это будет потом.

Глава четвёртая.

Было тихое классное собрание. Распределялись общественные поручения, выбирали старосту и председателя совета отряда, звеньевых, физорга, редактора стенной газеты. Мы дружно отказывались от поручений, предлагая соседа по парте. Бабкин тоже отказывался, говорил, что нет времени. Нону Павловну не смутило то, что подросток средне учится.

-Будешь пионервожатым в шестом «Г». Подскажут, научат. Это не очень сложно. Так нужно.

Беловласка одобрительно кивнула очаровательной головкой и он согласился.

Пришли, естественно, вдвоём на первую встречу. Побаивались. Высокий спортивный Бабкин и коротышка Крохин с пухлыми губами на девичьем лице. Шести-классники слышали о парнях, которые заявили в школу

в запорожских шароварах, и никого не испугались. Стиляг это не заставило краснеть и выбрасывать брюки-дудочки. В школу они ходили в нормальной одежде. Боялись. А Спаянные не испугались. Преподаватели приняли это за вызов и протест. ...Не наставляла друзей пионерская старшая вожатая. Была рада, что во всех классах есть вожатые, а значит, можно писать план работы, приглашать на семинары. Если не придут, то не велика проблема. Сама не знала, как себя вести с юными хулиганами, которые не только курят, но и отнимают деньги у сверстников.

Бунтарей приняли сразу. Классная руководительница ушла. Спешила уехать домой, так как жила в посёлке Кирова. ...У Миши Зайцева появился в руках пугач. Сергей подошёл к подростку, но не стал отбирать, а только показал свою руку и шрам. Мальчишки повскакали с мест. Девочки поджали губки.

— Палец пришили, — сказал он. — Гвоздь вытащили из плеча. Я покажу, как выпиливать маузеры из фанеры, которые стреляют вот так. — Крохин открыл портфель, вынул пистолет, окрашенный серебрянкой, взвёл затвор и, почти не целясь, выстрелил в стоящий на полке, раскрытого шкафа, старый глобус, — мальчишки сняли повалившийся глобус, нашли крохотное отверстие, внутри брякала пулька. Не все дети порадовались меткому выстрелу. Но большинство мальчиков окружили Крохина.

— Научи, я хочу. ...И меня. ...Продай.

— Будем делать сами. На следующий урок я принесу арбалет, и устроим соревнование на меткость. ...Двойки можно получать, если была причина. Лучше исправить. ...У меня тоже бывают двойки. Двойка не считается, если

что-нибудь делаешь, кому-нибудь помогаешь, а забудешь выучить стихотворение. А если бегаешь или ещё что-то напакостил, то эта двойка будет считаться.

— У меня есть лук и стрелы, — сказал Олег Загайнов.
— На охоту пойдём?

— Теперь давайте все сфотографируемся и сделаем наш секретный альбом, — предложил Иван.

Класс разделился. Сергей учил девочек вышивать, а мальчиков — выпиливать из фанеры автоматические пистолеты. Иван с ребятами оборудовал в подвале бомбоубежища фотолабораторию. Подростки убрали мусор, побелили стены. Принесли из дома оборудование. Мальчики и девочки учились обрабатывать фотоплёнки и печатать фотокарточки. Через неделю завхоз устроил в чистом помещении склад лопат и метел. Друзья пошли к старшей пионервожатой. Мер она не приняла. Дети вынесли инвентарь в другое помещение, а на дверь в фотолабораторию Сергей сконструировал запор.

Шестиклассники увлеклись теневым театром, описание которого нашёл в журнале «Пионер» Юра Волков, показал Ивану. Написали пьеску из жизни Буратино и его друзей. Сергей с ребятами выпиливали из фанеры детали фигурок, скрепляли их. Шумы и даже реплики записали на магнитофон.

— Давайте покажем спектакль в детском садике, — предложила Катя Андреева.

— Денег заработаем на мороженое, — обрадовался Саша Фомин.

— Детсад рядом со школой. У меня сестра там, а у Тони — братики.

Юным актёрам начала помогать завуч. Постепенно классный теневой театр оказался школьным. Друзья были ласково отстранены. Они не стали отвоёвывать своё детище. Просто перестали рисовать декорации, выпиливать фигурки. Завуч старалась ими руководить, заставляя делать то, что она хочет. Даже грозились лишить их поручения. Друзья не любили опеку, снисходительные поучения; но выслушали лекцию старшей пионервожатой, которая убеждала их в необходимости развивать школьный теневой театр.

— Так развивайте, — сказал Иван. — Кто вам не даёт. Мы рады, что наша идея из классной стала общешкольной.

— Набирайте актёров. Магнитофон приносили ребята. Записи мы вместе делали. Ребятишки озвучивали свои роли. Если они не хотят идти в этот театр, как мы их заставим? Сами заставляйте. У нас в классе всё добровольно.

Артисты не отдали свои магнитофонные записи. Приглашали родителей. Директор школы купил магнитофон, но заниматься в школьном кружке теней стали под нажимом, и в основном девочки из младших классов. Не стало живой идеи, не оказалось ярких руководителей. Друзья не очень горевали по поводу украденного театра.

Сергей Крохин регулярно проводил соревнования по стрельбе, даже учредил переходящий кубок. Нужно было доказывать, что двойка в дневнике «правильная». С «неправильной» двойкой к стрелковым соревнованиям не допускались. Из соседних классов потянулись мальчики и

девочки на занятия по фотографии, выпиливанию. Друзья никому не отказывали. Случались и такие разговоры.

— Это не ваш вожатый, а наш. Вы к нему не ходите. У вас своя вожатая, — говорили девочки. — Нечего на нашего вожатого смотреть.

— Она только знает книжки читать и танцы детские разучивать

— Мы тоже книжки читаем, но не скажем какие. Это наша тайна.

Крохин научился вязать на спицах. Его сестра занималась в кружке Дворца пионеров. Он взялся учить девочек вязать и шить мягкие игрушки. Кукол скопилось много. Они составляли несколько композиций на городской выставке детского творчества. Был получен Диплом за оригинальность и приз — огромный торт. Возник кукольный театр. Родительский комитет нашёл деньги, чтобы заказать настоящую ширму. Часть кукол продали на аукционе после выставки. На вырученные деньги Иван и Сергей повезли детей в краеведческий музей, а потом с помощью родителей добились разрешение сделать экскурсию по старинной крепости, в которой были склады.

Глава пятая.

Иван увлёкся радиотехникой. Начал собирать в мыльнице транзисторный приёмник. Это занятие понравилось и отдельным подшефным. Класс не стал учиться отлично, но изменилось отношение к урокам, особенно к труду. Неуспевающие не исчезли, но их стало меньше. Не все бросились заниматься фотографией, стрелять из лука и

арбалета, не каждый смог сделать себе пистолет. Были равнодушные дети, которые с детства не получали родительского внимания. И всё же классная руководительница заметила старание друзей, стала помогать. Просила даже кому-то из детей уделить больше внимания, а с кого-то не требовать многого, чтобы мальчик постепенно почувствовал свою значимость и не ушёл опять на улицу.

Кукольный театр выгодно отличался от теневого. Спектакли ставили в соседней школе, а детских садах. Девочки из старших классов помогали шить костюмы, писали сценарии. Репертуар театра «Светлячок» стал разнообразнее и интереснее. Иван узнал, что у Тани Калабковой мама работает в ТЮЗе, встретился и попросил помочь девочкам повисить мастерство. Добровольные помощницы обрели в шестом «Г» уж если не сестёр, то подруг. А вот из восьмого класса девочки не приходили ставить спектакли. Им было некогда. Они жили своими интересами.

Учиться друзьям было некогда. Фотолабораторию из подвала по приказу директора удалили. Преподаватель зоологии и ботаники предложила построить кабину-лабораторию. Спаянные вместе с подшефными строгаали и пилили, приколачивали и красили. Фанеру и бруски раздобыла учительница. Гвозди друзья купили. Теперь у них свой уголок. Если фотокарточки можно печатать во время занятий, то репетировать отправлялись в актовый зал. Среди аквариумов и клеток живого уголка нашлось место и куклам.

К друзьям на переменах спешили не только подшефные, чтобы узнать, отчего стали рыбки болеть, почему потемнели фотокарточки, как выпилить из фанеры вазу

для печенья, чтобы сделать подарок маме, но и мальчики из других классов. Им тихо и мрачно завидовали, пытались рассорить, сочиняя небылицы друг о друге. Многие подростки грелись у огня дружбы Спаянных, предлагая поучаствовать в городском конкурсе на лучшее стихотворение, фотоснимок, о которых узнали из газет, приглашали домой, показывая аквариумы, редкие книги, журналы с голыми девчатами. Спаянные дружили со всеми, но в свои дела посвящали не всех. Близко познакомились со многими ребятами, но уважали Стасика Дуднева, Валю Поморцева, Юру Волкова, Гену Петрова.

Глава шестая.

В классе были свиты группы и группочки. В них вступали по признакам положений родителей; на мальчиках должны быть не школьные, а дорогие костюмы. Девушки приходили на вечера с золотыми цепками на шейках и в сверкающих камушками перстеньках на тонких пальчиках. Они важно беседовали на переменах, обсуждая импортное кино, модные одёжки. Не допускали в свои кружки одноклассников, которые ходят в простых ботинках на микропорки, одноклассниц, не имеющих японских духов.

Подростки из больших и рабочих семей запросто общались друг с другом, не замечая во что и как одеты подружки и приятели, делились с восторгом любимыми книгами и дарили аквариумных рыбок. Они не умели отворачиваться от сверстников, которые редко ходят в буфет или наоборот приносят из дома термосы с какао, а запаха-

ми бутербродов заполняют весь класс. Но почему не все дети моют пол по графику?

Классная не пропесочивает отлынивателей. Конечно, как можно брать грязную тряпку холёными пальчиками. Невозможно двигать тяжёлые парты, ведь можно испачкать или порвать платье или костюм. Дети собрались в классе разные, но как-то роднило их то, что они проводили в одних стенах много времени, пожалуй, больше, чем пребывали дома среди заботливых родителей. Родство это вполне условное. Дети постоянно смотрелись в одни и те же лица, слышали одних и тех же преподавателей.

Классная руководительница пыталась сделать так, чтобы дети и в свободное время находились рядом. Она возила их на экскурсии, организовывала походы в кино. Требовала, чтобы все приходили на вечера отдыха. Зимой почти насильно загнала на концерт камерной музыки.

Смотрели друзья, распахнув глаза, на киноэкран в темноте зала. Выхватывали из полумрака милые профили девочек, которые почему-то сидели недалеко, но не рядом. Конечно, в кинотеатр прибыла только половина класса. Другая половина умильно сидела в удобных креслах у экранов телеприёмников.

На вечерах Ивану и Сергею не было скучно, хотя они не танцевали, но умели заражать себя весельем и развлекаться с одноклассниками. Они росли, примеряя этот мир, как новое пальто, безбоязненно вставляя скользкие пуговицы в тугие не разношенные петли. Дети учились жить. Перед школьными вечерами покупали бутылку вина. Иван и Стас Дуднев шли в магазин и выбирали портвейн или вермут. Выбирали закуску. Это были плавленые или тво-

рожные сладкие сырки. Иван иногда приносил из дома пироги, стопку. Стасик угощал друзей импортными конфетами. Пьянели подростки. От весны, от звёздного света, от стремления к жизни. И от портвейна.

Шёл размеренно первый год после государственной реформы. Копейки превратили в десятики, десятики — в копейки. Маленькие рубли выглядели необычно и весомо. Мама Ивана, зарабатывавшая до денежной реформы на двух работах полторы тысячи рублей, теперь получала только сто десять. Иван успел её уговорить купить себе наручные часы. Хорош был самодельный фотоувеличитель, но заводской оказался намного удобнее. Фотокамеру подарила бабушка. Он перечитывал три книги по фотографии, всякий раз узнал много чего интересного, учил любознательных детей на своих ошибках. Отличных по качеству фотокарточек в общем альбоме пока мало.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Весна. Экскурсия — продолжение.

Глава первая.

Сбросив с себя вагонную духоту и качку, восьмиклассники вразброд, отбирая у девушек сумки, втянулись в чужую кривую улочку, ведущую к невысокий горке. Настоянный на терпких запахах цветущих черёмух и сиреней, взметнувшихся ветками из палисадников, густой чистый воздух кружил головы. В лужах отчаянно колотили крыльями гуси. Они поднимали фонтаны брызг, из кото-

рых рождались выцветшие крохотные радуги. Ветерок морщил воду, разламывая отражение оград, домов и солнца. Лежали недопиленные берёзовые стволы, кучками желтели поленья. Под опилками прятался от солнечного тепла снег.

Отсюда, из улицы был виден широкий и длинный город; его новостройки с рукастыми строительными кранами, и заводы, засасывающие дымами из длинных труб глубокую весеннюю синеву. Мосты почему-то выглядят игрушечными, а далёкая стальная лента реки кажется новой и до волнующей радости чужой.

Сергей достал из рюкзака нивелирную трубку, принялся обозревать вершины гор, в распадках которых всё ещё полёживали языки и ленты снега. Через минуту Крохин расстался со своим прибором дальнего видения. Желаящих узнать, как приблизится город, если взглянуть на него через стёкла, оказалось много. Однако вещицу вернули хозяину быстро.

— Надо на голову становиться, — сказал с сожалением Поморцев. — Приближает хорошо.

— Нужно призму, — проговорил Дуднев. — Давай, Серый, быстрее.

Мальчишки приотстали и закурили. Иван терпеливо глотал дым, но, сморщившись, передал окурочек. Физорг курил по-настоящему, взятяг, но тоже бросил, увидев ребят.

— Нужно было с фильтром взять.

— Привыкнем, — вздохнул Сергей. — Это сначала противно. Начинать всегда тяжело.

— Но ещё тяжелее будет бросать, — кивнул Стасик Дуднев, плюя в сторону. Приотставшая Орлова вдруг строго сказала:

— Крохин, ты и так маленький. Брось, а то не вырастешь. Твои пионеры увидят, что скажут?

— Прямо, как мама родная. Бросаю. Иван, ты покури за меня. Ты дак вырос.

— Дай мне, — подошёл Юра Волков. — Узнаю, как это отец курит. Не мёд... Кому?

Курильщикова заметил староста. Важно погрозил невзрачным пальчиком. Сегодня почти весь класс собрался. Дуднев пообещал показать, где цветут жарки. Группировки объединились, пока ехали в трамвае. Обсуждали поведение удивительных героев из недавнего фильма «Гусарская баллада». Заговорили о мальчике-певце из Италии — Робертине Лоретти. Сергей подарил девочкам четыре переснятых из журнала «Кругозор» фотографии юного солиста. Как они счастливо требовали ещё. Поклонниц оказалось много, а карточек мало. Крохину пришлось пообещать отпечатать ещё десяток. Умненькие девочки решили соединить свои капиталы и всучили Сергею небольшую сумму на фотоматериалы.

— Мальчики, дайте попробовать, — подкатилась ко лобком Женечка Живкова. Мне можно. У меня тётя курит.

— Вы, как дети, — подошел, загадочно улыбаясь симпатичными губами, Дуднев. — Договорились? До восемнадцати в рот не брать. ...Я — не указ. Но здоровье. — Стасик отобрал у Женьки окурок, глубоко затянулся, бросил сигарету. — Какую дрянь вы, дорогая моя, курите. Чтобы я не видел сегодня ни у кого что-то подобное.

Живкова, ну, а ещё комсомолка, — подражая Рудину, говорил физорг.

— Мне тоже нужно попробовать. Что я рыжая? У тёти не спросишь?

— Стасик, какой пример показываешь? — ухмыльнулся бледным лицом Рудин. — Не ожидал. Поставлю вопрос на собрании. ...Шучу. Что ты сразу сердишься? Девочки, как куклы помадой нагубастились. Не на уроках. Таня Мурашкина? Кто так брови подводит? А с глазами, что сделала Овечкина? Наташка не накрасилась. ... Пошутить нельзя. А вам нужно так себя уродовать? Вы и так красивые.

— Валя, ты ноги мылил долго, когда свои брюки натягивал? Вроде не стилига, — загорячилась Аня Овечкина. Девочки одобрительно зашумели, перебивая возгласы мальчишек, которым не особо понравился макияж соклассниц.

Глава вторая.

Шумная ватага обходила сопку. Редкая березовая рощица, пахнувшая угольным шлаком и гниющим навозом, встретила школьников трепетом шёлковых листочков-недомерков. Кучки, вытаявшего домашнего мусора, говорили о странной любви к природе. Мальчики с необъяснимой охотничьей страстью, рвали свежие стебли подснежников и неловко, с напряжёнными лицами, подавали девочкам. Иван заметил за драным резиновым сапогом светло-пепельный цветок. Не успел сделать и двух шагов, как длинноногий Поморцев опередил его. Юрик Волков

сорвал десяток бело-синих и фиолетовых цветов. Он быстро подошёл к звеньевой Орловой. Девушка стояла у искорёженного остова кузова «Запорожца» и смотрела на висящую, на дереве бутылку. Берёзовый сок её наполнил до половины. Волков не успел преподнести ей букет, как она строго сказала:

— Не люблю умирающих цветов, — её светло-синие прищуренные неприятные глаза стали темнеть. — Не рвите цветы. — Юра замер в стеснительном ожидании. Проходившая Женя Живкова вдруг весело сказала:

— А подари мне, Юра. Я очень люблю цветы. Мне ещё никто не дарил такие букеты. Спасибо. Ты первый. Тебя никогда не забуду. Я вас всех не забуду!!!

— У тебя этих букетов будет сто. Каждый день. Ты станешь известной певицей. Мы будем ужасно гордиться тобой. Станем рассказывать детям, какая ты была добрая и красивая. — Стасик взобрался на остатки автомобиля, начал отвязывать бутылку. — Голос у тебя — будь здоров. Ты сама, как огонёк.

Женя смущённо смотрела на Дуднева, на Волкова. Стасик налил в раскладной стаканчик сок. Выпил. Предложил Евгении. Подошла Ерёменко с большим букетом.

— Кем я стану? — склонила головку Наташа, пряча лицо в холодных цветах.

— Ты? — Дуднев окинул светло-карими глазами изящную фигурку в лыжном костюме оранжевого цвета.

— Ты станешь музыкантом, как Александра Пахмутова, — сказал Сергей Крохин и, опустив глаза, наклонился за причудливой корягой.

— Не прав, ты Серый, Наташа будет самой заботливой мамой. Моя мама могла бы балериной стать, но родился брат, потом я...

— Не выйду замуж никогда, — сказала, смеясь ровными зубами, Наташа. На её щеках вдруг заалели пунцовые маки, будто бы её вызвали к доске.

Приглушив транзисторный приёмник на тонком ремешке, подошёл Рудин. К физоргу заторопились девочки.

— Погадай мне. Кем я буду.

Дуднев взял тонкую кисть старосты, задумался, придав загорелому лицу выражение глубокой задумчивости. Вдруг тяжело вздохнул, нахмурился, подражая кому-то.

— С тобой всё просто. Будешь генералом. Окончишь академию. Получишь звезду Героя. Будет за что. Чего мне врать? ...Но я никем не буду. Папа меня видит общественным деятелем, но моя жизнь будет яркой и простой. Стану путешественником. ...Ну, есть разряды, какие-то достижения, но спорт не для меня.

Стасик был недалёк от истины. Рудин получит высокую правительственную награду в области космической техники. Наталье сделают операцию на сердце в Америке. Замуж она выйдет, уехав в Киев. Дуднев защитит кандидатскую по истории. Мы встретимся в Санкт-Петербурге.

— Ты тренируешь сборную вашего двора. Твоя команда заняла по футболу первое место по городу и по области. Писали в газете «Металлист» — сказала неуверенно Танечка Мурашкина.

— И в «Родном крае». Я сама читала, — горделиво произнесла Аня Овечкина. — Всем показывала вырезку. Мы гордимся, что учимся в классе с таким известным человеком. У тебя взрослые разряды по лёгкой атлетике. Ты побеждал на областных олимпиадах по физике.

— Это случайно, — сказал смущённо Дуднев. — Вот Иван — это да. Его стихи публикуют в газете. Это что-то значит.

— И фотки, — сказала Инна Колесникова. — Я видела. Стихотворение под фоткой зимой запомнила. «Вчера было тепло. Сегодня иней украсил ветки, провода. Мой город стал, как ты красивым. Счастливыми будьте, люди, всегда».

— Это не мои, — растерянно проговорил Бабкин. — Какой-то однофамилец. Честно. У меня и по литературе круглая тройка. Какие стихи?

— Не стесняйся. Чего ты боишься? Не хочешь выделяться? А кто к новому году нарисовал в актовом зале панно на всю стену? — приблизилась Женя Живкова. — Когда мы моем с тобой пол в классе, ты насвистываешь мне мелодии арий, чтобы я отгадывала. Ты знаешь оперы и оперетты. Ты знаешь все новые популярные песни. Чего боишься и прячешься, как ёжик в клубок? Вы с Сергеем тратите много времени, занимаясь со своими пионерами. А нам это не надо. Мы думаем о себе. У вас какой-то свой язык, вы придумывает шифры. Я тоже читала рассказ «Пляшущие человечки». Шифров никаких не придумала.

Подростки посмотрели друг на друга, молча пошли к манящим сопкам...

Глава третья

— Они какие-то странные. Даже танцевать не хотят учиться, — сказала Аня Овечкина. — Но их таскали к директору. Они на школьной линейке протестовали против стиляжничества. А нам всеравно. Мы только болтаем. Спаянные стесняются, но не боятся сказать то, что думают. Ты, Женька, говоришь, что Иван застенчивый, а только он сказал на уроке, что коммунизма не будет. Может быть, так считают и другие, но молчат. Зачем высовываться?

— Стасик сказал, что он хочет стать путешественником, а Спаянные уже копят деньги, чтобы поехать куда-то на север, — сказала Таня Мурашкина. — Давайте вместе поедem всем классом «открывать новые земли». ...Подслушала. Так вышло. Нечаянно. Они не видели меня. В четверг тебя пригласил к себе директор. Расскажи. По поводу коммунизма?

— Так. Спрашивал о том, как в раздевалках оборвали вешалки у пальто, — сказал Иван. — Ничего мы не протестовали. Шаровары, как шаровары.

— Ты всерьёз думаешь, что коммунизма никогда не будет, что партия и правительство лгут народу? — тихо спросил староста. — А ты один говоришь правду? Так не бывает. Курс партии верный, потому что точный. Не нам его обсуждать. Придётся принимать меры. Из пионеров нужно исключать. Но вы столько делаете полезного для класса, для школы, что и незнаю... Пока вы ещё глупые, повторяете чьи-то вражеские голоса. Радио зарубежное

слушаете по ночам? Нужно, чтобы покался и взял свои слова обратно. Вносят в детские головы сомнения и ересь.

Школьники не смотрели друг на друга. Опускали глаза. Они чего-то боялись.

— Не в чем мне каяться. — Сказал нехотя Иван. — Если вы достойны коммунизма, если вы очень сознательные, тогда почему не убираете свой класс? Почему отлыниваете от общественных поручений? Хотите только получать? Кто будет работать, создавая для вас космические корабли, строя квартиры. Вы же боитесь испачкать ручки? Кто вам будет строить коммунизм? Значит, его не будет.

— Раз партия обещает, значит построим. Нужно верить.

— Валя, у тебя дома уже давно коммунизм, — сказал Лёвка Брусиллов. — Поэтому ты такой уверенный. Сам ты только на собраниях цитатами из газет бросаешься.

— Не спорьте. Мы тут ничего не решим. Поживём и увидим, — резко сказал Дуднев, зашнуровывая мяч. — Мы приехали отдыхать? Не диспуты проводить. Валя, сегодня много стал шутить. Это воздух пьянит. Маёвки нам рано устраивать.

— Отец сказал, что ревизовать политику партии мог только скрытый враг. Это подрыв политики партии. За такие слова нужно исключать из школы.

— Иван, как ты мог поднять руку на самое святое, что у нас есть, — полушутливо сказала Колесникова, и посмотрела в сторону Поморцева. — Тебя староста не примет в комсомол.

Восьмиклассники стояли у ручья, смотрели друг на друга, словно впервые увидели. Они не думали, что прой-

дут годы, и они перейдут в другие классы, в иные попадут школы. Они вырастут. Им придётся заботиться о детях, не всегда своих. Они вспомнят о вылазке на природу. По-взрослев, убедятся, что коммунизм у них был, когда ходили в школу. Не такой, какой предлагали, но вполне приличный.

— Утопия, всегда утопия, — сказал нехотя Крохин. — Сказки о кисельных берегах и молодильных яблоках мне читали в детстве. Я долго верил, что скатерти-самобранки только в сказках существуют. Недавно сообразил, что они есть, но вот только не у всех дома постелены. Коммунизм построили. Но не для всех. Иван плохо читает газеты.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

О Красной книге коммунизме и репетиторстве.

Глава первая.

Бабкин не чувствовал себя героем, а где-то в глубине души поселился мохнатый страх. Он возник не тогда, две недели назад, когда его вызвал к доске Николай Николаевич, а после того, как позавчера его на уроке химии вызвала из класса старшая пионервожатая.

Плоские бело-серые облака, напоминающие льдины, кипели в небе над городом. Иногда они зацеплялись за солнце, тогда густые золотые лучи били вниз унылыми потоками. По склонам горок тревожно елозили тени. Дуд-

нев уверенно вёл класс к заветному распадку, где, по его словам, постелен ковёр из оранжевых огоньков.

— Стасик, ты заблудился, — рассмеялась с высоты баскетбольного роста Маша Букавникова.

— Между прочим, — остановился Валентин Поморцев, — жарки занесены в Красную книгу.

— И ветреники. Подснежники, которые вы драли, тоже в Красной книжечке, — ехидненько проговорила Инна Колесникова. — За каждый цветочек можно уплатить штраф, дочки.

— А почему молчала? — удивился Юра Волков. — Я — не знал, что подснежники...

Наташа Ерёменко и другие девочки осторожно посмотрели на свои букеты и букетики, как будто в руках были мины или гранаты, и, тревожно насупив лица, задумались.

— Стасик, разведывай свою полянку, а мы отдых обозначим, сняла рюкзачок Маша. — Давайте фотографироваться. Иван, фотай и моим аппаратом. — Девушка достала новый «Зоркий». — Я ещё не освоилась, как следует, но тебе — это запросто. Папа купил сестре, она в кружке у тебя, разрешила взять на природу, но, чтобы только ты снимал и никому не давал.

— Какая чувствительность? — спросил Иван, расстегивая, пахнущую, кобуру. — Что было на плёнке написано? На коробке? ...Очень важно.

— Катя установила значение. Да. Сказала, что ты разберёшься. Тебя не исключат? — болезненно спросила тихо Букавникова. — Староста может организовать экстренное собрание класса. Если его заставят. Куда ему

деться? Мы вступимся. Ты никого не оклеветал, просто высказал своё личное мнение.

Глава вторая.

Бабкину и Крохину история древнего мира нравилась. Директор хорошо знал свой предмет. Рассказывал много интересного, чего не было в учебнике. В тот день...

...Иван отвечал без запинки. Он знал этот материал. Ответил на дополнительные вопросы. Казалось бы, всё должно закончиться благополучно. Николай Николаевич Пшёнкин начал гонять его по датам. Бабкин допустил одну неточность.

— Как же так? Хотел поставить «отлично». Кто дополнит? Кто уточнит? — класс дружно молчал. Было всем понятно — начались придирки. Не дружный класс не одобрял поведение директора. Другие преподаватели не задавали столько дополнительных вопросов. — Нет желающих? Или не знаете материал? Мы строим коммунистическое общество, а тут люди не хотят учиться. Дорогие мои, вы будете жить при коммунизме. А с таким отношением к учёбе построим передовое общество? Как, считаешь, Бабкин?

— Считаю, что вы правы — коммунизм не построим. Невозможно построить то, к чему не готово общество...

— Не понял, — удивился директор, задерживая дыхание.

— Вы говорили, что при коммунизме каждый получит по потребности, но от каждого по способности. Кто тогда будет удовлетворять все наши потребности, если ра-

ботать будет некому. Наше сознание отстаёт от наших желаний. Через двадцать лет наше сознание изменится? Нет. Если полы в классе моют единицы, макулатуру собирают единицы.

— Понятно. Ты не веришь нашей коммунистической партии?

Класс невнятно зашумел. У каждого было своё особое мнение, но невысказанное, не проверенное. Восьмиклассники вдруг задумались. О каком коммунизме идёт речь, если выгодно молчать, отлынивать от общественной работы.

— Верю. — Иван увидел злорадные огоньки в глазах преподавателя. Испугался. Старшеклассники предупреждали. Не примут в другой школе, пойду на работу. Копать траншеи придётся и при коммунизме лопатой. Обещанные роботы, где-то на бумаге у конструкторов. — Верю. Коммунизм будет тогда, когда наше сознание окажется на нужном уровне.

— Это, философ ты квасной, демагогия. Это...подкоп под авторитет партии и правительства. Ты прав, а они, там, в Кремле, лгут.

— Я этого не говорил. Это вы говорите. Я говорю, что коммунизма не будет через двадцать четыре года, через сорок лет. Если он придёт, то намного позже...

— Ты меня не лови на словах. Ишь ты какой. У кого иное мнение? Садись. Три. Полюбуйтесь на Фому неверующего. Ваш класс отличается. Председатель совета отряда, староста класса, как так можно учиться?

Валька Рудин нехотя встал, дёрнул плечом, закрыл учебник.

— У нас в классе всякие ученики. Отличаемся. Не дружные. Да. Но в сборной волейбола — Орлова и Охрименко. В сборной по баскетболу — Иван Рак, Поморцев, Букавникова, Дуднев. Колонну школы к седьмому оформляли Крохин и Бабкин. Актальный зал к Новому году оформлял Бабкин с преподавателем черчения. Наш подшефный класс, где вожатыми Бабкин и Крохин, получил Диплом, кукольный театр выезжал в Ленинград. Металлому собрали больше всех. У нас грамота райкома комсомола. В олимпиадах областных и городских участвуем постоянно. В городском шахматном турнире за нами второе место. Юра Волков имеет взрослый разряд. Так и у Дуднева. Толик Бирюков победил по штанге. В сборной области. По боксу занял первое место Аушев Иван. Бабкин фотографирует все школьные мероприятия и оформляет витрину, стенгазету.

— Класс не дружный, отстающий. Если есть какие-то единичные успехи, то они незаметны на общем фоне. Ваш Бабкин требует деньги с преподавателей. Шантаж? Да. Школа — это не место, где можно обогатиться.

— Вы же знаете, что фотоматериалы пока продают. Нужно их купить, — сказал Иван. — Приходится печатать по тридцать фотографий. Я — не работаю. Мама покупает фотобумагу мне для школы. Коммунизм ещё за горами.

— Я приказал выдать сто рублей на фотоплёнку, а химию можно у себя поискать. Сто рублей уже истратил?

— Мне Светлана Аркадьевна выдала только пять рублей. Я ей принёс чек из магазина. ...Незнаю, где остальные деньги. Мне их не показывали. Она сказала, что столько выделено. На пять рублей много не купить. Порт-

реты на Доску почёта нужно делать большие. ...А лучше пригласить мастера из ателье.

— Что лучше — мне известно. Запишите домашнее задание. Будете сами разбирать. Благодарите Бабкина. Он не дал нам нормально заниматься, увлёк своей анархистской теорией. Это бывает. Кому что не будет понятно, милости прошу. Ко мне в кабинет.

Когда директор вышел, Стасик громко выкрикнул:

— Стукачи и сексоты, вы приглашены на randevu. Просьба, под дверью не толпиться.

— Он сам виноват. Не мотал бы языком, — сказал Витька Мурзияков — аккуратный мальчик, занимающийся в кружке изобразительного искусства во Дворце пионеров. — Свобода слова. Но не болтовни. Иван, ты такой тупой, чтобы лезть на рожон? Ты отличай, когда молчать, а когда говорить. Плетью обуха...

— Да уж, да уж. Отмочил, — проговорил пухлощёкий Бориска Феоктистов, кусая большое красное яблоко.

Лёвка Брусилов качал большой лохматой головой и ехидно улыбался розовыми полными губами. Он подошёл к Ивану и, сощурился простоквашные глаза, протянул руку.

— Путём, старик. Нам такие люди нужны. Не думал, что ты смелый. Я бы не решился.

— Фотоаппарат не роняй, а то затвор опять будет заедать на длительных выдержках, — сказал Бабкин, и пошёл из класса. Рядом семенил короткими ножонками Сергей, что-то тихо говорил.

— Он сказал правду, — поправляя очки, гордо проговорила та самая белоголовая девушка, — Верочка Шишкина.

Глава третья.

Иван отлично помнит подробности этого урока. Они врезались в память, как отблеск молнии. Дни летели, как стрелы из Серёжкиного арбалета. Накануне строители отмечали день рождения мастера. Иван выпил полстакана водки, оставленной за печкой, и чуть не сорвался с лесов, устанавливая прожектор.

В субботу было родительское собрание. Вопрос о коммунизме не стоял, но был зачитан список неуспевающих учеников. В этом списке были Иван и Сергей. Учились Спаянные слабо, но на твёрдые тройки. Сергею грозила двойка в третьей четверти по Экономической географии зарубежных стран. Ивана математичка могла не аттестовать по алгебре, а по геометрии намечалась двойка. Нужно было срочно исправлять геометрию, тянуть руку на всех уроках математики. Как её тянуть, если отдельные материалы он не усвоил, как нужно. Поэтому друзья «запырнули» в учебники с головами. Сергей помогал по алгебре Ивану. Иван учил рисовать контурные карты Сергея.

Положение не улучшалось. Геометрия, которую Иван немного знал, не желала получать положительные баллы. Всякий раз, подняв руку, Бабкин пытался отвечать, но его не спрашивала Нина Наумовна Рубацкая. А если и вызывала к доске, то так ставила вопрос, что Иван, начав задумываться, разбирая, что и к чему, получал приказ: «Садись, нужно знать».

Неожиданно она пригласила мать Ивана. Вновь обрисовала жуткую картину с успеваемостью сына. Анна Петровна регулярно посещала родительские собрания. Краснея, выслушивала замечания, но подобного не было ещё.

— Не успевает. Плохо даётся ему математика. Геометрия, для него тёмный лес. Репетитор заполнит пробелы. Научит мальчика системно мыслить.

— Где его взять? — удивилась Бабкина.

— Меня можете пригласить, — обрадовано сказала Рубацкая, помаргивая большими и симпатичными глазами. — Много не беру. Час — десять рублей. В день по два часа. Раз в неделю. Мальчик выйдет из кризиса. Не могу аттестовать...

— Очень плохо учится?

— Не успевает. Мальчик старательный. Но не всем даются точные науки. Я ему помогу. Он окончит класс удовлетворительно. Это вне сомнений. Гарантирую.

Совет семейный был бурным. Анна Петровна предлагала позаниматься с репетитором, а Иван сопротивлялся.

— Мама, я сам всё исправлю. У нас в классе есть парни, которые учатся ещё хуже меня, но у них почему-то нет никаких проблем. Борька ничего не учит, все уроки списывает. Ему хоть бы что. Геометрию я знаю на четвёрку, а алгебру подтяну. Она вызывает к доске, не даёт подумать, сажает, чтобы у всех сложилось впечатление, что я дурак дураком. Это не справедливо. Она специально это делает, хочет получать деньги с нас.

— Давай заплатим.

— Нет. Я знаю материал. Не ходи и не унижайся. Директор не поможет. Математичка докажет, что я двоечник, так как загружен общественной работой. Поговорю с классной. Поймёт. Математичка взъелась. Решила, что можно подкалымить на учениках. Нам не на что будет жить. За месяц нужно отдать восемьдесят рублей. У нас остаётся тридцать рублей. — А если она выполняет задание директора? Нужно им избавиться от неугодных учеников. — Подумал Иван, но маме ничего не сказал.

— Тридцать рублей — нам хватит. Будем покупать хлеб и молоко. Картошка есть, капуста насолили в бочку. Будем покупать тесто и печь пироги с картошкой. Давай заплатим.

— Нет. Я — справлюсь сам.

— Боюсь я что-то за тебя. Оставит на второй год.

— Не оставит. Не сдамся.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Игра. Спаянные. Полёт.

Глава первая.

Площадку для игры в мяч обнаружили, поднявшись по пологому склону сопки. Иных подходящих горизонтальных поверхностей среди невысоких горюшек не встретилось. Стас, дождавшись, когда девушки навели относительный порядок на лицах, принялся расставлять группу туристов, Иван приготовил фотокамеры. Желающие запечатлеться на фоне гор и городского пейзажа, собирались по несколько человек, становились перед объективами.

Бабкин едва успевал перематывать плёнку, наводить резкость. Сергей предложил Поморцеву щёлкнуть их вдвоём, но вывернулся с волейболом Дуднев, к нему присоединилась Живкова. Когда фотографическая лихорадка притухла, подростки начали раздеваться, кое-кто полез в сумки и пакеты. Но Рудин тотчас дал указание, что нужно обязательно поиграть, а уж потом обедать. Начали спорить. Голодающие предлагали сначала закусить. А солнце не продиралось сквозь лохмотья туч. Оно светило без помех и так сильно пригрело сопку, что дети сбросили куртки и штормовки, отчаянные решили загорать. Нашлись противники выбранного места.

— Мячик будет скатываться, — сказал непреклонно бледнолицый Рудин. — Придётся больше бегать, чем играть.

— Зато сухо. Ветра нет, — снимала куртку Татьяна Мурашкина. — Сильно не бейте в эту сторону. И не укажется.

Старый волейбольный мяч принял первые удары и начал взлетать над полянкой, которую облюбовали туристы. Маша Букавникова и Нина Семёнова сидели в стороне и рассматривали букеты подснежников. Они всегда держались особняком, выглядели взрослыми девицами и на одноклассников посматривали иногда с некоторым плохоскрываемым пренебрежением. К ним иногда присоединялись подруги — Овечкина и Колесникова. Но крепкой и доверительной дружбы не получалось. Маша и Нина не поддерживали общих бесед, не спешили делиться сокровенными девичьими тайнами. Они редко ходили на школьные вечера, но не пропускали танцы во Дворце ме-

таллистов». К началу занятий их привозили на автомобилях. Когда заканчивались уроки, девушки шли в приёмную директора и звонили домой. Их встречали. Они никого не приглашали с собой, хотя некоторым девочкам было по-пути. Ковёр жарков не нашёл Дуднев. Волков принёс два оранжевых цветка, которые обнаружил за большой сопкой в распадке среди кустов дикой вишни и смородины. Девушки нюхали симпатичные цветочки, благодарили Юрика-следопыта, но некоторые кривили губки, выражая пренебрежение и сожаление.

Глава вторая.

Не все подростки играли одинаково хорошо. На уроках физкультуры класс делился на две команды. Дуднев старался, чтобы в одну команду не попадали сильные игроки. Неумехам помогали более тренированные и умелые одноклассники. Не осуждали за неточную подачу, за скверный приём, а подсказывали, как принимать, как подавать. К весне почти все стали играть в волейбол относительно хорошо. А вот баскетбол нравился не всем. Сергей, несмотря на маленький рост, был желанным игроком в любой команде. Ему старались подать мяч, знали: Крохин попадёт в корзину из любого положения. Удивлялись и хлопали каждому очку.

Сергей в пятом классе решил доказать одноклассникам свою значимость. Из-за маленького роста его не принимали в игру высокорослые товарищи. Он дома повесил обруч, который был немного меньше стандартного кольца, каждое утро начинал с бросков. Хотя мяч был не кожа-

ным, а резиновым, тренировки дали отличные результаты. Сергей мог бросать по кольцу и попадать, даже стоя спиной к щиту. Он добился такого автоматизма рук, что физрук попробовал малыша взять в сборную школы. Бегал он быстро, но высокие подростки умело сдерживали атаки Сергея. Иногда ему удавалось исхитриться и пробить по кольцу издалека, но это случалось редко. Его надёжно опекали. Серёжке не нравилась суматошная игра. Зато в своём классе был факиром и фокусником. Все штрафные доверяли пробивать только ему. Его уважали и даже заключали пари, что он из двадцати бросков со штрафной линии попадёт в кольцо семнадцать. Крохин пробил девятнадцать, почти не целясь, спокойно и легко.

Иван в волейбол играл неважно, считая это занятие для девочек. И всё же ему пришлось осваивать точные подачи, приёмы. Было стыдно выглядеть «криворуким неумехой». Помогал Стасик, терпеливо подсказывал и показывал, как нужно принимать подачи противника, как пасовать своим для атаки. Если спортивные мальчишки освоили мощные сильные удары, то Иван заметил, что неумехи не могут принять мяч, если его так послать, чтобы он только-только взлетел над сеткой и тут же стал, как бы планируя, падать. Такие подачи легко брали Иван Рак, гигант Поморцев, Дуднев, Орлова и ещё несколько девочек, но не всегда они стояли у сетки. Пока бросались на помощь партнёрам, мяч оказывался на полу. Ванька всегда подавал на одного игрока, постоянно в одно место — очень близко к краю сетки.

Смотреть на его подачи мне было интересно. Мяч взмывал над сеткой. Его готовились принимать, но он па-

дал круто вниз. Успевали иногда взять его чисто от сетки, но чаще — не получалось. Команда Бабкина получала очко за очком. К краям сетки становились опытные игроки. Тогда Иван бил дальше, к краю площадки. Решали, что мяч пролетит мимо, но он падал вертикально, когда его не ждали, пропуская.

Глава третья.

Мяч четыре раза скатывался по склону. За ним устремлялся кто-то из мальчиков, исправлять чужую ошибку. Его подбадривали, просили там оставаться, чтобы зря не бегать. Невысокие кусты багульника или терновника иногда брали старенький мяч в объятия, не давая ему катиться дальше. Игра стала азартной. Уговорились, победит тот, кто не смог принять пас, тот, кто неточно подал мяч.

Лёгкие подачи Иван брал и пасовал лишь в одну сторону, почти всегда одному человеку. Это никого не удивляло. Он всегда получал точные мячи. Старался также точно послать мяч обратно. Восьмиклассники смотрели, как двое играют, никому не отдавая мяча. Когда были готовы сорваться слова неудовлетворения, дескать, заигрались, мы здесь, посмотрите, ещё не ушли, волейбол посылался кому-то из партнёров. Вот мяч сорвался с рук Жени и покатился по склону. За ним кинулся длинноногий Поморцев Валя. Стасик поморщился, передвинулся к краю.

— Иван, встань ко мне ближе. Будешь выбивать из аута. У тебя руки длинные, если кто ошибётся, дотянешь-

ся. ...Плохо играешь. Кто это сказал? — обратился Дуднев к стоящим девушкам. — Сегодня у тебя получается не так уж и плохо. Тут не требуется ничего доказывать.

— Я предлагаю вот что: кто подаст кривой мяч, кто не возьмёт хороший, тот должен будет...поцеловать...партнёра, — сказал Рудин, улыбаясь. — Ну, в щёчку. Один раз.

Девочки зашумели. Послышались шутки.

— Я — подала хорошо, а он не взял. Кого целовать?

— Тебя, — сказал Волков.

— Если я приняла, — поправляя шарф, улыбнулась Наташа Ерёменко, — то к кому обращаться за поцелуем?

— А ты не принимай, — рассмеялась Букавникова. — А то будешь даром стоять. Нужно купить марочного вина и играть... в бутылочку.

— Обращайся ко мне, — пояснил Рудин. — Недодумал чего-то я.

Иван встал в центре у обрыва. Посмотрел вниз. Поморцев стоял у снежного полотнища, махал рукой.

— У кого лыжи есть?! — кричал он, взбираясь. Девочки покраснелись, тушь у некоторых потекла. Принялись платочками вежливо стирать её. Ждали Валентина, слушали жаворонков. Крохин взял фотоаппарат Ивана, два раза щёлкнул затвором. На стальной ленте реки возникла белая клякса — теплоход. Он только что прошёл шлюзы, покинув Тусминское водохранилище.

После слаженной игры мяч вдруг взвился от неловкого сильного удара и вот-вот должен покинуть площадку. Иван прыгнул. Ему показалось, что он летит над полянкой. «Не возьмёт, — махнула рукой Женя Живкова и её

веснушки просто загорелись. — Высоко». Стас поджал губы, напряжённо следя за мячом и Бабкиным. Вдруг он сделал шаг по склону, надеясь перехватить волейбол внизу, если Иван не сможет его отбить.

Замерли девочки, не принимающие участия в игре, но начавшие выкладывать из рюкзаков и сумок продукты. Иван всё ещё летел, вытянув руки. «Как в замедленной киносъёмке, — подумал, чувствуя, что время стало течь очень медленно, — Мяч снижается». Стасику показалось, что мяч изменил траекторию полёта и сам полетел к ладоням Ивана. Такого не бывает, — подумал он, видя, как Бабкин прижимает мяч к груди. Вздох облегчения прошестел над поляной. Рудин помотал головой, как собака, вылезшая из воды.

— Да, — сказал Сергей. — А то бы опять...

— Ты, молоток. Я такого не видел. Как ты дотянулся? Мячик летел в обрыв. Это точно, — удивлялся Дуднев.

— Он чуть в космос не улетел от нас, — поджала алые губки Аня Овечкина.

— Надо награждать за такой бросок, — поправила огненную шевелюру полненькая Женя.

— Он заслуживает поощрения, — улыбалась Наташа и её щеки опять заалели, как два цветка.

Игра продолжалась. Отличился Стасик. Он бросился на покотившийся у ног Колесниковой мяч, и успел кончиками пальцев отбить в сторону. Инна подскочила к физзорму и без промедления поцеловала в скулу. Стасик сначала замер, а потом поклонился и дурашливо сказал:

-Благодарю, сударыня, за подарок.

— Наши пацаны такие боязливые, что их приходится ловить и держать, — рассмеялась очаровательная Нина Семенова, похожая на актрису из индийского фильма. Посмотрела в сторону Бабкина, который почему-то схватился за фотокамеру, когда девушки начали подходить к нему, принялся их фотографировать. — Они даже танцевать боятся, считая, что обнять девушку под музыку почему-то зазорно. Иван, ты, когда научишься танцевать? Три раза предлагала свои услуги, не стал учиться.

— Он ждёт принцессу на белом коне, — рассмеялась наигранно Колесникова. — Ему мы не нравимся, дечки.

— Он со Стелой из одиннадцатого на прошлом вечере два танца просидел. Пришла его пригласить на белый танец, а Ванёк ей предложил посидеть рядом. Вместо того, чтобы обнять первую красавицу школы, а он ей начал рассказывать о композиторе Огинском, — развела артистично руками Аня Овечкина. — ...Слышала. По губам читала. Так и ушла звёздочка ни с чем. Облом получился. Она думала, что такая цаца — вся из себя, что наши парни побегут за ней. Не вышло. И записочку её перехватила. Она свидание назначила Бабкину. Он бы всеравно не пришёл. Я-то знаю в кого Ванечка наш влюблён... Не скажу. ...Сами-то не слепые.

— Играть будем или обсуждать? — спросила, строго блестя очками, Вера Шишкина. Её волнистые жёлто-белые волосы нехотя шевелил ветерок. Она тиха и грустна. Не улыбается. Иван знает почему. И от этого ему становится не по себе. Чувство вины давно не покидает его. Он пытается отделаться от него и не может. Глаза девочки-принцессы немым укором преследуют его.

...Он старался думать о них, считал, что полюбить человека просто. Но ничего не получилось. Почему стал ловить взгляд другой девчонки? Незаметной и серенькой. Почему та вызывала у него чувство праздника и счастья. Но не Беловласка.

...Она строга и жестока, сурова и надменна. Но ведь она пасует мяч только ему. И всегда. Ну и что. Ведь так далеко и долго нужно идти из детства, чтобы строить какие-то планы на какое-то будущее. Злюка и вредина не танцует с мальчишками, а только с девочками. Если её кто-то приглашает, то всегда отказывается. Почему? Удивляется Сергей. Странно.

Удивляется и Ванька.

Ненужно обольщаться и жить призрачными грёзами. Так мало нужно для счастья в этом прекрасном возрасте. Нельзя забывать того, что ты большой, но всё ещё ребёнок. Она тоже ребёнок. Ненужно спешить. Ждать и жить. Учиться самостоятельности и взрослеть. Может быть, потом, когда пробьёт нужный час. Когда он пробьёт? Никто не знает, и не может знать.

...Не получилось. Не простила. Её беда огромна и бесконечна. Он мог сделать её счастливой и наполнить жизнь радостью и восторгом. Как же так? Он невольник чувств, хотя верил, что может контролировать душевные устремления. ...Не может. Не оказалось у него таких сил. Обидел, пусть нечаянно, но обидел прекрасного человека. Виноват. Сто раз виноват.

Он не мог предположить, что такое возможно, что это произойдёт с ним и с ней — очаровательной Беловлаской.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Четыре месяца назад

Глава первая.

Вечер отдыха только начался. В просторном глубоком актовом зале школы имени Николая Островского громко и призывно звучала популярная музыка и современные песни. Принаряженные девушки важно стояли группками или танцевали, кружась по огромному пустому залу, а недомерки-мальчишки суетились, решая свои детские проблемки. Школьный вокально-инструментальный ансамбль учился делать первые музыкальные шаги. Самодельные гитары и шипящие колонки никого не шокировали. Когда музыканты уходили отдохнуть, из радиоузла подавалась узнаваемая музыка с грампластинок и магнитофонных лент.

...В вальсе стремительно и ярко кружилась она. Иван заворожено прилип к ней глазами. Два раза он и Стасик спускались в подвал, где бомбоубежище, где в тёмной комнатке под грудой метёлок стоит бутылка Кагора. Вино приятное, не пахнет жжёной пробкой, как вермут. Мальчишки его не закусывают. Сергей два раз глотнул из стаканчика и отказался. Юрик Волков сказал, что очень сладкое, надо запивать минералкой. Принёс бутылку из буфета. Поморцев предложил вино разбавить, как делали древние греки. Стасик был против. Иван молча пил и спешил из подвала в актовый зал.

Сказочное чудо. Знаменем полоскалось просторное платье; короткая причёска и прекрасное правильное лицо — всё для Ивана было волшебным, и невыносимо притягательно. Он бы мог часами впитывать в своё сердце это счастливое кино. Почтальоны начали разносить почту. Принялись развешивать призы, которые надлежало срезать ножницами, при завязанных глазах. Из буфета доносились запахи котлет и компота.

...Выпили и бутылку сухого вина. С трудом, но выпили. Сергей один раз глотнул и тут же выплюнул. Стасик показывал всем видом, как ему нравится сухое вино. Иван мог свободно выпить кружку пива, но кислое вино — хуже старого кваса. Поморцев, я и Петров сделали несколько приличных глотков и не поморщились, даже не стали есть конфеты, которые обычно приносил на вечер Стасик. Бутылку одолели. ...Кагор лучше. В тот вечер конфеты были у Стаса не простые, а с ликёром. Такие — в городе не продавали никогда. Отец у Дуднева кем-то работает в солидной организации, бывает в Москве.

Глава вторая.

У Стаса в его небольшой захламлённой комнате, выходящей окном на проспект, торжественно блестят два высоких застеклённых книжных шкафа. Из-за этих шкафов Иван с Сергеем пошли по горячему асфальту. Это было в прошлом году, сразу после линейки. Они познакомились у раковины с фонтанчиком в широком коридоре. Шкафы полны под завязку. Приключения и фантастика. В основном собрания сочинений и книги с «тремя рамками».

Так их называет Сергей. Это специальная серия о пионерах героях, об удивительных приключениях подростков.

Когда Спаянные первый раз пришли в гости к однокласснику, увидели недоделанные кордовые и таймерные модели самолётов, разобранные микрокомпрессионные двигатели, станочек с наждаком, тиски, то, естественно, зауважали своего физорга ещё больше. У них ничего подобного нет. Вряд ли будет. Стас не кичится своим положением, не корчит из себя, как некоторые одноклассники, профессора. Стас надёжный друг. Мне он тоже нравится своей внутренней силой и умением держать слово.

— Это «МД-5» или «Комета». Хочу два двигателя установить на руль велосипеда. Потянет. В воскресенье воздушный бой. Приходите. Осталось проверить «Летающее крыло». — Стас говорил, а Сергей крутил крохотный наждак и жадно смотрел на радужное разноцветье корешков книг в шкафах.

Дуднев показал недавно выпущенную книгу братьев Стругацких «Стажёры», принёс из комнаты старшего брата первую книгу польского фантаста Лемма. А потом удивил гроздью жёлто-коричневых бананов. Тогда друзья ещё не пробовали на вкус и не знали, что это за фрукт, хотя видели на картинках. Ребята впервые заглянули в белый шкаф, в котором не тает мороженое. А потом смотрели телевизионный фильм «Последний дюйм».

Друзья были окончательно покорены интеллектом одноклассника. Стас вынул из шкафа небольшую книгу. Начал читать по английски.

— Вот этот рассказ — «Ласт инч» — последний дюйм. Заинтересовал отец. Он почти свободно говорит.

Привёз книгу. У меня есть на русском. Но это немного не то. Иван, попробуй перевести. Тебе понравится.

У Стасика в комнате постоянный кавардак. В углу под письменным столом в сетках — мячи, футбольные, баскетбольные и волейбольные. Висят настоящие коньки, не какие-нибудь «канады», а «Экстра» с высокими задниками. Только в них у Ивана ноги не болтаются. Потому что он привык прикручивать коньки к валенкам. Клюшки, щитки, вратарская маска — свалены на шкафах. Сергей, взял в руку рапиру. Стасик принёс ещё одну. Зазвенели стальные «шампуры». Боксёрские перчатки примерили ребята, и вышли в коридор. Стасик показал, как правильно уходить в оборону, как наносить удар крюком, как двигаться, уклоняясь от ударов.

Дуднев добыл из ящика письменного стола потрёпанную книжечку — «Самооборона без оружия», показал, как отражать нападения противника с ножом. Сергей понимал, что такие книги не дают перефотографировать, тотчас взялся что-то срисовывать. Но это было не всё. Стасик закрыл дверь, неторопливо выудил из письменного стола книги: «Гипноз», «Гинекология и акушерство» и «Восточные единоборства». Оказывается, Дуднев не только тренирует футбольную дворовую команду, в подвале он ещё ведёт секретную секцию по методике Шаолинских монахов. Там мальчишки отрабатывают удары руками, ногами, палками.

Дудневу и Наташке Ерёменко далеко до школы. В хорошую погоду они идут вместе. С ними обычно вышагивает высоченный Поморцев, коренастый шахматист

Волков, несколько девочек и Сергей. Ватага разговаривает о кино, литературе. Парни покупают мороженое.

Сергей после уроков заходит к Стасу, чтобы обменять книги. Дуднев усаживает его за стол, угощает вкусным до неприличия окороком или ветчиной. Устраивается короткая боксёрская схватка. Крохин уже в сумерках пробирается мимо опустевшего базара, бежит по улице Стаханова. Завтра он принесёт в школу книги для Ивана. Они прочитают их, потом обменяются.

На территории, образованной четырьмя пятиэтажными домами в начале проспекта Ленина, спортивная площадка. Зимой заливается хоккейная коробка. Стас и его друзья прилично играют в футбол, тренируют малышей.

Спаянные побывали в сухом и тёплом подвале. В одной комнате — гири и штанга, в другой — настоящий театр, духовой оркестр, киноустановка. Есть душевые кабины, солярий и даже тир, в котором можно стрелять из воздушных и мелкашек. Это дворовый спортивный клуб. Родители организуют велопробеги, сплавы по горным речкам, занимаются со своими чадами горным туризмом. Каждый дворовый ребёнок имеет свою книжку достижений и результатов участия в различных мероприятиях. Друзья были не то что поражены, но удивлены тем, что дети в этом дворе не изнывают летом от безделья, а старшие подростки опекают младших, помогая им освоиться на сцене, на футбольном поле, на ринге.

У Ивана и Сергея появилось много знакомых. Поехал в армию Толя Паукин, а его невеста Танечка Скуднева будет под неусыпной опекой друзей Толика. Это о ней

будто была написана песня «А у нас во дворе...». Паукин, услышав её по радио, подберёт мелодию на баяне и сыграет. Уже приводили в милицию Виктора Изгорского. Симпатичный и умный парень, но что-то надломилось у него в семье и он, бравирюя какой-то яростной храбростью, выпивает и дебоширит.

В крайнем доме, стоящем на самом берегу городской речки, которую окрестили Цыганкой, живёт Наташка — милая и аккуратная. Она занимается во дворе с девочками разным рукоделием. Играет на фортепьяно, сопровождая выступления дворовых самодеятельных артистов. Для Сергея теперь она самый главный человек в классе. У неё есть брат Юра, но он младше. Если спросить, кому она нравится из одноклассников? То, вероятно, половина юношей и не только восьмых классов, могут признаться в тайном поклонении.

Как-то Дуднев познакомил друзей с невысоким пареньком из соседнего двора, что недалеко от кинотеатра. Обаятельный и одарённый человек, умеет играть на баяне, а в шахматы обыгрывает всех мужчин во дворе. Он пишет отличные стихотворения, учится в строительном техникуме. Это Вова Куликов.

Однажды он принесёт Ивану том Маяковского и раскроет статью о том, как делать стихи. Привезёт свой баян и самоучитель. Будет терять много времени, пытаясь научить Ивана разбираться в нотной грамоте. Бабкин окажется не способным запоминать, где и как звучат кнопки баянные. А вот Дуднев, заскочив на перемене в актальный зал, где Иван будет на клеенных полосах бумаги рисовать гуашью панно на всю торцовую стену к Новому году,

на глазах изумлённых приятелей подберёт мелодию, которая звучала в телефильме «Последний дюйм».

Украдкой Вова тоже посматривает на освещённые окна — не промелькнёт ли знакомый силуэт Натальи. Украинка, как колдунья, взглядом огромных карих глаза привораживает парней сама того, не ведая и не желая. Володя приходит на вечера в школу. У Куличонка тонна обаяния. Он знает и помнит разные казусы, произошедшие с великими. Отлично их пересказывает. У него энциклопедические знания по математике и физики. Стасик сказал, что Вовик готовится решить теорему Ферма. Иван попросил рассказать, в чём её загвоздка. Стас коротко рассказал и даже написал в записной книжке условия.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

На вечере. Восемь часов сорок минут

Глава первая.

Вечер отдыха, как обычно, был нафарширован разными играми, конкурсами, аттракционами. Скучать на таком вечере мог только ребёнок из детского сада, но и ему было бы интересно получить приз за отгаданные ребусы, шарады, криптограммы, анаграммы. Набрасывали кольца на нос Буратино, бросали мячи в цель, стреляли из игрушечного лука. Призы получали ловкие, умные, смелые, находчивые. Если Вова Куликов Иван и Стасик пытались срывать овалы и принимали сувениры за решения интел-

лектуальных задач, то Сергей, бросал мячи в цель, метал кольца и пускал стрелы. Его иногда оттирали старшеклассники в сторону, чтобы он не заграбастал всех зайцев и кукол, с которыми тут же расставался, одаривая одноклассниц. У Натальи комплектовались иногда наборы сувениров. Она, смеясь, отдавала почти все подарки распорядителем аттракционов.

Иван получил за расшифрованный ребус бархатного зверька, называемого Чебурашкой. Знал, что она не возьмёт его сувенир, но надеялся, что сегодня отменит свои глупые принципы и будет благосклонна.

Обычно, когда Иван встанет с Сергеем или Стасиком в пару, то она обязательно выберет его, если кто-то другой не уведёт её под шатёр поднятых рук. Ручеёк будет двигаться. Она сделает так, чтобы он держал её руку. Тогда Бабкин взмёт ввысь и начнёт летать под самой Луной. Её профиль он рисовал сто раз. Иногда возникало сходство. У Ивана нет её фотокарточки. Она уходит, когда строится класс на крыльце школы. А когда звено, уставшее и счастливое, выпачканное в мазуте и ржавчине, сядет на скамейку на спортплощадке, поняв, что победили не только все звенья школы, но и классы, она в последнюю секунду встанет за дерево. Он как-то успел сделать кадр, когда она шла с подругами по коридору на перемене. Отпечаток получился нерезким. Полюбовавшись милым профилем в тумане, он порвал кусок мокрой фотобумаги и огорчённо подумал в сотый раз, что она жестока и самонадеянна, зла и груба.

Однажды, держа её сильную кисть, пригласит в кино. Попытается говорить легко и непринуждённо, словно

каждый день приглашает девушек в кафе, в кино. Она бесстрастно посмотрит на него и скажет: «Некогда. Тренировки. ...В воскресенье — дома уборка. А вечером...». Договорить не успеет, его руку схватит одиннадцатиклассница. Стеллу тут же уведут. Иван метнётся в омут «ручья», чтобы найти её и договорить.

Её не окажется в зале. Не обнаружит её Сергей в буфете. И через полчаса она не войдёт в зал. У раздевалок никого не будет. Они просмотрят вешалку своего класса. Убедятся, что её синее полупальто с белыми большими пуговицами, не будет висеть на своём месте.

«Сегодня всё должно измениться», — думает Иван, ожидая, когда объявят «ручеек». Он не танцует ни с кем, не учится этому сомнительному искусству, когда каждый может под музыку прижать к себе девушку, ощущая её тепло и одежду. Он не приглашает её, а она не подходит к нему, зная, что не умеет танцевать. Но приглашает она всегда девочек. «Вот, это странно, — думает Иван, — никогда не видел, чтобы она танцевала с кем-то из парней. Её разве не приглашают? Она всегда отказывается. Почему?» Ответа нет. Другие девочки танцуют, не отказывают никому. В основном. А вот она... Она не танцует с мальчишками. Странно.

Глава вторая.

— Ив, тебя зовут. Пошли, — проговорил Сергей, подавая пирожок.

— Кто? — удивился Бабкин

— Верка. Там. На площадке. Незнаю зачем.

— Пойми, сейчас... Я не должен прозевать. Сегодня... Спроси, чего ей надо.

Сергей умчался, а Иван следил за вальсирующей парой. «Дунайские волны» плескались в актовом зале, качаясь, несли Бабкина. Крохин возник в дверях, махнул рукой, приглашая.

— Она зовёт тебя. Что-то срочное, говорит.

Иван, нехотя встал с кресла у стены, бросил взгляд на танцующих. Шли последние такты. Сейчас должен начаться «Ручеёк».

Беловолосая принцесса горько смотрела перед собой. Увидев Ивана, обрадовалась, пошла вниз по лестнице.

— Не уходи, — сказал Сергею.

— Вера, почему не танцуешь? Ты — в буфет?

— Проводи меня домой, — вдруг сказала она грустно.

В актовом зале наступила тишина. Доносились отрывки музыкальных звуков — школьный ВИА готовился дать жару. «Ручеёк» — подумал Иван, глядя на девушку в синем платье. Ему нужно было бежать в зал. Сегодня он всё скажет ей. Если она будет молчать, не захочет с ним идти в кино, то уже никогда он не войдёт в это зал, не посмотрит на уроке в её сторону.

— Сэр, помоги Верушке.

— Там парни караулят, — чуть не плача, проговорила Беловласка.

— Пойдём, — заторопился Иван.

— Ладно. Я — как-нибудь сама, — вздохнула тяжело принцесса и её бело-жёлтые волосы взметнулись вокруг её головы взрывом.

— Пошли, — побежал вниз Иван. За ним поспешили Вера и Сергей.

— Я сама, — блестя стёклами очков, огорчённо говорила Вера. — Тут недалеко. Две остановки на трамвае.

— Сэр, проводи ты её до остановки, — сказал раздражённо Иван, всё ещё надеясь вскочить в актальный зал и сразу кинуться в «ручей», чтобы найти и взять руку той, облик, которой всегда для него — Счастливый праздник.

Вдруг он увидел, как из-под оправы очков выбежали две слезины. В вестибюле горели не все лампочки, но было достаточно светло, чтобы увидеть эти бриллианты на щеках девушки-принцессы.

— Вера, что с тобой? — удивился Иван. — Не плачь. Мы тебя проводим. Сергей, пальто.

Вдруг он увидел, какая она симпатичная и очаровательная в своём странном горе. Он вспомнил, как осенью стоял на этом самом месте, а она призывно махала ему рукой.

— Ты помнишь, Вера, как мы тут встретились.

— Всё помню, — вдруг её плечики затряслись, и она с трудом вдела руки в рукава. Он тронул её шелковистые локоны, и его магнитом потянуло в актальный зал. «Что ей нужно? То «проводи», то «сама дойду». Что же случилось с ней? Чего плачет? Возись тут. Ничего толком не объясняет. Надо же, какая плаксивая».

— Вы идите, — вытирая платком носик, говорила Вера. Лицо её становилось одиноким и холодным. Вся она

вдруг начала походить на жалкую старушонку. Иван ужаснулся — очаровательная девочка сгорала на глазах и становилась некрасивой. Неприятная жалость и тонкая острая мысль поразили его. Он быстро одел куртку.

— Подожди, Вера. — Она почти бежала мимо мокрой стены школы, но вдруг остановилась и опустила голову, продолжая горько плакать. Резко выдохнув тяжёлый воздух из груди, посмотрела на фонари, на проспект, на освещённые колонны Дворца, и уверенно пошла по мокрой снежной каше. Они перешли проспект. Было странно тепло. Снег таял, как ненормальный. Сочно моргали в ореолах светофоры и рубиново цвели стоп-сигналы автомобилей. С крыш срывались, сверкающими велосипедными спицами, капли. На телевышке тлели малиновые огоньки невидимых сигарет. Потемнели афиши. Иван взял холодную руку принцессы. Она не вырвала её, но шла, спотыкаясь, как слепая.

— Идите в школу. Я — сама. Вот трамвай идёт, мой номер.

— Прости, Вера, — сказал Иван. — Я — не хотел, чтобы так получилось.

— Я — сама виновата.

Трамвай увёз навсегда чудесную девочку Беловласку. Она больше никогда не станет той весёлой и счастливой принцессой Верой. Друзья стояли и смотрели в полумрак городской жизни, чувствуя молодыми сердцами, что стали свидетелями трагического и печального. Произошло нечто такое, что уже невозможно вернуть — ни эту ночь, ни этот дождь с крыш.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Встреча. Первые опыты. Открытие. Деньги

Глава первая

Иван предположил, что Николай Николаевич Пшёнкин всё же даст ему денег на покупку фотоматериалов. Давно обещает завуч Светлана Аркадьевна Мышлова снабдить его фотоматериалами, чтобы начал снимать портреты отличников. Дорабатывает старушка последний учебный год. Но на пенсию, как говорят, её и лопатой не столкнёшь. Она смотрит директору в рот и верно гнёт его кривую линию.

Тогда почему вызвал с урока? Мог в любое иное время пригласить в кабинет. Секретаря не было на рабочем месте, так как был обеденный перерыв. Бабкин постучал, услышал голос директора. В кабинете у стола смотрел на него какой-то незнакомый мужчина в распахнутом тёмно-сером пальто.

— Иван Бабкин, — сказал директор как-то небрежно, обращаясь к незнакомцу, который добыл из кармана пиджака удостоверение и показал в сторону стоящего у порога высокого подростка, который вежливо поздоровался, но ему мужчины не ответили. Иван внутренне испуганно сжался. В желудке стало холодно и тоскливо. На раскрытом удостоверении была фотография, но прочитать фамилию хозяина не было возможности. Мужчина устало провёл белой ладошкой по редким коротким волосам и улыбнулся, дёрнув губами. Может быть, это была и не улыбка.

Директор с виноватым и беспокойным лицом начал что-то бессвязное говорить. Иван вспомнил, что накануне оборвали вешалки у пальто нескольких классов. Милиция разбирается. Но у мужчины брюки без кантов. Он старался успокоиться; понял, что и на этот раз директор не даст ему денег на фотоматериалы. Суетливые слова и бегающие глаза Николая Николаевича Пшёнкина выглядели трусовато и подло.

— Ты стоял с Крохиным у раздевалки?

— Каждый день стоит вся школа у раздевалки, смотрит расписание. Мы стояли сегодня, вчера и позавчера. Одевались и раздевались.

— Отвечай, как нужно. Вы не знали, где висит пальто Стрельчук? Разговаривали... о пальто.

«Что он плетёт? — удивлялся Иван. — Валя Стрельчук — полная девушка, излишне полная, но очень симпатичная и жизнерадостная пришла в класс в начале нового года, после каникул. Она-то тут причём?»

— А зачем нам это знать? Её пальто мы не собирались надевать. — Иван вспомнил, как они проверяли — висит ли на крючке пальто суровой и злой девушки, которая не желает фотографироваться. Но в холле тогда никого не было. Двери закрыты. Кто-то их мог видеть. Это когда было? Давно. Не из-за оборванных вешалок прибыл к директору этот симпатичный мужчина. ...Он не из милиции. Ведёт себя странно тихо и внимательно слушает бредятину директора. Тот не знает, как себя вести при этом человеке, делает вид, что владеет ситуацией, будто бы его тут боятся и уважают.

— Николай Николаевич, скажите конкретно, что от меня нужно? Скоро начнётся урок. Не хотел бы опаздывать. Думал вы пригласили меня, чтобы выдать деньги на фотоматериалы. Нужно срочно, как вы говорили, сделать Доску почёта. Без денег я не смогу сфотографировать сорок человек. У мамы получка маленькая, она не может постоянно мне покупать фотоматериалы. Была бы зарплата рублей триста, разговора о деньгах не было, а то ведь сто десять рублей. На них не разгонишься. Поэтому у меня нет костюма для торжественных линеек, поэтому ношу самодельные шаровары из сатина, но не из бархата.

— У нас тоже нет денег, — зло выдавил директор. — Вот приехали к тебе. Чтобы ты рассказал...

Иван понял, что директор поставил в известность органы госбезопасности, теперь будет арестован, как революционер, как диссидент...

— Что рассказать? Как я работаю вожатым? Как организовал фотокружок и теперь обязан на материны деньги покупать материалы и оформлять фотогазету? Или о том, как меня весь декабрь, снимали с уроков, оформлять к новогоднему празднику актовый зал? Или о том, как мы показываем в детских садах кукольные спектакли? Скажите о чём?

— Расскажи, какой ты нёс бред на уроке, говоря, что партия и правительство обманывают народ в каждой газете.

Иван понял, что директор его просто оболгал. Нужно защищаться. Хватит стесняться подлеца и хама. Могут сфабриковать дело.

— Это ваше мнение. Я этого не говорил. — Иван уверенно смотрел на сидящего незнакомца. — Весь класс подтвердит. Вы опять что-то перепутали, как с наконецником. Мы сказали, что сами сделали. Вы нас обвиняете в обмане. ...Я сказал, что коммунизма не будет, так как наше сознание ещё не на нужном уровне. То, что вы произнесли сейчас — это лишь ваше мнение, а не моё. Если вы вводите людей в заблуждение своими странными высказываниями, то это не значит, что и я с ними согласен. Вы не запомнили мои слова, но сообщили в органы КГБ о мнимой крамоле...

— Хватит! Разговорился! Там тебе мозги вправят в нужное место! — Кричал директор. — Ивану сделалось смешно. Он удивлялся, как быстро смог подобрать нужные слова, чтобы отбрить этого холёного мерзавца. Он не мог понять и представить, что тот жаловался на него в органы, занимающиеся государственной безопасностью. Мужчина встал и, качнув головой, сказал озабоченно:

— Мы поехали, — было видно, что он удивлён и собирает мысли. — Идите, одевайтесь, — приказал Ивану, намереваясь что-то сказать директору школы, но в присутствии Бабкина не решается.

Глава вторая.

В тот же день.

На большой перемене Иван решил поговорить с классной. Нона Павловна проверяла, как дежурит класс. Она преподавала литературу и русский язык. Нравилась Ивану аккуратностью и небольшой чуткостью, которая у

других учителей была в зачаточном состоянии. И в железнодорожной школе встретила чудесная бабулька, которая отлично знала свой предмет, любила его и умела завораживать учеников рассказами о писателях, которые когда-то жили в провинциальном городке. Иван начал читать книги Шишкова, Бажова, Пермитина, Анова.

Однажды он сделает первую попытку, захочет изложить мысли в ритмических строках. Неуклюжие стихотворения почему-то будут опубликованы в нашей многотиражной газете. Грустная радость вонзится в него. Яд честолюбия окажется в артериях. Гордыня пустит первые ростки. Несколько раз Иван будет перечитывать строки, поражаясь той волнующей магией, которая присуща напечатанному слову. А если этот текст написан тобой?

На первый гонорар не сделает подарок маме. Просто послушает её, и она купит ватное одеяло. И за опубликованные фотокарточки станут присылать вполне солидные деньги. Еще недавно десять рублей были сотней. Реформа денег отрезала нолик, купюры стали меньше размерами, но весомее. Мой приятель хотел помогать маме. У него появилась возможность зарабатывать на мороженое.

Одноклассники с какой-то странной радостью поздравляли, а он отрекся от глупых строк, говоря, что фамилия его, но писал не он. Ему не поверят. Будут тормозить, а Овечкина и Колесникова хором потребуют сделать им «подпись». Что он тогда мог? Детский лепет. Надеялся, что сможет шагнуть дальше и написать правильные строки.

Опубликовали — хорошо, но написано — плохо. Отвратительно. Нужно учиться, нужно работать. С кем посоветоваться? Нона подскажет, поможет. Конкретных советов преподаватель не даст, но и не скажет, чтобы не писал. Он напишет сочинение в стихотворной форме, получит высокий бал, несмотря на обилие синтаксических ошибок. Добрая Нона Александровна заставит его заняться общественной работой, чтобы уберечь от нападок директора и завуча по внеклассной работе. Он поймёт это позже.

Теперь математичка хочет получить деньги или задолбить его на уроках, не аттестовать, оставить на второй год или вообще исключить. А возможно, то, что она получила приказ от директора? Он беззащитен. Его оружие — отличная учёба, но и при отличных знаниях можно получать плохие отметки.

Преподаватель его выслушала, поняла возникшую ситуацию. Иван смотрел в глаза милой женщины и думал, что дома её ждут дети, муж, куча тетрадей, планы, уборка квартиры, готовка ужина, проверка уроков у детей. И тут ещё он со своими двойками. Нужно взрослеть, — сказал он себе и бодро проговорил:

— Я справлюсь. Постараюсь хорошо отвечать...

— ...Репетиторство. Это тоже выход, — сказала Нона, поправляя на рукаве серого пиджака красную повязку.

— Но нет гарантии, что мои знания будут нормально оцениваться.

— Почему? — удивилась классная руководительница.

Они стояли на лестничной площадке у входа в актовый зал. Дети, завидев дежурных, останавливались, спрыгивали с перил.

— Недавно я простыл. Бегал в школу раздетым. Была высокая температура. На уроки не пошёл. Сергей принёс мне книгу. Фантастика. Толстый том. Рассказал о новом материале. Я всё усвоил. Сергея понимаю, а когда она объясняет, доходит с трудом. Прогрессии меня увлекли. Я читал, что изобретатель шахмат попросил одну рисинку за одну клетку. Знаете эту легенду. ...Начал я разбирать прогрессии. Что и почему. Будто кто-то меня подтолкнул. Я так увлёкся, что увидел, как можно устно считать прогрессии. Записал и несколько раз проверил. Получилось, что я открыл математическую формулу. Изобрёл. Утром пришёл на занятия, предложил Сергею дать мне условия прогрессии. Я мгновенно сосчитал. Сергей удивился. Тут ещё ребята подошли. Я считал эти прогрессии, а они удивлялись.

— Вы показали формулу преподавателю?

— Да. Дуднев заинтересовался. Рудин обещал разобраться. Сергей попросил Нину Наумовну на перемене задать мне задачу. Она открыла учебник, продиктовала условие. Я пример её быстро решил устно. Наумовна удивилась. Потом ещё было задание, ещё... Она проверяла мои ответы. Не могла понять, как мне удаётся сосчитать то, что считать нужно на бумаге. Рудин на доске писал, проверяя мои ответы.

— Но ведь тебя не было на уроке, — сказала нехотя Нина Наумовна.

— Это новая формула. Это открытие в математике, — радовался Крохин и другие соклассники.

— Она не могла поверить. Стояла в недоумении. Заторопилась. Я рассказал, как выводил эту формулу, показал, как пришёл к результату. Она проверила мои выводы формулы. Скривила губы.

— Это нужно опубликовать, — сказал Рудин. — Может быть, потянет на кандидатскую степень.

— Какая степень, — усмехнулась она, — У Бабкина двойки.

— Двойки — это не показатель ума, — сказал Дуднев. — Вы видите формулу, которой нет в учебнике высшей математике. Я смотрел, у отца консультировался. Он физмат окончил в Томске. В университете.

— Ему за эту формулу нужно за год поставить отлично, — сказала Инна Овечкина.

— Я — лучше знаю, кому и что ставить, — процедила сквозь зубы Нина Наумовна. — Списал где-то. Вполне вероятно. Теперь козыряет.

Класс зашумел. Громче всех надрывался Лёвка Брусиллов. Он вопил тонким голосом, чтобы его не узнали — «Позор! Позор!» Никто не понимал кому относятся его вопли. Дуднев и ещё несколько школьников всю большую перемену доказывали друг другу положительное значение формулы Бабкина. С её помощью считать прогрессии оказалось пустячным занятием. Тем более, устно.

— Через неделю Нина Наумовна, заканчивая урок, сказала, что такой формулы нет.

— Я консультировалась у себя на кафедре пединститута...

Дуднев вскочил и сказал:

— Формулы нет? Нет. А Иван её вывел. Теперь она есть. Если бы она была, это значит, он ничего не открыл. А он открыл.

— Глупости, — сказала преподаватель. — Как бы он мог сделать открытие формулы, если я его не аттестую по алгебре. Что он может открыть? С двойками не делают открытий.

— Ребята советуют, чтобы я написал письмо в журнал математический, чтобы получил консультацию у настоящих математиков. Стас обещал помочь, а мне что-то не хочется писать, доказывать...

— Нужно бороться. — Сказала Нона Александровна — Бери себя в руки. Садись за книги.

Глава третья.

Иван плотно и давно засел за учебники. Даже Стасик несколько раз оставался у Бабкиных ночевать, проверяя знания Ивана по алгебре с первых простых примеров.

— Ты твёрдо знаешь на «тройку». Чего она тебя мурьжит? Борька дубоват, но у него положение лучше.

— Борькины родители платят, — сказал Иван.

— За что? ...Тогда понятно, — вздохнул Дуднев. — Выбрось ты её из головы. Заплати за репетиторство.

— Заплатить можно. Маме срезали зарплату, получает очень мало. Мы хотели копить деньги, чтобы купить домик, но не получается. Экономия небольшая. В месяц нужно будет отдавать ей восемьдесят рублей. Жить не на

что. У нас зарплата — сто десять. За комнату стали требовать деньги. Мама сторожит без выходных, каждую ночь.

— Обдираловка, — рассматривал рыбок в большой стеклянной банке Крохин. — Должны тут работать три человека. Работали раньше. Я знаю.

— Мама стала требовать надбавку, а начальник отдела капитального строительства предложил выселяться из этой раздевалки.

— Ты, не падай духом. Я поговорю с отцом. Он этого не допустит...

— Если будет нас защищать, то вообще выселят отсюда. Придётся опять мотаться по квартирам. Срок дали до конца апреля.

— Не бойся. Отец знает на комбинате всех руководителей. Этому начальнику строительного цеха дадут по хоботу.

— Дадут, но тогда его матери уже здесь не работать, — сказал Сергей. — Стас, они не любят, когда жалуются.

— Отец поможет найти работу.

— У мамы нет диплома об окончании педучилища. Добровольно ушла на фронт с третьего курса. Работала учительницей, работала библиотекарем, работала в архиве. Она пыталась устроиться, но требуют диплом.

— Попрошу у отца денег. Даст, — неуверенно проговорил Стасик, прикатывая валиком мокрые фотоотпечатки на кусок стекла.

— Отдавать нечем. Я буду работать только летом. Пока незнаю кем и где. Но буду. Выкручусь.

— Тебе прислали гонорар за два стихотворения. Вот и пиши чаще. Посылай пейзажи, — рассматривал фотокарточки Сергей.

— Пошлю, конечно. Нужно только понять, что послать.

— Интересные моменты, — начал перебирать фотокарточки Дуднев. — Вот капли на ветке, а это здорово — мороз, — всё в инее.

— У нас на улице есть горка. Малыши катаются, падают. Пойдём завтра, пофотоем. Надо только ждать, чтобы потешный кадр подловить. Слушай, Ив, тут соревнования проходят на коробке. Фотографируй интересные игровые моменты.

— Нужно плёнку высокой чувствительности, — взял кассету Иван.

— Найду плёнку. Знаю, где водится. 500 единиц хватит? — обрадовано потёр ладони Дуднев.

— Без вспышки можно на такую плёнку снимать, — согласился Иван, вынимая из-за книг бутылку вина. — но нужно проверить... Проверим? Сергей, выше нос. Будем ужинать... Слабенькое.

Стасик открыл бутылку, налил в стаканы рубиновую жидкость. Иван поставил на стол сковородку жареной картошки, принёс из соседней комнаты миску с холодцом... Друзья пили вино и громко разговаривали.

— Часто выпиваешь? — спросил Стас.

— Завтра в школу не идти. Выходной, — улыбнулся виновато Иван, глядя на Сергея.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Решётка на окне. Опять занесло. Шанс

Глава первая.

Шесть месяцев назад.

Старинный двухэтажный особняк, похожий на огромную лягушку, оказался недалеко от речного вокзала. Иван не мог понять логику Анатолия Дмитриевича, которому нужно, чтобы Иван обязательно написал объяснительную именно в этом здании, окрашенном в несколько цветов, но преобладала светло-зелёная краска. По узкому светлому коридору прошли к нужной двери. В крохотном кабинете стояли в полумраке стол, сейф и несколько стульев. Следователь включил верхний свет. Быстро снял пальто и шапку. Потирая руки, вышел. Шлёпнула шепеляво одна дверь. Вторая — упиралась в вешалку, но висела, бездельничая. За плотной светло-оранжевой портьерой узкое окно, в щель просматривалось украшение — массивная кованая решётка без следов сварки. Возможно, её смастерил кузнец в прошлом веке. Иван случайно узнал, что при углублении дна Убры нашли старинные орудия, которые оказались несколько раньше появления экспедиции Ермака. Значит, его отряд не завоевывал и не покорял сибирских жителей, а помогал русским поселенцам отбиваться от нападавших завоевателей с юга. Пушечные стволы лежат во дворе краеведческого музея. Экскурсия понравилась шестиклассникам. Экскурсовод рассказывала, что город-крепость культурно развивался, но и куль-

турно обогащался, принимая ссыльных декабристов, первых народовольцев. Историю города можно изучать по названиям улиц. Он соперничал в своём развитии с Барнаулом, с Томском, а уж Новосибирск был намного его моложе.

...Ему не предложили снять пальто. Это почему-то затревожило Бабкина. «Передаст другому следователю». Анатолий Дмитриевич понравился спокойствием и добрым лицом. Казалось, что он на его стороне, молчаливо одобряет, но, так как получен сигнал, должен принять меры.

Иван неуютно сидел перед письменным столом. Снял старую шапку, пристально смотрел на чёрный телефон, на стопку книг, на кусок стекла, за которым лежал календарь и какие-то бумажки с записями. Он должен сидеть и думать о своей жизни, о том, что его может ожидать. Не арестован, но задержан, попал в поле зрения органов, как потенциальный преступник, который виноват в опрометчивом высказывании. Никого не оскорбил, не агитировал, не критиковал, не призывал к свержению строя. Если не передёргивать его высказывания, как это попытался сделать Пшёнкин, то ничего не грозит. Единственное, что следователь попытается узнать, каковы его связи. Возможно, за этим столом будут сидеть Сергей, Стас, а может быть, сидели, написав объяснительные. Неужели высказывание о том, что коммунизма не будет, представляет угрозу безопасности страны?

Следователь вошел стремительно, упал за стол, достал пачку бумаги, включил настольную лампу, но направил не в лицо Ивану, а на бумагу.

— Рассказывайте, — сказал, открывая чернильницу на массивном приборе из светло-зелёного камня, Анатолий Дмитриевич. — ...Всё, как было. ... Фамилия, имя, отчество, год и месяц рождения, адрес, номер школы. От кого слышали о невозможности постройки коммунизма. Кому рассказывали, и с какой целью?

— Вы сказали, что допроса не будет.

— Это не допрос, а беседа, — жёстко ответил следователь. — Назовите фамилии, кто состоит в вашей группе? Нужно перечислить цели и задачи фракции.

— Нет никакой ни фракции, ни группы. Не успел я организовать. Вы предлагаете организовывать? А зачем? Я не знаю, зачем группа. Если вы знаете, то и организуйте. Мне глупостями заниматься некогда. Нужно учиться. Нужно...

Минут десять следователь молча писал. Развернув два листа, в сторону Ивана, сказал:

— Читайте и распишитесь. Напишите, что записано с моих слов, верно.

Иван начал читать бессвязное сочинение.

— Некоторые положения можно толковать, как кому вздумается. Лишнего много. Это я не смогу подписать, потому что искажён смысл того, что я сказал на уроке. Вы, как и директор, вольно трактуете, обвиняя меня...

— Никто вас не обвиняет...

— ...в каких-то умышленных злодеяниях против государственного строя. ...Так получается. Вам хочется поймать глупого малолетнего преступника. Не знаю, почему, но я вас уважал, полагал, что вы честный человек, поймёте, что меня оклеветал директор школы. Я же вам

всё рассказал. Не стоит из каждого школьника делать антисоветчика. Вы видите, что это месть. Мы не обманывали директора. Сказали, что наконечники сделали сами. Он сказал, что так невозможно сделать, а теперь нас обвиняет в обмане и лжи. Позвонил вам. Возможно, он должен был сигнализировать. Но о чем? Не подвернулось существенного дела, решил приукрасить, чтобы показать себя стойким и верным коммунистом. Это ложь. Всё ложь... Из меня делаете преступника?

— Никто не делает. Нужно разобраться... Я разбираюсь...

— Я не высказывал недовольство строем, политикой партии, не агитировал за свержение строя, не призывал к революции, не расклеивал листовок. Просто высказал своё мнение, что коммунизм не построят через двадцать пять лет, так как моё сознание ещё не готово к этому. Всё. Под этим я подпишусь. Не буду спрашивать у вас мнения по этому поводу. Знаю, что вы согласны со мной. Ваша жена согласна. Маму мою прописали в этом чудесном городе лишь тогда, когда она положила в паспорт немного денег.

— Это не относится к делу.

— Для вас. Для меня относится. Учитель математики требует нанять её репетитором. Час стоит десять рублей. Занятие состоит из двух часов. В месяц мама должна заплатить дорогому учителю восемьдесят рублей. Мама получает сто десять рублей. Это вымогательство. Вы сможете прожить на тридцать рублей? Нас выгоняют из раздевалки. Нам негде жить. Мама работает на двух работах, без выходных, каждую ночь. Это нарушение закона о труде. Но разбираться вы не станете. Заступаться за женщи-

ну, которая добровольно ушла на фронт, не будете. Вам же проще подловить какого-нибудь недотёпу и сделать из него преступника. ...Делаете. Вы мне вдалбливаете о каких-то группах, но я их не знаю и не состою. Вы должны были пригласить на допрос педагога из моей школы. Не пригласили. Закон для вас тоже не писан. Вы умышленно всё переврали. Мои ответы иные. Моё бытие и определили моё сознание. Странно вы как-то заботитесь о государственной безопасности. Стиляги, связанные с заграницей, носят иностранные тряпки. Они враги государства, а не нищий ученик, которому и на линейку придти не в чем. Надо было магнитофон включить и записать, чтобы потом понять — кто перед вами честный человек, умеющий анализировать, или преступник. Если нас слушал ещё кто-то, то вместе разберётесь?

— Наговорился? Пиши сам, что и как, — следовательно встал, пригладил волосы, нервно направился к двери. «Будет подсматривать, как я пишу, — подумал Бабкин, чувствуя, как холодный пот щекочет между лопатками. Он внимательно осмотрел портрет на стене, цветок на сейфе. — Может быть, там микрофон. Неужели профессионалы не могут отличить настоящего антисоветчика от какого-то болтуна? Просто у них кончилась настоящая работа». Ищут козлов отпущения...

Иван неторопливо писал крупными буквами, как на чистописании. Обычно, пишет на уроках другим почерком. Может писать с наклоном влево, без наклона, с нажимом и без нажима.

Бабкин перечитал написанное, поставил дату и придумал роспись. «Нужно спросить о секретности этой

встречи — может ли он рассказать маме, куда его возили, и с какой целью пришлось писать объяснительную записку».

Следователь невозмутимо прочитал текст. Посмотрел на Ивана отрешённым лицом и сказал, зажмуривая глаза:

— В ваших интересах не распространяться о нашей встрече. Если понадобится, найдём...

— Значит, на помощь вашу рассчитывать не стоит? А вы бы могли позвонить начальнику ОКСа и убедить его, что женщина-фронтовик, работавшая в архиве МГБ, а потом МВД, вполне бы могла ещё пожить в плесневой раздевалке. ...Я много читаю. Телевизор не смотрю. Его нет. Приёмник не ловит «Голос Америки» из Вашингтона. ...Желаю вам отыскать настоящих врагов нашего государства.

— В классе учится Лев Брусилов? — вдруг спросил Анатолий Дмитриевич, когда Бабкин уже стоял у двери. — Вы его хорошо знаете?

— Нет. Я ему ремонтировал фотоаппарат. А вы моих друзей будете проверять? — Иван вспомнил, как Лёвка предлагал ему не так давно вступить в какую-то фракцию, которая скоро будет руководить страной, что Хрущёва обязательно снимут. Иван сказал, что фотоаппарат не стоит больше ронять. Лёвка — прыщавый парень невысокого роста в синем костюме, в галстучке, но не пионерском, — не имел друзей, но на переменах подходил к кому-нибудь и бесцеремонно начинал говорить о событиях в мире. Иван понял, что он слушает «Голос», всегда старался отделаться от его липучих бесед. Учился неплохо, ходил с

многозначительной ухмылочкой, рассматривая в упор девочек наглыми белёсыми прищуренными поросячьими глазами. Ходили слухи, что Лёвка был задержан, когда ставил самодельной печатью фашистскую свастику перед некоторыми фамилиями на вывешенных списках кандидатов в депутаты.

— Может быть, проверю, — сказал следователь. — Брусилов вам не друг? Вы не разговаривали с ним?

— Что с ним разговаривать? Девчонки как-то говорили, что он фашистские кресты ставил на афишах осенью. ...Мне было интересно разобраться в механизме фотокамеры. Поэтому я и взялся за ремонт. Он заплатил.

Глава вторая.

Бабкин стоял на трамвайной остановке. Дышалось и думалось легко. Его не арестовали, не пытали, и даже не угрожали. Он каким-то чувством понимал, что эта встреча не последняя. Анатолий Дмитриевич станет проверять Сергея, Стасика. Он не поверит Ивану, а поверит директору. Ему будет казаться, что сможет раскрыть городское подполье, а может быть, и областное, тогда ему дадут премию и какой-нибудь орден.

Утром у Ивана начнётся новая жизнь. Побывав в серьёзном учреждении на беседе-допросе, не услышал ни нравоучений, ни воспитательных проповедей; ему не дадут задания, чтобы он слушал, запоминал и сообщал, не заставят сотрудничать. Возможно, подобное поручение получили другие ребята. Следователь понял, что Иван не станет «стучать» на товарищей.

...Можно иметь своё мнение, но не стоит его высказывать, чтобы окружающие не истолковали его превратно, — думает Бабкин, — Справедливость есть. Но не для всех. Он повзрослеет за одну ночь. За одну ночь из ученика превратится в озабоченного семейными проблемами старичка. Будет очень серьёзен и внимателен на уроках, усваивая материал, стараясь поднимать руку, чтобы получить какую-нибудь отметку в дневник. Ему нужно окончить школу и получить высшее образование. Иван пока не знает, какое. Ноги сами принесли его в гастроном, где на разлив продавалось вино. Стоящий впереди мужчина заказал сто граммов вина. Выпил тотчас, не отходя от прилавка. Улыбаясь, попросил ещё. Иван хотел купить сырок. Не ел с утра. В буфет не ходил. Вместо сырка попросил налить сто граммов золотистого вина.

«Не обязательно покупать бутылку, - подумал он, выходя из гастронома. – Жалко, что такой прекрасный гастроном далеко от школы». Пошёл снег. Иван чувствовал себя очень хорошо, припоминал разговор с умным следователем, который хотел его облапошить, и сделать врагом народа. Так было всегда. Если не было явных врагов, то их делали. Он чуть не проспал свою остановку. Вино и стресс поволокли его сознание на отдых. Бабкин задремал, но выходящая женщина или кондуктор толкнула его в плечо.

Мама ничего не спросила, придя на ужин. Иван не стал ничего рассказывать, боясь огорчить. Сергей принёс папку с тетрадями и книгами и сказал, что Иван с подшефными печатает карточки, если найдут проявитель, а может быть, пойдут на этюды в детский сад.

На следующий день...

На уроке истории Бабкин будет пристально смотреть в глаза преподавателю Пшёнкину и едва заметно кивать головой. Меня это удивит. Директор уйдёт в конец класса к шкафам и оттуда будет сообщать о древних государствах. Как только прозвенит звонок, Иван, придурковато раскрыв рот, подойдёт к учительскому столу и громко спросит:

— Дайте мне номер телефона Анатолия Дмитриевича. Я забыл ему сказать. ...Как какому? Которому вы звонили в КГБ про коммунизм, которого не будет; сообщили обо мне. — Иван просто сошёл с ума. Он ничего не боялся. ...Их выселяли из раздевалки. Он ничего не боялся. Хуже им не будет. Хуже некуда. Следователю до лампочки проблемы каких-то маленьких людей. Он не стал заступаться. И зачем ему чужие печали? ...Дали две недели сроку.

Собравшиеся любопытные восьмиклассники смотрели в бледное лицо директора. Они понимали, что он совершил подлость. Яшка Груль курил в туалете, видел, как Ивана увозила чёрная автомашина. Он Дудневу сказал, что Бабкина арестовали. Большинство восьмиклассников вышли в коридор, кое-кто остался за партами, кому-то срочно захотелось навестить столовую или буфет. Николай Николаевич с огорченным лицом бросился из класса.

— Мы хотели выйти с плакатами в твою защиту, — сказал тихо Стасик Дуднев. — Ты легко отделался. Током не пытали?

— Мы думали, что тебя не отпустят, — грустно смотрел в окно Сергей.

— Тебя ещё расстреляют, — усмехнулся губастым ртом Борька Феоктистов — толстощёкий увалень. — Раза два. Есть новость. Нона сказала мне, что нам нужно с ней поговорить. Следующий урок литература. А тебя, правда, арестовали?

— Глупости. Дядька приезжал, покатал по городу, — сказал Иван.

Глава третья.

Урок литературы прошёл для Ивана в тумане. Классная вызвала к доске. Он что-то рассказывал о роли поэта в жизни страны. Его опять занесло, и он рассказал версию убийства Маяковского. Нона Александровна не смогла его остановить. Ей самой было интересно то, что говорил ученик. Школьники слушали, раскрыв рты. Стояла тишина. В форточки забивались звонки кранов, треск голосов воробьёв.

— ...Маяковский захотел себя убить. Для этого он взял наган и так завернул руку, что пуля вошла в сердце, а вышла из почки. — Иван нарисовал на доске силуэт, пометив, где расположено сердце, а где почка. — А перед этим он, как и Есенин, разбил себе лицо. Маяковский получил неожиданный сильный удар от того, кого он знал. Когда пытался встать с пола, в него выстрелили, направив оружие сверху вниз. Вот почему пуля прошила тело под углом. Не мог повеситься убитый Есенин. Его сначала убили, а потом подвесили на трубу отопления.

— Хорошо, — проговорила Нона. — Об этом я нигде не читала. Назови источник. Откуда у тебя эти сведения?

— Мне сказали. — Ответил Иван, стараясь не смотреть в сторону Стасика.

— Это опубликовано где-то?

— В КГБ ему вчера рассказали, — раздался голос Брусилова. — Там это точно знают...

— Опубликовано — сказал Иван. — Дуднев показал ему старую книжечку с мягкими жёлтыми страницами, которую Иван быстро прочитал. Эта книжка была издана давно и за рубежом. Он не мог подставить друга, понимая, что за такую книжку нагорит родителям Стасика.

— Вы мне можете её показать? — удивлялась Нона.

— Нет. Я её читал в поезде, когда ездил в гости. Один приличный пассажир читал и, когда пошёл за чаем, разрешил почитать мне. Называется она вроде так: «Поэт в России — больше чем поэт». Не помню точно...

Друзья не спрашивали ни о чём Бабкина, видя в каком он состоянии.

После уроков Иван и Борька, стоя у двери учительской, услышали странное предложение.

— Мне нужно вам сказать вот что: вас аттестуют за восьмой класс, но вы должны подать заявления в ремесленное училище или ПТУ. Станете там учиться на мастеров холодильных установок. Специальность хорошая, учиться два года и несколько месяцев. Но вы будете в специальной группе, имеющих восьмилетку. Ваш класс будет проходить производственную практику. Наша школа одна из пятисот экспериментальных, в которой введено одиннадцатилетнее производственное обучение. Вы быстрее получите специальность. Станете самостоятельными.

Поговорите с родителями. Это шанс. Отличный шанс, ребята. Завтра скажете мне свои решения.

— От нас избавляются? — грустно усмехнулся Иван.

— Оберегают, — сказала классная, чтобы вы тут глупостей не наделали.

— Если я хочу учиться, чтобы потом поступить в институт.

— Но лучше в училище - сначала, а там будет видно.

«Одной маме легче, — подумал Иван, но тогда он злую и коварную девочку больше не увидит. — Кто наколет маме дров, принесёт воду, сходит в очередь за молоком?».

— Я буду учиться здесь.

— Поговори с мамой. Она заботится о тебе. Приноси-те заявления в училище.

— Сам позабочусь. Я — буду учиться в институте. Мне это нужно.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Вратарь. Снова у дяди Васи

Глава первая.

Мальчики принесли сумку снега, чтобы охладить бутылки с лимонадом. Стало на сопке шумно. Девушки готовили общий обед, вынимая из сумок и рюкзаков варёные яйца, сыр, колбасу, яблоки, пироги, а конфеты, пряники и печенье. Всё сложили в одну кучку. Ничего не получалось такого, чтобы могло оказаться салатом, винегре-

том или ещё чем-либо. Не было того другого и третьего. Девушки разводили руками, принимаясь чистить яйца, разрезать яблоки и апельсины, снимать кожуру с колбасы и охотничьих колбасок, которые не желали им подчиняться. Всё порезали, покрошили, перемешали...

— Туристы, а нельзя ли нам поджарить сардельки? — спросила Семёнова Нина, улыбаясь загадочными и обворожительными губами.

— Можно, — встал Поморцев.

— Я знаю, где топливо, — засуетился Волков.

— Я видел вон там какие-то палки, — отозвался Сергей Крохин, перебирая что-то в сумке. Иван перезаряжал фотоаппарат «Мир».

— Постой на воротах, — предложил Стасик, подходя с мячом. Он вновь надувал волейбол. — В тебе спит вратарь.

— Нашёл вратаря, — удивился Иван. Знал, что Дуднева остановить не просто. Любого убедит и докажет необходимость прислушаться к его предложению или мнению.

— Встань, — мотнул головой Рудин. — Стас нюх имеет на таланты.

— Попробуй, — принялся Поморцев раскладывать куртки и сумки, которые должны отмечать импровизированные штанги. Женя Живкова вынимала из сумки большой торт, рассказывая, как его пекла.

— Вкус изумительный, попробуйте, — предлагала кулинарка. — Кто будет резать?

— Я с горки не упала, — усмехалась нарумяненным лицом Инна Колесникова. — Ещё поживу. — Попробуйте

фаршированных блинчиков. Всю ночь пекла. Эти с творогом, а эти с мясом. Аня, ты просила с творогом

— Иван, раздели на всех, — подала нож большерукая и длинноногая Букавникова Мария. — Сейчас костёр разведём... Чай будем кипятить. Крохин, какой молодец — котелок взял опять.

— Не хватайте со стола куски, — строго проговорила злым ртом звеньева Орлова, — аппетит испортите.

— Уморила. — Рассмеялся, дурашливо хватаясь за живот, Рудин. — Чем мы его испортим? Сейчас всё сметём. Кто говорил о блинчиках? Моя мечта. ... Не там ворота. У края, Валька, штанги делай. У края. ... Чтоб дисциплинировался, зная, что бежать за мячом далеко. Ловил, не пропуская.

— Дуднев, какие одиннадцать метров? Поменьше. Поморцев, нормальные шаги делай, — подбежал Крохин.

— Нелька, порвут мячик, — сказала ехидно Аня Овечкина, разрезая огурец.

— Пусть, — махнула звеньева рукой, снимая мальчишеский берет. — Ничего. — Она сидела недалеко от «стола», обхватив тонкие колени. Суэта мальчишек её, казалось, мало интересуется.

— Я — арбитр, — встал у штанги, жуя Рудин. — По моему сигналу пробивать.

— Прошу занять места, — сказал громко Поморцев, заходя за ворота. — Ставки делайте. На кону бутылка пива. — Оторвались от «стола» девушки, принялись наперебой гадать, кто победит — Иван или физорг.

— Нужно мяч за воротами ловить, чтобы не бегать, — сказала Наташа, поправляя шарфик на плечах.

— Сильно не бей, — приказал Рудин. — Ты профессионал. Потихоньку, полегоньку.

— Пусть бьёт нормально, — сказала Инна, — чтобы потом не было разговоров, так, дочки? — Иван, я за тебя болею. Не пропусти.

Иван взглянул в сторону беловолосой принцессы. Вера стояла в стороне и смотрела в нивелирную трубу на город. Вредина, естественно, отвернулась, перемешивая салат.

Глава вторая.

Сначала Дуднев бил полушутя, вполсилы, как бы нехотя, с улыбкой. Бабкин легко забирал мячи в воздухе. Девушки хлопали в ладоши, вскрикивали, когда им казалось, мяч улетит в обрыв. Иван снял куртку, положил поверх сложенной одежды, обозначавшей левую штангу. Болельщики смолкли, когда Дуднев начал навешивать кручёные мячи. Казалось, земное тяготение исчезло для вратаря. Он просто парил над краем обрыва, отражая или ловя мячи.

— Финал! — крикнул Рудин. — Двадцать — ноль. Обед. Вратарю нужно подкрепиться. Он вспотел. Где наши призы?

— Да, — сказал Поморцев, протягивая руку Бабкину. — Кто-нибудь сфотал вратаря республики? Последний мяч Стасик подал — будь здоров. Классно. Думал, что придётся бежать. — Как это ты так брал подачи?

— Что я говорила, дочки, Иван не пропустил. Вот так. А вы говорили, что придётся бегать.

— Где ты научился? — удивлялся Волков, открывая бутылку с пивом.

— Это случайно. Стасик бил не сильно. Я видел, как он бьёт, а тем более, это не футбол. Лёгкие мячи.

— Лёгкие, но ты просто летал! ...Все видели, — радовался Сергей. — Стас, ты заметил, каков Иван. ...И я не знал, что он может так стоять на воротах.

— Я сам не знал. ...Не приходилось. На защите был всегда. В нападении не получалось. Поле плохо вижу.

— Его нужно в сборную школы, — говорил, вынимая записную книжку, Рудин. — Судью нельзя забывать и пропускать. Наливай, Юра, мне и Стасику.

— Интересный какой, — оживилась Наташа. — Всем — так всем. Маша, что ты скажешь? Мы не прыгали, как Иван, но болели, так что нам тоже нужно налить этого напитка. ...Лимонаду много, а пива мало. Шутка. Я не пью.

— Нина, доставай наше любимое винцо. Мы квас не пьём, — села Букавникова у расстеленного одеяла, на котором стояли стаканы, кружки. — К столу! Открывайте. Кто умеет?

Дуднев срезал упаковку на горлышке бутылки и осторожно протолкнул пробку внутрь. Было понятно, что Стасик не единожды это проделывал.

— Мне нельзя, — сказал он. — Не положено. Опять же, — пожал плечами, — не смог забить. Такой вот расклад. Талантище у Иванка. В сборную школы не ходи. Из нашего клуба трое занимаются в школе спортивного резерва. Приходи к нам на тренировку в субботу. Собираемся во дворе в три часа. Наш вратарь ногу подвернул. Рас-

тяжение связок. Заменишь. Некого брать. Искал. Никто не подходит. У тебя получается.

— Не трусь, — обрадовано, говорил Сергей. — Соглашайся. Я — за тебя. За Ивана. — Недружный класс дружно обедал.

— Вы так вкусно едите, а про торт забыли? — вскопчила с колен Женя. — Это кто так хорошо разрезал?

— Наташа, — проговорил Сергей, глядя на девушку.

— Очень аккуратно, — сказал Рудин. — Я бы так не смог точно разделить.

Глава третья.

Большинство подростков отказались от пива, не стали пробовать вино. Возможно, оттого, что Маша и Нина купили дорогое марочное вино, не предложив подругам принять доленое участие. Грели над костром кусочки колбасы, окорока, сарделек. Чай долго не закипал. Одноклассники отвинчивали с разноцветных термосов пробки-стаканчики, наливали кофе, какао, компот. Термос Стасика всех поразил размерами, раскраской металлического корпуса. Его не нужно было наклонять, а лишь достаточно нажать сверху круглую клавишу. Ароматный кофе быстро вытекал из аккуратного клювика. Лёвка Брусиллов добыл из рюкзака большую коробку, в которой оказались отделения для ложек и вилок, квадратные миски и стаканчики. Из закрытых отсеков парень небрежно доставал тонко нарезанную колбасу, пучок петрушки, большие бутерброды с красной икрой. Лёвка встал и быстро одел им девушек.

— Нюська натолкала, хотя знает, что я не переносу. С детства аллергия на икру, — девушки удивились, кое-кто стал свои бутерброды делить пополам, предлагать мальчишкам. Иван заваривал чай, а Сергей ломал тонкие ветки.

— Индийский? — подошёл Валька Рудин с фарфоровым бокалом.

— Плиточный. Зелёный. Как говорит сосед: «Чай кирпичный, вода Иртышный», — ответил Сергей.

— Я — такой не пью, — сказал Рудин. — Стас, плесни кофейку. По запаху чувствую — Бразилия?

— Обыкновенный. Натуральный. Вчера с братом молочи, — ответил Дуднев, жуя кусок торта. — Кому кофе? Подставляйте ладони. Женя, ты просто чудо-кулинар. Ликёром пропитала банановым? ...Ромом? Такого не пил, походит на ликёр. Пиши мотив, рецепт... Как для кого? Для жены. Лет через сорок жениться придётся.

— Меняю консервы «Макрель в масле» на крошку торта! — вскочил Лёвка. — Кто больше?

— С этим пивом, чуть не забыл своё фирменное блюдо. Судак, запечённый в духовке. ...Сам ловил, сам в духовку посылал. ...Костей нет. Переварились, — разворачивал большой пакет Поморцев. — Руками берите.

— Птицу, рыбицу и девицу берут этими самими, — растопырил пальцы Лёвка.

«Он пьяный, — удивился Сергей, снимая котелок с огня. — С пива?»

Девушки взяли из коробки Брусилова вилки, принялись дружно дегустировать огромного судака.

— Иван, распишись на майке. Через пять лет будешь знаменитым вратарём, а у меня твой автограф. Судак, дочки, просто объедение.

— Мне распишись на книжке, — подошла, кокетливо поводя подкрашенными глазами, сияющая Аня Овечкина.

— Это всё случайно. — Расписываясь, смущенно говорил Бабкин. — Здесь воздух особый. Притяжение слабое.

— Гравитация причём? Талант не спрячешь за голяшкой, — важно подошёл Рудин с блокнотиком. — Слушай физорга и меньше на уроках выступай.

Инна Колесникова принялась помогать Орловой собирать посуду, складывать в коробку от торта оставшиеся пироги и пончики. Несколько девушек оживлённо пили чай и неукротимо ели конфеты, показывая друг другу фантики. Бутылка с остатками вина из Массандры сиротливо маячила у края одеяла.

— Мячик твой Дуднев продрал, Нелька. Я — говорила, что раздолбает. Вон шов, как разошёлся сильно...

— Зашью, — отозвался Дуднев. — Как старушонка ноешь, Инна.

— Ты только умеешь обещать. Анечке обещал, а не заклеил. А вино куда? Допили бы. Осталось капелька. Лёвка, раздели мальчишкам.

Брусилов выковырнул из кармана зажигалку и разрезал складным ножом упаковку пачки сигарет «Весна». Группа девушек, шепчась, достали из сумок и рюкзаков байковые одеяла, медленно пошли вверх по склону сопки.

— Мы позагораем полчаса там, — сказала, кивнув очаровательной головкой в сторону, Нина Семёнова. Она

обворожительно улыбалась покрашенными сочными губами. — А вы не скучайте. ...Так надо. Вы же не совсем глупы?

Иван покрутил мяч. Увидел рану, чёрный язык - камеру. Старый мяч. Сколько ему лет? Заберёт и отремонтирует. Стас не особо сильно пинал. Разорвались нитки. Утром отдаст. Мяч не подвёл. Шёл в руки, как по волшебству. Иван не отбивал его кулаками, а, поймав, прижимал к груди, словно мяч мог разбиться на осколки.

Глава четвёртая.

Бабкин не ожидал от себя такой прыти. Странное чувство наполнило его на этой полянке. Подобного с ним не происходило раньше. Не мог понять, что или кто повлиял на него, заставляя делать немислимые прыжки и броски к мячу. Стасик умел бить по воротам. Он всегда был точен, хитёр и мог навешивать кручёные подачи даже в падении, спиной к воротам. Этому учил своих подопечных. Может быть, это воздух, это небо, это солнечный весенний день подействовали на него, а может быть, родилось в нём нечто такое, чему и объяснение никто не может дать.

Иван прикрыл глаза. Ему вдруг показалось, что на склоне стоит конный отряд. Пики, луки, щиты. Блестят на ярком солнце доспехи, сверкают огненными брызгами украшения уздечек. Он понял, что вооружённые люди следили за ним. Это ихняя энергия помогала ему взлетать над полянкой. Они радовались за него. Может быть, у них тоже были такие игры. Но что это. Конники машут ему ру-

ками, указывая на осёдланную лошадь. Всадники приглашают его занять место в строю.

Иван посмотрел в испуге на склон. Увидел планирующих больших птиц. Показалось, что кто-то крикнул: «Живи!» А, может быть, это птицы окликали друг друга в полёте.

Бабкин расшнуровал лёгкий мяч, стравил воздух и положил в свой вещмешок. Хозяйка спортивного снаряда стояла в группе девушек, но следила, синими прищуренными поросячьими глазками, как Иван бережно обращался с её мячом.

— Отдай, — вдруг со злой ревностью потребовала

— Зашью — отдам.

— Я — сама.

— Мы порвали...

Не на шутку рассердилась звеньевая, даже попыталась вырвать из рук Бабкина израненный мяч. Иван уже зашивал его.

Осенним весёлым деньком шли через знакомый двор. Нина, Маша и она с сестрой играли на площадке. Маша пригласила Сергея и Бабкина. Мяч получил ранение, наколовшись на торчавший кусок огораживающей сетки. Сергей пообещал заклеить камеру. Клей Спаянные не нашли и купили новую камеру. Лопнувшие нитки Иван удалил и прошил несколько швов.

Сунув нос в конец классного журнала, Иван узнал её день рождения, адрес и даже имена и отчества родителей. Получилось так, что 22 октября Бабкин уехал с мамой в гости, вручать подарок — новый волейбольный мяч — отправился Сергей. Суровая девочка скривила губы, слов-

но знала, что Иван не придёт, а пошлёт друга. «От нас, от звена... С днем рождения». «Он меня боится? Не нужен его подарок».

Сергей не выполнил возложенную миссию. Суровая девочка отказалась и от этого подарка. Иван предполагал, что Нелли не примет подарка, но надеялся на чудо. Его не произошло. На восьмое марта попытался вручить ей книгу. На большой перемене, подошёл к ней. Она вынимала из папки тетрадь. В ответ на поздравление сказала спасибо, но книгу попыталась вернуть. Сначала Иван растерялся. Подарок взял. Тотчас положил на парту. Быстро ушёл. Через минуту она оказалась у его парты и, положив книгу, возвратилась на место. Недоумевая, с обидой Бабкин кинул в парту подарок.

Другие девушки не возвращали в тот день скромные подарки. На него смотрели сочувственно, с пониманием. Стасик на следующей перемене предложил отметить праздник у Копчёного. Иван не отказался.

...Весь вечер повторял домашние задания. Сложив в мешки книги, занялся волейболом. Шило сделал из велосипедной спицы. Дратву скрутил из капроновых ниток. Завтра вечером приедет дядя Вася. Они вновь будут жить в его времянке. Дом свой довёл до кондиции, в нём можно жить, хотя недоделок много. Маме не добавили зарплату, не дали и сменщика. Она крепко поговорила с начальством. Сказала, что освобождает раздевалку. Её не уволили, но перевели охранять строящийся магазин. Дежурства через два дня на третий, платить станут только шестьдесят рублей. Ему придётся ездить в школу, а маме — на двух автобусах добираться до магазина в посёлке Дружный.

Иван подсчитал; получалось, что половину заработка придётся тратить на дорогу. Не всегда удаётся проехать без билета. Утром он снова будет спешить к первому автобусу в город.

Глава пятая.

Сегодня у мамы Ивана последняя смена. Она рассказала сменщице — пожилой тихой женщине — как и когда обходить объект, как просить мастера собрать в кучу разбросанные пиломатериалы. Где покупать порох и патроны. Женщина со страхом смотрела на ружьё, на избушку-конторку. Иван понял, что она будет сидеть у телефона, закрыв дверь на крюк. Он был рад тому, что окончилась у них жизнь на пороховой бочке. Жизнь в осаде. Иногда казалось, что он и мама обороняются, находясь в ветхой крепости.

Случалось, Анна Петровна вызывала наряд милиции, так как за стройкой, на пустыре среди куч мусора и зарослей ивняка доносились из ночи сквозь нестройное пение крики о помощи. Несколько раз Иван стрелял из форточки по фигурам, которые несли палки и канистру. Возможно хотели поджечь раздевалку. После трёх выстрелов группа разбежалась, а утром Анна Петровна нашла у окон факела.

Пистолет однозарядный в основном делал Крохин. Подогнали сначала трубку под охотничий патрон. Сергей из кусков металла пропилил и просверлил отверстие для оси. Сварщик на стройке понял, что будет оружие, но всё же согласился приварить шарнир к трубке. Потом Сергей

сконструировал ударник, используя пружину от прищепки. Сначала ствол удерживался с помощью резинки, но после испытаний Крохин придумал запорный механизм. Детали к нему вытачивали в школьной мастерской на уроках труда.

Иван выпиливал буквы из пенопласта электролобзиком, чтобы к ноябрьской демонстрации снабдить колонну школы нарядным оформлением. Преподаватель рисования и черчения сделала эскизы. Но кто будет изготавливать герб школы, надпись, подставку, которая крепится к бамперу автомобиля? Два претендента испортили пенопласт. Сломали дефицитные пилки, вывели из строя лобзик. Выбор пал на Спаяных.

Пока один занимался оформлением, так называемого школьного «паспорта», другой самостоятельно осваивал метод ручного фрезерования на токарно-винторезном станке. Этому друзей не учил преподаватель труда. Владимир Эрнстович Миллер. Он не догадывался, как обыкновенным резцом можно проделать канавки для механизма запора ствола пистолета. Друзья знали, что за изготовление оружия может «светить» срок, но надеялись на вечный «авось», ведь они несовершеннолетними, а значит, легко отделаются. Не собирались никого грабить, а тем более, убивать. С оружием спокойней.

Иван и Сергей привязали свой «дробемёт» к чурке, а к курку приладили бельевой шнур. После пяти выстрелов пистолет не разорвало. На расстоянии сорока шагов пуля пробивала половую рейку. Потом стреляли с рук. Анна Петровна не знала о конструкции юных оружейниках ничего. Но однажды Иван увидел у лужи перед сто-

рожкой большую крысу, вытащил из кобуры своё оружие и тремя картечинами (в узкий патрон больше не входило) сразил бедное животное. Бабкина неодобрительно покачала головой, но выстрелила в поставленные пустые банки из-под карбида. Увидев отверстия, сказала, что и это оружие незаконно.

Глава шестая.

Это хорошо, что не попадал Иван в тех, кто намеревался разжиться пиломатериалами. Стрелял перед собой или вверх. А ведь мог ранить какого-нибудь столяра, которому понадобились доски для изготовления серванта. Тогда — суд, или самосуд. В школу Иван пистолет не брал. Расстояние до высокого забора коробки от школьного крыльца не велико. В сумерках иногда к нему подходили незнакомые парни, просили закурить. Иван спокойно отвечал, что не курит. «Бикфордов шнур купил бы; сантиметров десять. Есть аммонал, а вот шнура нет, — разводил руками Иван. — Как зачем? Для друзей, рыбу глушить, гранаты делать». Шнур они с Сергеем изобрели, когда делали первые опыты с дымным порохом. Ночью Бабкин ходил домой через пустырь, если видел какое-то движение людей у крайних домов. Он сначала шёл мимо коробки, потом сворачивал налево к каналу. Зажигал шнур гранаты и бросал высоко вверх. Падая, граната из папкового патрона громко разрывалась. Иван мчался со всех имеющихся ног под свет прожекторов. Где его встречала мама с ружьём.

Знакомые мальчишки, приходящие расчищать лёд, рассказывали, что нашли труп в канале, что не так давно кого-то раздели и ранили ножами на пустыре. Поведали о том, что у них постоянная вражда с поселковыми. Они подкарауливают друг друга и бьют свинчатками, велосипедными цепями и кастетами. Парней теперь у них становится всё меньше и меньше, так как дома сносят, на их месте строят панельные и кирпичные коробки в пять этажей. Владельцев домиков и землянок расселяют. Мальчишки просили хоккейные коньки покататься, предлагали Ивану влиться в ихнюю группу, так как он хоть и живёт на пустыре, — между Нахаловкой и посёлком, — но всё-таки ближе к ним, к нахаловским. Бабкин предложения не принимал, обещал подумать, но соглашался постоять на воротах, надев настоящую вратарскую амуницию.

Враждующие стороны приходили на матчи, но всегда стояли на разных трибунах. Потасовок зимой почти не было, так как все болели за команду «Металлист». К Ивану относились одинаково приятельски, но это только днём, и когда им что-то нужно. Обычно просят включить свет надо льдом, поставить на проигрыватель принесённую грампластинку. После бурана мальчишки стучат в дверь, умоляют дать им пару металлических скребков, чтобы удалить снег. Обещают принести. Но не всегда у них это получается. Забывают, заигравшись, очистив от снега часть ледового поля.

— Скребки, Семён, тащи на место, — говорит Бабкин, выходя на лёд. Он помогает им выбрасывать снег за бортики, затаскивает тяжёлые скребки в раздевалку. Ивана они считают своим, оказывают знаки внимания, пред-

лагая орехи, семечки, а парни постарше просят стакан, предлагают выпить вина или домашнего пива. Молодые мужчины изредка высказывают недовольства, дескать, с ихним приездом на стройку ничего нельзя унести для хозяйских нужд. Ведь пиломатериал государственный, и оно не обеднеет на пару плах или тесин. Иван говорит, что он не может одному дать досок, а другому не дать. Доски не его собственные. Плотники и мастер считают остатки. За недостачу высчитают из зарплаты сторожа. «Ты согласен, если бы твоя мама раздала половую рейку, а потом своими деньгами рассчиталась за убытки? — спрашивал он у недовольного молодого мужчины. — Договаривайтесь с плотниками, с мастером, прорабом. Они получают хорошо. Идите днём, в обеденный перерыв, когда мы не дежури́м. Ночью не ходите. Мы отвечаем за объект».

Сергей придумал систему сигнализации. Каждый вечер Иван устанавливал её у края футбольного поля. Если приближался человек к развешенному тонкому медному проводу от катушки трансформатора, то неожиданно включался дополнительный прожектор, установленный на самой верхней точке трибуны, а из обыкновенного динамика доносился свист. В ночной тишине этот звук был далеко слышен. Сергей хотел установить милицейскую сирену, но найти её оказалось не простым делом. Тогда он испытал обыкновенный автомобильный сигнал. При определённой регулировке мембраны он стал противно блять по-овечьи.

Друзей это почему-то смешило. Однажды один из парней рассказал, как будто бы один его знакомый, пользуясь метелью, пошёл на стройку разжиться досками. Он

перелез через новый забор, направился через поле к груде досок, привезённых днём, но вдруг включился ближний прожектор и кто-то заорал страшным голосом. Этот знакомый побежал домой, но ослеплённый светом, врубился головой в забор и рассёк лоб.

Завтра окончится тревожная жизнь в осаде. Завтра они с мамой будут спокойно спать, не ожидая провокаций и набегов на стройку. Не нужно устанавливать сигнализацию, не нужно заряжать патроны и выпрашивать банку пороха в охотничьем магазине. Новый объект очень мал. Это небольшое одноэтажное типовое здание магазина. Идёт штукатурка стен, окраска панелей, монтаж электропроводки. На улице нет штабелей досок, брусьев. Мама может закрыть дверь строящегося магазина и читать книгу. Взять около здания нечего. Значит, желающих пожить на дурничку, не будет.

Иван развернул по очереди газеты. Просмотрел заботливо иллюстрации, но нигде не было его фотографий. Раскрыл «пионерку», начал читать короткие сообщения, вдруг его осенило: «А что если послать заметку о кукольном театре в «Пионерскую правду»? — подумал юный корреспондент, вынимая авторучку из кармана.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Слежка. Подарок

Глава первая

На весенних каникулах Бабкины отправились в Гарбузовку. На маленькой станции жили Анастасия Пет-

ровна и её муж Юрий Николаевич Дроздовы. Мамина сестра была билетным кассиром, её муж — вагонным мастером. У них рос сын Коля и дочка — Олюшка. Ещё одна сестра — Алла Петровна Русакова написала в письме, что приедет с мужем в гости. Сестры соскучились.

В полупустом общем вагоне, пахнущим гниющими матрасами и хлоркой, Иван и его мама в отделении устроились одни. Бабкин смотрел на знакомое здание вокзала, на людей, спешащих занять места. Молодой аккуратный мужчина без вещей прошёл вагон до конца, возвратился и попросил разрешение присесть, будто бы все места оказались занятыми или неподходящими для поездки. Только отделение, где сидели женщина и подросток, его удовлетворяло шириной полком и цветом рифлёных зелёных обоев. Он заботливо расстегнул пуговицы на коротком пальто, снял чёрную шапку. Иван увидел знакомый шарф в зелёно-сине-белые клетки. Точно такой был у следователя Анатолия Дмитриевича. Поезд напрягся своими жилами, вагон слегка дёрнуло и здание вокзала вместе с тополями и багажным складом двинулось с места. Иван достал фотоаппарат и сфотографировал маму. Незнакомец заметил, что подросток может и его сфотографировать, тотчас закрылся газетой. Пришедшей в чёрной шинели проводнице странный пассажир не показал билет, а, повернувшись боком, что-то вынул из кармана. Проводница ничего ему не сказала, а только как-то хмыкнула или кашлянула, пошла дальше, помахивая кожаной сумкой для упаковки билетов.

Иван проанализировал поведение незнакомца и понял, что за ним слежка. Мужчина мог бы расположиться в

соседнем пустом отделении. У него не было никаких вещей. Закрылся от фотокамеры. Не сказал проводнице, где сходит. Он не снял ботинки, а только развязал шнурки и лёг на лавку, подстелив под обувь газету. Сначала Иван испугался, а через несколько минут страх прошёл.

Следят, но зачем? Раньше не замечал ласкового внимания со стороны конторы Анатолия Дмитриевича. Наверное, следили, но очень аккуратно. А может быть, и не следили. Показалось. Как только Иван, отложив учебник, пошёл к туалету, за ним тотчас последовал и сосед. Бабкин забежал в соседний вагон. Сел за столик на боковом месте, уронив голову на руки. Мужчина почти бегом мчался по проходу. Иван встал и возвратился на своё место. Через полчаса, вероятно попутчик пробежал все вагоны, тот спешно шагал, заглядывая в отделения. Увидев сидящего Ивана, недовольно скривил тонкие губы, сел около своей газеты.

До самого вечера мужчина лежал на полке в пальто, в ботинках. В Рябцове вышел и быстрым шагом отправился к вокзальным дверям. Пришёл без газет, без бутылки лимонада. Анна Петровна пригласила его попробовать пирожков с творогом, но тот вежливо отказался.

— Вы хоть ботинки снимите, — сказала она. — Неудобно в обуви. Спите, разбужу. Вам до какой станции? — попутчик что-то пробормотал. Бабкин утвердился в своих мыслях о том, что шарф — это пароль.

— Снимайте обувь, — сказал Иван. — Мы только завтра приедем. Если вы уснёте, разбудим. Запомните: станция Гарбузовка. Вам отчёт придётся писать. — Иван думал, что после его наглых слов пассажир оскорбится и

уйдёт в другое отделение, но тот виновато молчал, пытаюсь читать газету. Не выдержав, вдруг проговорил: — Анатолий Дмитриевич ещё не напал на след городского подполья? — молодой мужчина раскованно шелестел газетой, никак не реагируя на вопрос Ивана.

— Кто такой Анатолий Дмитриевич? — удивилась Бабкина. — Какое подполье?

— Читательская конференция в библиотеке будет по книге «Пропавший брат». Анатолий Дмитриевич знал автора. — Анна Петровна читала этот увлекательный роман, в котором. Когда Бабкина понесла стаканы проводникам, Иван сказал попутчику, что напрасно он едет, что никаких контактов не будет.

— Не тратьте время, я — к тётке. Ни с кем я не связан и никого не знаю.

Странный пассажир сделал вид, что спит, накрыв лицо газетой.

Ночью ушёл.

Глава вторая.

Мамина сестра Алла Петровна — крёстная мать Ивана. Спокойна и рассудительна, главное — лёля всегда справедлива. Никогда не наказывала за пустяки. Поводов было немного, но они были. Всякий раз, натворив что-нибудь, Иван сам шёл в свой угол за печью. Дядя Толя посмеивался и говорил, что завтра утром не разрешит ему поить лошадь. И хотя Иван боялся большого красно-коричневого мерина, но исправно ездил на нём на Чулым. Он ответственно выполнял дядино поручение. Мерин не

шарахался от машин, но боялся глупых пацанов, которые пугали его, размахивая руками. Над стремительной водой реки лежал слоистый сизый туман. Карька пил большими губами воду вместе с туманом. Ивана обижало недоверие. Вчера ему нужно было напоить коня. Очень старался не подвести дядю Толю. Сегодня он напоил спокойного Карьку, а завтра его не увидят на коне. Поймут, что дядя не доверяет важное дело. Значит, Иван не достоин, а, скорей всего, наказан за провинность.

Иван стоит в углу и надеется, что лёлка простит его, и дядя опять будет доверять свою лесническую лошадь. Первый раз он проехал верхом на коне, когда ему шёл седьмой год. Мамин брат — Григорий, работавший агрономом, — посадит его на Серка, и они отправятся к недалежному пруду на водопой. Там умоются. Ивану будет нелегко перебарывать себя, опуская руки в ледяную воду. Бабушка всегда наливает в умывальник тёплую воду. Оправдывая доверие, мальчик станет привыкать и к тёплой спине Серка и к холодным умываниям.

Дяди учили его не бояться трудностей, закаливали его тело и маленькую ранимую душу. Они учили Ивана расти смелым и справедливым. И вот он вырос. За ним уже следят, пытаюсь понять — кто же он. Иван не враг, но и большой радости от жизни у него нет, потому что живёт в окружении коварных и несправедливых людей. «Разве эти наглецы смогут построить передовое общество? — думает он. — Они обманывают маму Ивана, учительница пытается выманить деньги, которых у них так мало, что не хватает, чтобы нормально жить».

Уезжая домой, тётя и дядя принесут свёрток из магазинной жёсткой бумаги, перевязанной бечёвкой. Они вручат ему подарок, требуя примерить. Это будет великолепный чёрно-синий костюм. Такой, как и у многих ребят из его класса. Пиджак и брюки будут ему впору. Но почему-то подарок заставит грустить. Он будет сидеть у обогревателя печи и думать скорбные думы. Конечно, скажет слова благодарности. Будет несказанно рад, но какая-то печаль вонзится в сердце. Иван вдруг задумается о своей дальнейшей жизни. Кем он должен стать, чтобы самому делать подарки родным и близким. Нужно учиться, чтобы не быть нищим и зависимым. Нужно получить специальность. Но какую? Ремонтники холодильников не станут. Дядя Боря Суровцев — дальний родственник — предложит бросить учёбу и пойти к нему в будку учеником. Дядя Боря шьёт и ремонтирует обувь. Он умеет делать серванты, раскрасил масляными красками фотопортреты своей семьи, которые напечатал Иван. А ещё он к телевизору с крохотным экранчиком приделает большой кинескоп, получится симпатичный телевизор с новым корпусом. Иван не хочет ремонтировать обувь, не хочет шить туфли и штиблеты, унты и сапоги.

«Может быть, я стану фотографом, — думает Иван. — В газетах публикуют фотоснимки, стихотворные строки. Учителем рисования и черчения, как Людмила Станиславовна, он не будет. Англичанка, слушая его переводы, говорит, чтобы он готовился поступать на факультет иностранных языков. Кем же мне стать?» — не может ответить себе Иван. Археологом? Искать Новую Троицу, как Генрих Шлиман. Расшифровывать древние клинописные

знаки на глиняных табличках, как Георг Гротефенд? Не знает, что его влечёт. Не знает к чему стремиться. Нет такой специальности — «любитель чтения». Много времени отдаёт книгам, хотя и не знает зачем, встречает утро, перевёртывая страницы.

Глава четвёртая.

Иван вошёл в класс после каникул в обнове. Первый костюм его стеснял. На переменах они с Крохиным стояли у окна, планируя путешествие. На химии предельно внимателен. С ним уже был казус.

Преподавательница попросила сделать прибор для выставки. Они научились гнуть стеклянные трубки в пламени спиртовки. Химичка им доверяла ключи, а сама уходила домой. Однажды они решили сделать взрывчатку. Бесцельно сливали в пробирки химикаты. Ничего не происходило существенного. Растворы мутнели, получался осадок. В одной пробирке у них получилась плотная масса. Но взрыв они получили. Сначала раствор вскипел, пошёл дым. Иван не успел подбежать к ведру, куда они сбрасывали испорченные пробирки, если их нельзя было отмыть. Хлопок и пробирка разлетелась на множество осколков. Пол подмели. Руки и лицо Иван сразу вымыл. А через два дня, сидя на уроке, вдруг заметил, что брюки на глазах тают. Образовываются отверстия — мелкие и не очень. Куртка-вельветка не пострадала за науку.

— А что мы сливали? — удивлялись друзья.

— Не помню. — отвечал Иван, когда они хотели повторить эксперимент.

— Если впаять в банке перегородку, влить эти компоненты. Раз брюки разъело, то железо наверняка растворит. Соединившись, компоненты, рванут на доброе здоровье. — говорил Крохин.

— Это химический взрыватель. Но что мы сливали?

Штопать брюки Бабкин уже не смог. На следующий день отверстия появились на коленях. И даже, когда он их замочил в тазу, реакция ускорилась. Брюки растворялись быстро. Анна Петровна удивилась, пожурела сына, предполагая, что это последствия общения с аккумуляторами, которые мальчики находили на свалках, ломали их, добывая свинец...

Костюм надо было беречь, как сокровище.

На каждом уроке Бабкин нервно поднимает руку. Началась последняя четверть. По алгебре его не аттестовала Нина Наумовна, а по геометрии поставила двойку. Он знает все формулы, знает как решать задачи. Стасик и Сергей «сгрызли» с ним все задачи до конца учебника. Он любую задачу и пример осилит в несколько минут. Привлекая внимание, тянет руку, но Рубацкая будто не видит мальчика в новом костюме. Иван заметил, что одноклассники стали относиться к нему с другим уважением. Девочки оказывают крохотные знаки внимания. А вот Борька перестал носить книжки в школу. Иногда он списывает у Бабкина домашние задания. Говорит, что специальность ремонтника холодильных установок, самая денежная, самая нужная. Иван соглашается, но не хочет идти в ремесленное училище. На это есть причина.

Летом, спустя год, встретит Бориса, выходя из проходной мебельной фабрики, где работал упаковщиком

сервантов. Бориска зазовёт его в павильон, попить пивка. Их обслужат мгновенно. Борька раскроет инструментальный чемоданчик, бросит на мраморный стол кольца самой дорогой колбасы — Охотничьей. «Давно бы матери помогал. Денег накопил на избушку. Знаешь, какой у меня — практиканта — «калым»? Холодильники ломаются каждый день. Пока они не в каждой семье. Скоро наладят выпуск у нас в Сибири, — говорил Борис строго и серьёзно. — Спасибо, что вытурили из этой школы».

Костюм не только дисциплинирует.

Одна незнакомая миленькая кондуктор, с которой он часто почему-то встречается, отрывая билет, перестала брать с него деньги. Она подсаживается к нему, разговаривает. Иван не носит книги в школу, а тетрадки прячет за пояс.

Сергей ходит в школу в кедах, в шароварах. На приятеля смотрит слегка отчуждённо. Они зарабатывают деньги на поездку. По выходным вместе едут на городскую свалку за цветным металлом. Их там не ждут. Местные пареньки гонят, требуя «дурь». Анаши у них нет. Мальчики обещают принести в другой раз. Их прогоняют. Сергей предлагает сделанный из пластмассы пистолет, стреляющий обычными капсюлями. Их пропускают, показывают, где бронзовая стружка, где куски медных проводов.

Иван погладил шаровары. На вопрос мамы ответил:

— Поберегу костюм. Лето. Жарко. В автобусе могут запачкать. — Иван вновь носит шаровары, иногда самошитые коричневые брюки, которые не держат стрелки. Сергей научил его гладить брюки через газету, намыливая

места образования стрелок. Бабкин понял, что друг не завидует, но ему кажется, что дружба вполне может потухнуть, как костёр под дождём. Пока у них общая цель — путешествие на Север. Они редко видятся вне класса, так как Иван теперь живёт на окраине города. Друзья перестали печатать фотокарточки, очень редко бывают у подшефных. Кукольный театр живёт, благодаря старшеклассникам. Иногда они просят друзей сделать из папье-маше голову какого-нибудь пирата или привидения. Спаянные не отказываются, но слишком много времени тратится на учёбу, на добычу денег. Голова медленно лепится из пластилина, потом оклеивается, грунтуется зубным порошком с клеем и сохнет, сохнет. Друзья иногда встречаются у Стасика, стреляют в тире из воздушшек. Пульки Серёжа научился штамповать из свинцовой оплётки кабелей, которые приносят со свалки.

У Крохина опять за четверть двойка по географии. Он её не учит, не вычерчивает карты экономики стран. Это делает Иван — ему нравится рисовать границы государств, условными значками указывать, где выращивают свёклу, табак, лён, а где тяжёлое или лёгкое машиностроение, где добывают нефть и железо, алюминий и алмазы. Сергею это не нравится. Он занялся изготовлением большого магнитофона. Доделал радиоприёмник, который начинал собирать Иван, но ему не хватило нужных транзисторов. Крохин нашёл дефицитные детали. Радиоприёмник ловит станции на длинных и средних диапазонах. Иван слушает радиостанцию РВ-76. Это Новосибирск, «Маяк» и местные станции. Единогласно продали своё детище за десять рублей. Смастерил Сергей усилитель, ра-

диолю. Ищёт схему рации. Спаянные собираются в путешествие по реки. Где-то там в таёжном посёлке живёт тётя и дядя Толя. Поэтому нужна портативная рация, которую друзья перед отъездом подарят дядитолиному лесничеству или оставят двоюродному брату Николаю. Он уже вырос, ходит в четвёртый класс. Радиотелефон — вещь нужная. Без неё в тайге трудно.

Глава пятая

Последняя четверть. Она ответственная, так как последняя. Учёба отнимает свободное время. Дни проходят, как трамваи. О трамваях. Однажды Стас захотел познакомиться Ивана со своим отцом. Было намерение у него помочь Ивану летом с работой. Стас ушёл разведать — на месте ли его отец, не уехал ли куда по организациям с проверками. Он звал Ивана, но Бабкин сказал, что подождёт на трамвайной остановке. Почитает его книгу.

Стас не появлялся. Трамваи приходили, уходили. Он сидел на скамейке и читал «На краю Ойкумены», том, выбранный из книжного шкафа в квартире Дудневых. Иван заметил, что не уезжает никуда и какой-то паренёк в плаще и кепке. Недолго думая, встал у края платформы, будто собирается вскочить в трамвай. Паренёк тоже приготовился встать на ступеньку. Иван кинулся в дверь, но остановился. Парень не успел остановиться. Дверь захлопнулась. Он позлорадствовал, увидев знакомый шарфик. Вновь сел на тёплую скамью и принялся читать, ожидая Стасика.

Трамваи громко звенели, стучали узкими дверями и сверкали искрами, окнами и фарами. Иван заметил пожилого человека, который тоже никуда не ехал. Трюк с посадкой ему не удался. Дед не спешил в трамвай заскакать. А Иван уехал. Он встал спиной к трамваю, но в последнюю секунду развернулся и встал на ступеньку. На следующей остановке выскочил, запрыгнул в другой трамвай. Подъезжая к остановке, заметил стоящую у входа в солидное административное здание, где работал Дуднев старший, знакомую «Волгу». Навстречу шёл Стасик, улыбался.

— Тебя могут принять упаковщиком сервантов на мебельную фабрику. Отец при мне позвонил начальнику отдела кадров. Тебе нет восемнадцати, но паспорт мы скоро с тобой получим. Уже можем жениться. Я бы тоже пошёл, но у нас турнир по футболу на первенство области среди дворовых команд. Жаль, что у тебя не получилось тогда. Почему ты не смог показать себя? Не хотел? Стас напомнил, как Иван на сопке отлично ловил мяч, а когда его проверяли в игре, не смог взять даже лёгкий мяч, летевший к нему с небольшой скоростью.

— Скажи отцу спасибо. Подожди. — Иван подошёл к женщине, торгующей пончиками. Оглянувшись, увидел знакомый шарфик.

— Ты что? — удивился Дуднев. — ...Мне тоже показалось это странным.

— Тебя допрашивали? Говори, как есть. ...Из-за меня.

— Нет. А зачем?

— Не сочиняй. Тебя должны были допросить ещё зимой. Ты мой друг. Им нужно узнать, какие у нас с тобой и с Сергеем интересы. ...Извини, я не хотел, чтобы вам тоже пришлось писать объяснительные.

— Никто меня не заставлял писать объяснительных, — сказал неуверенно Дуднев.

— Я же знаю. Из-за меня. Вон стоит автомобиль. У них одинаковые шарфики. А что станут носить летом — не знаю. Оглянись. Их двое. До свидания. Поеду домой. Сначала было смешно, а теперь грустно. Нам лучше не встречаться. Подкинут пачку листовок и ничего не докажешь. Им нужно поднять процент раскрываемости. Скажи отцу, что такое положение...

— Не смогу. Он — коммунист. Переживать станет за тебя. Ему нравятся твои фотокарточки.

— Он может вовремя помочь тебе. Свяжется с ихними начальниками, убедит, чтобы не занимались глупостями, а вычисляли настоящих антисоветчиков.

— Это не сапожная мастерская, — сказал Иван. — Дураков там не держат. Наверное...

Глава шестая

Иван приехал домой. Он повторял алгебру. Предстояла годовая контрольная. Экзамены отменили. Заявление в училище он не стал писать. Класная сделала очередное предложение. Нона встретила его в коридоре и сказала:

— Иван, я знаю, что ты активно ведёшь себя на всех уроках. Получаешь хорошие оценки, но по математике

положение сложное у тебя. Прими условия. Пообещай, не учиться в этой школе, и тебе поставят по алгебре и по геометрии «посредственно».

— Если я дам слово, что заберу документы, то у меня не будет проблем с годовыми контрольными?

— Ты правильно понял. Будешь снова учиться в железнодорожной школе. Вы переехали. Тебе будет легче. Ездить далеко. Тебя примут, ты учишься хорошо, активен.

— Я хочу учиться здесь, — сказал тихо Бабкин. — Здесь отличные преподаватели. В девятом у нас будет другой преподаватель математики. ...Сказали. Не могу из-за какой-то ерунды оставить друзей.

— Читал «Дон-Кихота»? Зачем воевать с мельницами? Если ты не получишь положительных отметок, то тебя оставят на второй год и всеравно отчислят за неуспеваемость. Ты не сможешь сдать переэкзаменовку. Здесь, в старших классах не оставляют на второй год. Если ты согласишься, то переведут в девятый класс без нервотрёпки. Тебе это надо? ...Другие школы не хуже этой. Ты будешь учиться со своим классом, но в знакомой тебе школе с ребятами, которых ты знаешь.

— Нет. Я — не сдамся, — сказал Иван, вспомнив рассказы мамы о непокорённом дедушке. «Я — выходит, тоже такой непокорный, как он. Жаль, что мы не встретились, дорогой мой дед».

Бабкин вполне мог прислушаться к совету классной, но он не мог просто так сдаться. Ему предъявляли ультиматум. Чтобы избавиться от строптивного ученика, директор пошёл на всё. Стасик обещал помощь. Но что-то она отодвигалась. Мама, как работала охранником, так и про-

должала, но теперь на другом объекте. Вечерами они ходят по улицам, смотрят продаваемое жильё. Бабушка привезло деньги на покупку домика.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Потерянная контрольная. Подарок Юры

Глава первая.

Годовую по алгебре Иван написал на «отлично», а по геометрии поставила Рубацкая двойку. Все примеры и задачу решил на черновике, аккуратно переписал без исправлений. Юра Волков проверил. У них был один вариант. У Юрика пятёрка. Но почему двойка?

— Покажите мою работу, — умолял Бабкин. — Какая-то ошибка. Я всё решил правильно. Я проверил. Знаю материал. Не может такого быть.

— Работы ушли в районо. Ничего поделать нельзя. Я — не помню всех работ, но ты написал очень плохо.

Юра хотел вступить, сказать, что проверил контрольную Ивана, но тот остановил его. Волкову могли тоже сделать пакость.

— Пошла она, — прошептал Бабкин. — Не всё потеряно. На осень она меня хочет оставить. Это мелочь. Ничего не получится у них.

— Это директор. Его работа. — Сказал тихо Сергей.

— Вот тебе и справедливое общество. Говорят одно, а делают другое. Коммунист. Какой коммунизм?

— Она получила приказ, — поджал губы Дуднев.

— Вполне, — согласился Иван. — Не мог я написать на двойку. Алгебру мы смогли одолеть. Геометрию знаю на шестёрку.

— Подвох какой-то. Надо обратиться в отдел народного образования, — предложил Стас. — Короче говоря, идём сегодня.

Поход сорвался. Объявили срочный митинг. Кубинский конфликт с Америкой втянул в свою воронку и Советский Союз.

Иван решил в свой конфликт не втягивать друзей. Он сам ответит за свои стычки с директором. Докажет, что он не прав. Можно было написать заявление и вновь учиться со своим классом. Но тогда вся жизнь станет иной. Он не будет видеть ту задаваку и вредину. Когда она болела, четыре дня были него чёрными и пустыми.

Последний звонок.

Классная руководительница торжественно зачитала выставленные годовые отметки. Рассказала о трудовой практике. Объявила, что Бабкин и Крохин не переведены, а будут сдавать предметы осенью. Нона мило улыбалась, но в сторону Бабкина не смотрела. Иван просил помочь её отыскать контрольную по геометрии в отделе народного образования.

— Контрольные там не дают на руки.

— Вы посмотрите, почему двойка. — Горячился Дуднев. — Одна секунда. Может, фамилию перепутали...

Нона утверждала, что невозможно получить работу, что уже составлен протокол.

— Тогда сделайте комиссию, — поддержала Дуднева Ерёменко Наташа и её щеки расцвели маками. — Помогите

те Ивану. На уроках он отвечает всегда, активно работает. Ошибка.

Класс пошумел, пошумел и притих. Звонок раскатился трамвайной трелью в просторном коридоре. Классная спокойно покинула трон, расставшись со своей нагрузкой. Теперь она не классный руководитель. У неё тоже каникулы скоро наступят.

— Это тебе они мстят за коммунизм. — Сказал Погорцев. — На рыбалку едем? Ты сдашь геометрию?

— Хоть сейчас. Не стану ждать осени. — Подошёл Сергей Крохин.

— Я узнал, будем ремонтировать парты. Только нам с тобой доверил Владимир Эрнстович. За неделю наведём порядок. Это пойдёт нам в зачёт, как практика. Сдадим переэкзаменовку и поедem на север, — сказал он. — Пошли в мастерскую. Ты знаешь, что именно он будет преподавать математику в нашем классе?

— Столько всего делали для школы, а их оставили, — удивлялась Овечкина. — Нона бросила их, как слепых котят. Плывите... Трусливая. Удобная позиция. Всего боится.

— Борьке, который не учился весь год, выставили все тройки, а Ивану подмухлевали. Это вообще, — возмущалась Колесникова. Другие девушки молча выходили из класса, а в коридоре, сбившись в группы, уговаривались отправиться в кафе и отпраздновать окончание учебного года.

— Мы не расстаемся, — подошла Живкова Женя. — С Верунькой будем красить парты и шкафы. Не будем ждать осени. Машка и Нинка запаслись справками, поедут

отдыхать. Анна оформляется в санаторий. У неё сердце пошаливает. Возьмите нас в путешествие.

— Женья, мы бы взяли, но это очень далеко и надолго. Поездом до Томска, а потом на пароходах, потом на плотах... — сочинял Крохин, — придётся есть одну рыбу и ягоду. Там такие комары, как воробьи...

— Пусть на плотах, пусть на собаках. Вы надежные люди. С вами — хоть куда. Вера, а ты?

Девочка с белыми волосами отвернулась, начала укладывать кофту в сумку. В это время звеньевая Орлова резко подошла к уголку класса, с ненавистью сорвала список звеньев и, глядя в сторону Ивана, начала его медленно рвать на ленты, потом на куски. С каким-то горделивым достоинством открыла окно и вышвырнула обрывки на улицу.

— Что ты делаешь? — удивилась Инна Овечкина.

— Всё прошло, — ответила та, и заторопилась из класса, опустив голову.

Неожиданно Женя запела: «Вот и стали мы на год взрослей, и пора настаёт. — Песню подхватили девушки, стоящие в коридоре, — Мы сегодня своих голубей отправляем в последний полёт... Пусть летят они летят и нигде не встречают преград».

Недружный класс пел дружно и слаженно.

Спаянные выскользнули на лестницу. У друзей приблизились сборы в дальний поход. Они нашли карту и вычертили маршрут. Иван купил компас, а Сергей сделал большие ножи, чтобы можно прорубать дорогу в густых зарослях. Иван хотел сказать, что вчера он сдал на три рубля бутылок и макулатуры. Теперь в кассе у них доста-

точно денег, чтобы купить билеты на поезд до Томска и обратно.. Вдруг они увидели Лёвку Брусилова. Тот торчал у стоящего рулона линолеума перед дверью актового зала и курил нагло и безбоязненно.

— Иван, на работу, когда пойдёшь, захвати две фотки на пропуск.

— Какие?

— Обычно — три на четыре. На мебельной фабрике пропускная система. Сэр, а ты тоже будешь упаковывать серванты? Ничего там не заработаете. Отец мне сказал. Он технологом. За Ивана попросили большие люди. — Поднял палец вверх Лёвка.

— Пойду, — сказал Крохин. — В июле. Освободимся...

— Уже вас сажают? — осклабился Лёвка и затушил окурок. — Пока. Шейте шаровары из красного бархата, спаянные одной целью. Грядут большие перемены. Скоро позвонят в колокол.

— По шее не хочешь? — загорячился Крохин.

— Я вас больше всех уважаю, не то, что эти маменькины трепачи. Рудин мог бы вступить, но не захотел. Почему тебе контрольную не показали? Иди к директору, иди в районо. Разберись. Жалуйся в горком комсомола. Там наши люди. Страна советская, а не турецкая... Не бойся. Поможем. Я твою контрольную держу на контроле. Я им устрою. Из-за трёх слов тебя мурыжат. Будет и на нашей улице... — зло говорил Лёвка.

Таким он нравился друзьям. Считали его стилигой, пижоном, а он вроде нормальный.

Глава вторая.

Когда друзья вышли на улицу, Иван спросил:

— Тебе классная не предлагала поставить трояк по географии, но чтобы ты не учился в этой школе, документы забрал? ...Мне предлагала. Пугала, что не аттестуют, что не смогу сдать переэкзаменовку, обязательно оставят на второй год.

— С одним предметом не оставят. Я — сдам географию, но учиться в этом гадюшнике не стану. Отец устраивает учеником токаря. Учиться пойду в вечернюю. Пошли вместе.

— Должен им доказать, что они не правы. Я — должен.

— А если не сдашь геометрию?

— Это ты говоришь? Знаешь мои знания. Мы с тобой готовились. С Дудневым.

— Для них неважно знаешь ты или нет. Директор, думаю, дал задание Рубацкой, чтобы тебя задолбать, и выкинуть из школы, — проговорил тихо Серёжа, оглядываясь. — Нас ждёт Стасик. Он вино купил. Говорит, сдал в ювелирторг старинные полтинники из отцовской коллекции. У меня рация одна готова...

— Не уходи. Мы снова придём на линейку в шароварах. Пусть побесятся. Чего они нам сделают? ...Не боюсь. Пусть таскают. ...Пойдём и мы возьмём бутылёк. Стаська опять кислятину возьмёт.

Дуднев сидел на лавочке у волейбольной площадки в окружении старшеклассников. О чём-то спорили. На крыльцо вышел Юра Волков, полез в карман курточки.

— Вот тебе подарок от мамы.

— Может быть, не стоит, — замялся Иван.

— Не бойся. Если отберут удостоверение, то оно к маме придёт. Она ничем не рискует. Вы проезжаете половину зарплаты. А теперь ты слесарь автопарка. Утром и вечером ездят по нему. Если контроль будет.

— Спасибо. Дорогой подарок. В каком цеху я работаю?

— Уточню. Завтра скажу. Я тоже решил отработать сейчас, а не осенью, — сказал Юра, намереваясь уходить.

— Подожди, — остановил его Сергей. — На вот. Иголками стреляет. ...Любыми, но лучше от машинки. Вчера доделал. Бери. Знаю, где ты живёшь. ...Для обороны. Фанеру пробивает с десяти метров. Бери. Я себе сделаю.

Волков взял небольшой пистолет, подержал отполированную пластмассовую рукоять. Покачал головой и возвратил самоделку.

— Сделай типа браунинга, но чтобы, как зажигалка. Я видел у одного.

— Ладно, — согласился Крохин. — Это хорошая идея. Если добавить поршень с цилиндром, и налить бензин или спирт. Струя горящего бензина испугает любую шайку. А если по наглым мордам. Много будет визгу.

Подошедший Дуднев посмотрел на ограду хоккейной коробки. Весело спросил?

— Отмечать будем? Поморцев сейчас вяленых чебаков принесёт. Наши в кафе закатились мороженое с шампанским кушать.

— У меня сегодня матч. Буду за юношескую выступать.

— Желаю, победы, — сказал Иван.

— Я не сомневаюсь, — дёрнул худеньким плечиком Крохин.

— Хорошо бы к тебе, — сказал Стас. — Пошли на стройку...

— Мама здесь не работает. Её перевели на другой объект — Сутки отработает и двое отдыхает. Хотела ещё устроиться куда-нибудь, но я не разрешил. Болеть стала. Иван помолчал, глядя в сторону хоккейной коробки, — Я знаю здесь место. Прохладно и чисто. Давайте выпьем сегодня водки. Сёрг, выдели из кассы на колбасу. ...Чётко. Вино — это для девчат. ...Приглашай, Стас.

Глава третья.

Утро пришло в город без опоздания. Ермакову гору терзали взрывами. Гора уменьшилась вполовину. Ивану казалось, что гора — живое существо, его изранили безжалостные люди. Грузовики везут по городу части умирающей горы. Куски тела ложатся в бетон фундаментов.

В школьных коридорах суета. Мыли, панели, убирали какой-то мусор, красили двери, рамы. Двигались в разные стороны старшеклассники и старшеклассницы, несли мебель, банки с краской, кого-то искали, переговаривались. Сергей Крохин с Иваном Бабкиным вошли в класс, положили на стол молотки и стамески, коробку с гвоздями и шурупами.

— Сначала проверим... — подошел к первому ряду Крохин.

Друзья понимали друг друга с полуслова. Они быстро пробежались по рядам, хлопая крышками, дёргая спинки сидений, заглядывали под парты. Выяснив, что в серьёзном ремонте нуждаются лишь три парты, а десяток имеют небольшие повреждения.

— Как первоклассник может оторвать спинку, — удивлялся Иван. — Клей нужно и струбцину.

— Дети, как дикари. У нас в школе были ещё довоенные парты. Никто не громил их вот так, — показал Сергей вырванную крышку, изрезанную ножом. — как в этой образцовой школе. Придётся делать новую. Пойду в мастерскую. Нужно менять спинку.

— Эти крышки уже не навесить. Шарниры не будут держать. Шурупы повыдирали. В нашем классе парты целее. Тут какое-то побоище было...

Спаянные собрали негодные детали парт и отправились в мастерскую делать новые. Преподаватель столярного и слесарного дела — высокий молодой мужчина вытачивал на станке кнопку для шкафа. Не выключая станка махнул рукой в сторону стеллажа.

Иван выбрал по размерам заготовленные детали парт, а сломанные сложил рядом на пол. Сергей попросил шарниры. Владимир Эрнстович ушёл в небольшую комнату, Крохин надел очки и взял резец, продолжал вытачивать кнопку. Иван приготовил наждачную бумагу для шлифовки изделия. Сергей замерил образец и принялся отрезать готовую ручку.

— Сколько ещё нужно? — спросил весело Серёжка, сравнивая изделие с образцом. — ...Пятнадцать, так пятнадцать.

Иван нашёл подходящий брусок, принялся строгать его, удаляя грани. Сергей закрепил в патроне. Иван открутил крепёжный винт задней бабки, загнал в центр заготовки острый конец, несколько раз повернул рукоятку зажима. Сергей начал размечать длину будущих кнопок. Иван взялся строгать брусок, собираясь запустить второй станок, но пришёл преподаватель и подал шарниры.

— Можно из рашпиля выточить наждаком один резец. Хотите, я сделаю?

— Крохин, у вас какая оценка по труду? А по машиноведению? ...Этот класс закончите ремонтировать. Девочки начнут красить. Двадцать лопат сделаете, снег бросать?

Друзья переглянулись.

— Двадцать. По десять на каждого, — проговорил Иван...

— И практике конец? — качнул головкой худенький мальчик Серёжа. — Материал есть? Дайте образец.

— Всё дам. Есть материал, есть ручки, есть фанера. Только делать некому. Вам я могу доверить. Давно за вами смотрю. Только двадцать. Не больше и не меньше. Не верите?

Сергей взял образец, внимательно рассмотрел. Его голубовато-серые глазки сверкали огоньками. Он вертел лопату, словно никогда не видел. Потрогал жестяную оковку, подёргал черенок, провёл по нему рукой. Увидев

печать, удивился, прочитал название мастерской, потом стоимость.

— А если сделаем раньше?

— Нет. Раньше делать ненужно. Есть лопаты, есть заказ, есть срок.

— Хорошо, — сказал Иван. — Две лопаты в день.

— Я так не люблю. Чего тут делать. На три дня работы, — проговорил Крохин, когда вышли в коридор.

— Нам же ещё сдавать нужно, — вздохнул Иван. — Я думал, что сделаем и — свободны. Его тоже проверяют. Лопаты дорогие. Пивка бы выпить, что-то после вчерашнего в организме не порядок.

— Сделаем и продадим на базаре, — рассмеялся Крохин беззвучным смехом. — Договорился с математичкой? Кто у тебя? Пошли в обед в гастроном попьём соку. Не пил, но всеравно. У меня что-то голова потрескивает. Надо освежиться слегка.

Глава четвёртая.

День следующий.

Друзья пошли в учительскую. После короткого объяснения, узнали расписание своих занятий, встретились с преподавателями. У Сергея сдачу зачёта будет принимать молодая худенькая особа, которой раньше они не видели в школе. Ивана увела в класс пожилая серьёзная женщина. Там сидели четыре человека из девятых и десятых классов, кривились и тёрли лбы. За учительским столом сидела Стелла Кропачёва и что-то писала. Вера Ильинична дала Ивану листок с заданием. Принялась обходить

парней, которые вздыхали и грустно смотрели в окна, разглядывая облака, танцующие вокруг верхушки телевышки.

Бабкин впился в условие задачи, прикинул, как доказать теорему о смежных углах. Всё это он знал, как таблицу умножения. Пока заботливая тётка пыталась понять, какие пробелы в знаниях нужно восстанавливать у оставшихся учеников, Иван решил задачу, набросал доказательство теоремы, проверил написанное. И сидел, поглядывая на Стеллочку, из-за которой часто «бодались» на вечерах горячие хлопцы из трех десятых и двух одиннадцатых классов, претендовавших на благосклонность девочки-звезды. «Что она тут делает? Школу окончила. В институт готовится, тёте помогает? Следит, чтобы не очень быстро списывали».

— Не можете вспомнить? — села рядом учительница, придвинув к себе листок. — Всё правильно... Отлично. Быстро. Ещё не желаете получить задание? — Иван согласился. Женщина подошла к столу, взяла такой же листок у Стеллы.

Не больше пяти минут потребовалось Бабкину, чтобы выполнить задание. Вера Ильинична удивилась, поджав губы. Подобных двоечников она не встречала ещё в своей школьной жизни. Пока Иван выполнял третье задание, преподаватель, отпустив парней, о чём-то шёпотом разговаривала с выпускницей.

— За что вас оставили на осень? — спросила женщина грустно.

— Незнаю, — ответил Иван. — Алгебру написал на «отлично», геометрию тоже, но сказали, что плохо. Работу

мою мне почему-то не показали. Стелла сказала, что вы не в ладах с директором?

— Незнаю. Я — с ним в ладах. Нина Наумовна хотела стать моим репетитором, но у нас с мамой нет таких денег. Она получала очень мало, а сейчас ещё меньше. В третьей четверти не аттестовала по алгебре, а по геометрии поставила двойку.

— Он с другом был пионервожатым в шестом. Сделали фотолaborаторию, кукольный театр, оформляли колонну школы. Иван актовый зал оформил к Новому году, — проговорила Стелла и встала к окну. — Его стихотворения и фотокарточки печатают часто в газете. В «Пионерской правде» недавно была заметка.

— Кое-что мне известно, — Вера Ильинична удивлённо смотрела на подростка и машинально протирала очки платочком. По классу гулял сквозняк, пытавшийся забавляться страницами книги. В раскрытые форточки втекал тяжёлый горячий воздух. Со стороны реки напозвала чёрно-сизая туча. В коридоре кто-то смеялся громко и неестественно. Доносился стук молотка в соседнем классе.

— Он сказал на уроке истории, что коммунизма не будет. Протестуя против стилижничества, пришёл на линейку первого сентября в шароварах. Вы бы их видели — шире Чёрного моря.

— Помню. Это вы?

— Не протестовал я, — сказал Бабкин. — Честное слово. Так получилось.

— А ещё Иван собирает историю города. У него есть доказательства, что наша крепость была построена до похода Ермака. Он говорит, что Русь была не только Киев-

ской, но и Сибирской. Пушечные стволы, которые подняли со дна, попали сюда не на стругах Ермака, а намного раньше. Захоронения рассказывают, что здесь жили люди культурные и грамотные. Не кочевники, но умеющие разводить скот, обрабатывать землю. Отряды Ермака прибыли в Сибирь не завоёвывать, а защищать от набегов.

— Вы хотите стать историком?

— Незнаю, — смущённо ответил Иван, с благодарностью поглядывая на Стеллу. — Нравится история. Я нечаянно вывел формулу для устного счёта прогрессий.

— Каких? — удивилась Стелла Кропачёва.

— Геометрических и арифметических. ...Прошу задание. Вы можете проверять ответы на доске, — обратился он к девушке с кукольным личиком.

Глава пятая.

Ивана опять занесло. Он начал хвастаться своим математическим фокусом перед учительницей, перед сидевшими. Захотел показать, что он не лыком шит. Это ничего, что его оставили на осень, что его мама не занимает высокий пост в обкоме, а папа где-то живёт, забыв о родном сыне, который не как все. Умеет делать то, что другим школьники не по силам. В такие минуты он был сам себе противен, но ничего не мог поделать с собой. Честолюбие, желание показать себя с другой стороны, доказывая, свою значимость.

Что тут плохого, не присваивает чужое, не ворует... Просто рассказывает о том, что может. Не выпендривает-

ся, но хвастается. Хорошо, что Сергей и Стас не видят его, а то бы друзья изменили о нём свои мнения.

Бабкин решал прогрессии. Им восторгались. Удивлялись. А он опять парил, но на этот раз над полом класса, едва не задевал белые круглые плафоны. Упивался триумфом. А выпил всего-то полстакана сухого вина. настроение поднялось, и уже Бабкин мало понимал себя, стараясь поразить слушателей знаниями.

Пятеро отстающих сидели, распахнув рты, просто ели Ивана всеми глазами. Стелла тоже впилась в него и восхищённо качала очаровательной головкой.

Если бы та суровая молчаливая так смотрела на него. ...Да, тогда он летал. Ведь мячи всегда подавала только ему. Его полёты над площадкой, над сопкой одноклассники видели. Стасик удивился. И не только он. Она не удивлялась, словно знала, что может и не такое.

Иван вспомнил, как пришёл на тренировку дворовой команды с Крохиным. Стасик готовил мяч, а Панфилов занимался с основным составом гимнастикой. Мальчики четвертых и пятых классов разминались. Дуднев инструктировал свою дружину, стоял у ворот в окружении футболистов постарше. Футбольное поле — на пустыре недалеко от старенького домика. За ним возвышалась громадина из семи этажей. Разметка сделана недавно. В неглубоких канавках белый песок со стройки. Стасик разделил ребят на две команды. Иван встал в ворота. Ребята играли легко, свободно, отрабатывая отбор мяча, передачи головой. Бабкин понял, что он не тот, каким был на сопке. Ему забивали легко и непринуждённо. Ему было смешно.

«Зачем я сюда пришёл? — спрашивал себя. — Понятно, что никакой я вратарь. Стасика подвёл. Говорил ему, убеждал, что только на горке у него тогда получалось нечто. Лёгкий волейбольный мяч был ему послушен».

Неожиданно на поле вышли незнакомые подростки. Они курили и бранились. Началась игра. Дуднев был рядом, в защите. Он следил за Бабкиным. Удары издали Иван отражал неряшливо. Не мог поймать летящего изда-лека мяча. Дуднев бил себя по бедру, возмущаясь:

— Соберись! Что с тобой? Вспомни, как ты брал на горе. Что случилось?

— Я тебе говорил... Это не тренировка? — удивился Бабкин.

— Но я видел, какие ты брал мячи. Тебя подменили? Я столько о тебе рассказывал парням.

Иван удивлялся. Не мог отразить простой навес. Пропускал один лёгкий мяч за другим. И хотя малыши тут же сравнивали счёт, им было очень тяжело обыгрывать высоких и наглых соперников, которые отталкивали нападающих руками, хватали за майки. Судья редко останавливал игру, назначал штрафной. Мальчишки пробивали точно, но вратарь был на месте. Стасику удалось заколотить два удачных гола.

Бабкин всё же иногда недоумевал — куда делась его прыгучесть и отвага. Хотя всё прекрасно знал и понимал. Пытался вновь стать таким, каким был тогда. Не получается. Нет той волшебной лёгкости и умения. Хоть ты разбейся. Нельзя подводить друга, который верит в него. Стас обманулся. Хотя своими глазами видел работу настоящего вратаря.

Бабкин бросается в ноги нападающим, но поздно. Обманное движение — и мяч в сетке. Два или три раза он отлично взял кручёные мячи, но на общем фоне его игры это было каплей. Дуднев понял, что чуда не будет. А что ж тогда было там, на пикнике? Ивану трудно, хотя он и старается, бесстрашно бросается в ноги. Дуднев встал в ворота.

В защите от Ивана тоже не было особой пользы. Городские нападающие играли не так, как сельские. В несколько касаний выходили к воротам и били. Иван не успевал за ними. А когда сближался, то прямолинейно, неуклюже толкал нападающих, пытаясь отнять мяч, но его легко обводили. Он падал под ноги, ложился под удар. Это было ново, хотя и малорезультативно. Зато его спокойно с улыбками и даже извинениями пинали по рёбрам, а судья не мог или не хотел это увидеть. Игра становилась жесткой.

— Сбивайте, — приказал Стасик защитникам. Панфилов, страховавший Ивана, получил сильный удар по ноге и уже не мог быстро бегать. Нужно было отыграть лишь один мяч, чтобы свести на ничью товарищескую встречу, которая ничего не решала, но престижно победить сильную команду города. И нужно показать себя, своё мастерство.

Времени оставалось очень мало. Нападающих мальчишек не подпускали к воротам, но они жонглировали мячом, как настоящие циркачи, просачивались к воротам и там их укладывали, сбивая с ног, не давали пробить.

Пришло второе дыхание. Иван носился по полю, стараясь загладить вину перед ребятами, хоть какую-то,

но принести пользу команде. Он не оправдал доверие. Это его угнетало. Он уже дважды сбивал с ног нападающих, Дважды Стас отражал штрафные. А стоял он великолепно. Легко вытаскивал мячи из девятки.

— Пошли в атаку, — сказал Юрик — подвижный мальчуган в разорванной майке, со следами крови на лице. — Закрывай меня со спины.

Они пошли по левому краю. Иван не давал возможность противнику толкнуть мальчугана, схватить за трусы или майку. Ивана пинали, били по спине, но они упорно продвигались к воротам, изредка передавая мяч ловкому и быстрому Изюмскому. Его не сбивали. Его боялись. Он мог после встречи отомстить обидчику за умышленные побои. И даже ткнуть пикой в ягодицу.

В штрафной площадке Ивана толкнули в плечо, но он удержался, ударили по шее. В ответ тоже бил локтями, не давая свалить малыша.

— Задержи их, — приказал мальчуган. Ивану пришлось упасть. Образовалась куча-мала. Мальчишка обманул опытного вратаря и, лёжа, пробил в правый свободный угол. Изюмский, ожидавший передачу, понял, что он бы так не смог. Малышей тренировал Стас. Виктор встал рядом со своим нападающим, приготовившись его защитить.

— Скажи, почему ты там, на горе уверенно стоял на воротах? — допытывался Дуднев. В последнюю минуту он покинул ворота и повёл в атаку своих малышей. До ворот оставалось совсем немного, гол был неминуем. Юркие сыгранные мальчишки обязательно обманули вратаря и

закатали бы победный гол. Противник был измотан. Было понятно, кто на поле хозяин. Судья отчаянно засвистел.

— Там другое земное тяготение. — Переводя дыхание, говорил Бабкин. Крохин кивал головкой и поджимал пухлые девичьи губы, пряча улыбку. Он точно знал почему Иван не смог показать настоящую игру, почему на горке ему удавалось брать коварные подачи, почему мяч всегда летел ему в руки. Сергей молчал и нисколько не удивлялся. Он знал причину отличной игры друга.

Глава шестая.

Оставленные на переэкзаменовку, понуро уходили. Им предстояло заниматься в то время, когда песок на пляже так горяч, а вода в реке ласкова и холодна. Вера Ильинична собрала тетрадки с выполненными заданиями и пошла к двери, оставив племянницу и странного мальчишку. Стелла заторопилась за ней, зачем-то говоря на ходу, словно хотела сделать наиважнейшее открытие:

— Бабкин любит полонез Агинского. Знает все оперы Бизе, — Сказав это, девушка возвратилась и встала к окну, следя за комкастыми сине-белыми облаками, подсвеченными снизу золотыми солнечными потоками. Клубы на небе перемещались, словно кипели в огромном котле. Бабкин стоял рядом и видел, как в месиве потоков вспыхивали тонкие нити коротких молний.

— Будет дождь, — проговорила очаровательная девушка. Она знала, что у неё чудесное лицо и удивительная фигура. Поэтому встала так, чтобы паренёк оценил её великолепный профиль, тонкую талию и выпуклые картин-

ные бёдра. Вдруг женщина в синем жилете и кремовой блузке возвратилась и бросила в проём двери:

— Сейчас приду. Подождите.

Её долго не было. Иван не знал, как себя вести с выпускницей. Время медленно шло. Бабкин нервничал, не особенно радовался присутствию беззастенчивой девушки. Сергей на первом этаже ремонтировал ломаные парты. Он должен быть рядом с ним. Когда придёт учительница, неизвестно. Винный угар прошёл. Иван стал прежним.

— Я пойду ремонтировать парты. Нам дали класс. Практика. Решили отработать сейчас.

— Подожди, — сказала девушка и заботливо посмотрела ему в лицо. От нестерпимой доброты ему стало хорошо и волнительно. Ещё никто не дарил ему подобных взглядов. — Ты, правда, не умеешь танцевать? Я буду тебя учить. Приходи завтра ремонтировать парты. Нельзя жить, не умея вальсировать.

— У меня не получится. Не смогу.

— Почему? — почти воскликнула, сияя кукольным личиком, девушка. — Это же так просто. Положи руки сюда... — Иван откачнулся. Сел за парту. — Странно. Ты боишься меня? Встань. Тебе не хочется обнять меня?

— Не в этом дело. Обниматься под музыку у всех на глазах, может быть, и хорошо, но не для меня.

— Я — поняла. Ты никому не делаешь ничего плохого. Мы только будем танцевать. Больше ничего. Ты никому не изменяешь...

— Я дал себе слово, что...

— А если она станет тебя учить? согласишься?

— Нет. Не станет.

— Я знаю её? — тихо спросила Стелла, складывая руки под высокой грудью.

— Знаешь. ...Какая разница? От этого ничего не изменится.

— Ты ей сказал? — расстроилась девушка, получившая может быть сотню записок, часто слышавшая искренние признания и клятвы в верности.

— Она знает. Что тут говорить, когда без слов всё ясно. ...Она знает. Только что-то не так. А что — не знаю. Мы просто ещё дети, хотя уже и выросли.

Быстрыми шагами от двери шла озабоченная Вера Ильинична. Она несла перед собой лист бумаги. Стелла улыбалась чему-то, глядя на доску, разрисованную смешными фигурками. «Шифр Артура Конондойла. — подумал Иван, — пытаюсь припомнить какую букву обозначает первый человечек с поднятой вверх левой рукой, а правая рука упиралась в бок. — Нужно заглянуть в записную книжку. Кажется буква «Я». Кто же это написал?»

— Бабкин, вы сдали переэкзаменовку, — заговорила, вздохнув, женщина, — Если хотите дальше учиться в этой школе, учитесь. Вы аттестованы.

Не арестован, но аттестован... Всё будет по-старому. Он будет видеть эту злюку, будет встречаться на вечерах, а на уроках физкультуры они будут посылать мячи друг другу, играя в разных командах. Она умеет подавать кручёные мячи, великолепно прыгает и сильно «режет», но ему посылает лёгкие мячи, которые легко принимает. А если он сделает плохую подачу, не обманную, а неловкую, неумелую, она её обязательно возьмёт, как бы это не было ей трудно сделать.

От неожиданности Иван, как пишут в романах, окаменел. Он ждал ещё каких-то неприятностей, ему должны были устроить опять ловушку, загнать, как говорят, в пятый угол. Завуч, которая отняла теневой театр, заставляла заниматься только им, требовала регулярного выхода фотовитрины, рассказывающей о школьных делах, но не давала денег на фотоматериалы, узнала, что он выполнил три задания, что его напрасно оставили на осень. Она не могла не знать, что Бабкин ни в чём не виноват. Справедливость обнаружилась. Директора не стоит бояться, он будет преподавать в институте.

Радости не было. Стелла поздравляла, тормошила, брала за руки. Он вдруг почувствовал, что сейчас девушка увидит его слёзы. Бабкин кинулся к двери. Остановился.

— Спасибо, — выдохнул, пытаясь избавиться от мягких лап, сдавивших горло.

Глава седьмая

Они работали. Никто им не мешал. В большие окна струисто вливалось солнце. Сизая туча висела над горами за шлюзами, за городом. Всю ночь шёл дождь. Друзья прикручивали новые некрашенные крышки парт, меняли треснувшие от яростной учёбы спинки и сиденья. Сергей так подгонял детали, что не было щелей и перекосов. Он закруглял края рубанком, шлифовал наждачной бумагой. Иван любовался работой друга и старался не отставать. Оставалось совсем немного — две парты. Вошли девушки с банками краски.

— Мы не помешаем? — спросила, сверкая зубами и веснушками, Женя Живкова. Она быстро поправляла свои огненные локоны под косынкой. Вера прошла к окну, поставила банку с краской, начала что-то искать, проходя между рядами. «Какая она хорошенькая, — подумал Иван, — Даже лучше, чем Стелла, чем Наташка. Она строга и молчалива. Смеётся редко. В синих глазах, за стёклами очков замёрзли боль и грусть».

— Мы вам поможем, — сказал Сергей. — Кисточки принесите.

— Нам только шкафы, — сказала Вера, — Мы сами управимся.

Иван завернул последний шуруп, стукнул крышкой парты и начал открывать заклеенные осенью окна. Трещала бумага, стучали рамы. Между ними лежал слой чёрной пыли.

— Надо же, — удивлялась Женя. — Окна заклеены замазаны, а откуда столько пыли?

По городу спешил прекрасный июньский счастливый день. Пахло распустившимися листьями тополей и клёнов. Запахи краски из банок и со стен шкафов пытались смешиваться с воплями детей на спортплощадке, но таяли среди солнечных струй.

Девушки ушли переодеваться, а Иван и Сергей, мыли руки в кабинете по труду. Владимир Эрнстович остался доволен работой друзей, но попросил закрыть окна. Они медленно шли по нагретому асфальту тротуара и планировали, как начнут делать заготовки для лопат.

— Зайду за проявителем, — сказал Иван. — Нужно сегодня попечать фотки. Ходили с бабушкой по адре-

сам, домик выбираем. Не по нашим деньгам. Вчера встретила бабушка старых знакомых. Сфотографировал. Пришли соседи. У них ребёнок начал ходить. Всё плёнку забил. Обещали заплатить, если сделаю хорошо.

Сергей знал, что маршрут Бабкина будет пролегать по двору, мимо окон той задаваки и вредины, которая не пришла отрабатывать, хотя и обещала девочкам из звена. Если бы она тогда сидела на лавочке у края футбольного поля, разве Иван смог столько пропустить мячей? Никогда! Тогда бы он не подвел ни Стасика, ни команду. Но её не было на том матче. Сергей звал. Она не то что противна ему, но её считает странной. Даже списать никому не дала. Училась хорошо, а списывать не разрешала. Даже староста, и тот никому не отказывал в помощи.

— Куплю пончиков, буду ждать напротив у дворца Metallургов. Хорошо. ...Только две бутылки пива. Куличок обещал приехать. Толя Бирюков сегодня на соревнованиях по штанге выступал.

Иван вошёл в арку между домами, увидел девушек, играющих в волейбол. Маша, Нина, Валентин, Юра и она. Летние воздушные открытые платья. Мальчишки щеголяли в спортивных брючках, в разноцветных теннисках.

— Давай, с нами! Мы собираемся позагорать...! Где Сергей? — Девушки поморщились. От Ивана пахло краской и керосином.

— Стелла сказала, сдал геометрию, — оставив игру, просто сказала она, заглядывая в его глаза, будто искала в них что-то потерянное. Иван удивлённо читал всю её, как интересную книгу, всматривался в милое и дорогое лицо, словно хотел запомнить и выучить его, как стихотворение.

— Сдал. Ты тоже пойдёшь на пляж?

— А ты? — ветер шалил подолом нового платья-колокола в бело-жёлтые полоски. Можно было поиграть в мяч, отправиться на пляж, но его ждал Сергей. Он не мог оставить друга, зная, что Крохин на пляж не пойдёт, а ещё ему очень хотелось глотнуть холодного пива. Оно ощущалось у него во рту, не давая думать о чем-то ином...

— Не получается, — сказал он, глядя её удивительное лицо мягкими глазами. Они смотрели друг на друга, словно впервые увидели. Мальчишки перестали играть, и сели в тени клёнов на зелёные рейки скамьи напротив подъезда. Девочки сбились в тесный кружок, начали планировать, что взять на пляж...

Они порвали свои сплетённые взгляды и начали жить дальше.

Иван быстро шёл по двору, и вдруг по-привычке, как делал сотни раз, жадно взглянул в знакомые окна.

Я видел этот взгляд, понял, что Иван изменился за последние два месяца. Из тихого провинциального паренька превратился в уверенного и стремительного юношу, который не может прийти на школьный вечер без глотка портвейна. Он не один у нас в классе. Выпивают мальчишки, а что криминального? Она провожала его потоком грусти, изливавшейся из не серых и не карих некрасивых, прищуренных глаз.

— Как мне жалко их, — шёпотом сказала Нина, наморщив носик.

— Так бывает, — вздохнула Маша Букавникова. — Хорошо, что он ничего не узнает. ...И мне жалко. Я всегда

удивлялась, когда она резала мячи. ...Как парень. Никто не мог их взять.

— Бьёт сильно, — поправила солнцезащитные очки Татьяна Мурашкина. — Я так не могу. Никто в классе так не умеет. Может быть, только ты, Мария. ...Как узнала? Случайно. Поклянись, что не расскажете ему.

— Хватит сочинять, дочки. Кто это придумал? ...Мы вместе освобождение брали от физкультуры у медсестры. — натянуто рассмеялась Инна. — Наврут с три короба и сами верят.